

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Том 10–11
2012

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. – председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. – сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного русского народного собора.

Скворцов К.В. – секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель – А. Г. Романовский

Главный редактор – Л. И. Мачулин

Отдел прозы – И. Н. Глебова

Отдел поэзии – А. М. Мирошниченко

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
тел./факс +38 (057) 700-40-25

ПОЭЗИЯ

Нина КАРТАШОВА

ЛЮБИ СВОИХ — И ОБЕССИЛИТ ВРАГ!

* * *

Сколько лет шёл отбор подлецов,
Покупали вождей и певцов.
Выбивали смелых и честных,
Распинали на муках крестных,
Воспевали порок и блуд.
Да скорее бы Страшный Суд:
Мне отмщение и аз воздам!
За Россию её вождам,
Всем жрецам Золотого Тельца,
Детям за преступленья отца.
Есть ли праведник или герой?
Никого? Дармоедов строй?
Да рабы, в ком не смысла не сил...
Нет, Потоп преступленья не смысл,
Пусть Огонь наш очистит срам:
Мне отмщение и аз воздам!

* * *

Разрывают Россию на части,
И заступника больше ей нет!
Где наш царь? Или вождь? Или пастырь?
Где наш русский великий поэт?
Извели, уничтожили лучших,
Остальные и сами поймут,
Сами внуков бояться научат,
Сами слово и совесть распнут.
Лезут вверх по смертям негодяи,
И задобренный пастырь молчит,
Вор на воре воров погоняет,

По колено в крови палачи.
Всё по плану. Но в промысле Божьем
Есть победа над смертью Христа,
Если только поверить мы сможем
В милость Божью и силу креста...

* * *

Огрубели сердца, осквернились все чувства
И коммерческий грех воспевают искусство.
И реклама блудниц, и прелестных и грязных,
Бес – подобных, без – образных и безобразных.
Всё за деньги. Невежество, образование.
Всё за деньги. И даже Святое Писанье.
И торгуют мальчишки, старухи во прахе.
Нынче с миру по нитке – не будет рубахи.
Нынче милость и та на торгах продаётся.
Нынче слово и то даром не подаётся.
И влюблённых не стало. И нет идеала.
И земля как жена нынче плод не давала...

* * *

Плачут Богородицы образа,
Если их целует Искарот.
Я гляжу открыто в твои глаза,
Спрашиваю прямо, где мой Народ?
Нищета и грязь, воровство и ложь,
И опять строительство на песке,
И опять в колодец свой ты плюёшь,
Сидя на своей гробовой доске.
Бесконечен круг, безнадежен рок.
Но Россия нас бережёт в горсти,
Если плачут иконы, то помнит Бог!
Он вернёт Народ на свои пути.

* * *

Подменили России детей,
Вот чужих она кормит и поит.
И они, непохожие с ней,
Ни добра, ни заботы не помнят.

На запчасти родимых сирот
Препарировали и раскромсали.
Подменили России народ,
Уцелевшие вымрут сами?
Только Бог не оставил нас,
Сохранил, воспитал и поднял.
Уцелевшие! Пробил час —
Затворить врата Преисподней.

* * *

Приподнятый славянский нос,
И детский рот неискушённый,
И лёгкость русая волос,
И лоб от мира отрешённый.
Но шеи гордость и изгиб,
Плечей покатая картинность —
Не девственный, а женский тип.
Но всё-таки и в нём невинность.
И взгляд души не подавлён
Тенями красок и страстями,
Он чистотою ограждён,
Как будто осенён крестами.

ЧИТАТЕЛЮ

Я — здесь, с тобой, далекий ближний друг!
Прими в себя мой мир, прими мой дух,
Раскрой стихов бесхитростных листы,
Побудем вместе, друг мой, я да ты.
И где есть двое — третьим только Бог.
Пускай слова убоги — смысл глубок.
Далекий ближний! Мир тебе и свет!
Прими стихи — ведь ты теперь воспет.

Моя Поэзия — Судьба, а не профессия,
Моя религия — Христос, не чужебесие,
Мое Отечество — Святая Русь Державная
Все остальное для меня не главное...

Великомученик-великоросс!
Храни свой остаток свято,
С тобою на муках Господь наш Христос
И Родина наша распята.
И чтобы воскреснуть, храни русский дух,
И душу, и веру, и слово —
Среди непотребных последних разрух
Нам храм надо выстроить снова.
Не повинуйся продажным властям,
Не примиряйся с позором,
Коварным и лживым не верь новостям
И не соглашайся с воров.
В беспмятстве время от крови и слез,
Бесчинствуют новые тати...
Великомученик-великоросс
И всякий народ! Вставайте.

Ты воин в Поле безоружный,
Народ свой бедный не злословь.
Пусть он забитый и недужный,
Но исцелит его Любовь.
Не кнут, не хлыст, не поношенье —
Любовь! И память о себе.
Не искушенье — воскрешенье
Добром, наперекор судьбе.
В меч препояшься крепче, воин,
И сердце Богу приготовь.
Ты должен русским быть достоин,
Народ свой бедный не злословь.

«Друг друга любите
нелицемерно сотвори».
Помогите тому, кто слабее.
Русский русского да не покинет,
И в беде своего пожалеет,
Не забудет и не отринет.
Ни за то, что он стал безродным,
Ни за то, что он пьет да курит,
Ни за то, что он стал неугодным,

Что его только бьют да дурят.
Все простим. Перестанем считаться,
И друг другу руки протянем,
Не забудем родства и братства,
Все стеной друг за друга встанем.
А иначе возьмут всех даром,
А иначе России не будет,
Продадут всех дешевым товаром...
И пусть Бог нас за это судит.

Последних капель поцелуй,
Как легкий ландыш на щеке.
И снова голуби воркуют
На ярком от дождя песке.
Прошла гроза, клубятся воды,
Двойная радуга парит!
И дышит почва диким медом,
И лес листвою говорит.
Нелепый старый дом кирпичный
Дождем и светом обновлен,
Стал непривычный, необычный —
Хозяин молод и влюблен.
И та, которая здесь будет
Растить цветы, детей — поймет,
Что Божий мир так прост и чуден:
Дождь, радуга, и труд, и пот.

Знаменем просиял в лазури вечной
Похода давнего надежный щит —
Ерусалимский крест равноконечный,
Что на одежды черные нашит.
Он прост, суров, без легкости узорной.
Ненарушимый мужества обет.
На скорби наших дней кромешно-черной
Он несомненный и победный свет.
Равноконечный крест. Святая доблесть.
Знак воинов, достоинство вождей.
И не за страх служение, за совесть.
Крест — верность жен. Крест — слава их мужей.

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

Иду по городу родному.
На всем чужие ярлыки,
Подобострастие к чужому,
Смешались речь и языки.
И русских лиц почти не видно,
Лишь небо русское одно.
Но даже небу нынче стыдно,
Внизу фонарь – вверху темно.
Как будто Родина не наша,
Как будто воины рабы.
Неупиваемая чаша
Судьбы без воли и борьбы.

Что нас объединит в года Великой смуты?
Неужто только ненависть к врагу,
Которого и с другом можно спутать?
Враг скрытый, как иголка во стогу.
Нет. Только на любви возможно единенье:
Любить друг друга больше сытых благ,
Беречь и защищать от униженья.
ЛЮБИ СВОИХ – И ОБЕССИЛИТ ВРАГ!

Россию до размеров огорода
Хотят лукаво раскромсать живую.
Сидят, едят предатели народа
И землю моих прадедов свежую.
А вы толкуете: «Нельзя прямолинейно,
Не надо громко, великодержавно...»
О Боге рассуждаете елейно,
Народ же вырождается бесправно.
Но вы его же этим укорили:
«Как он посмел дойти до вырожденья!»
Предатели предателей укрыли,
И не прошу простить за выраженья.

Вот сколько нынче всякой разной дряни
Пирует на развалинах страны!

Их благородия, сиятельства, дворяне...
Да Двор-то государя сатаны.
Гнушаясь собственным народом, как и прежде,
За что и мстил когда-то Красный хам,
Два пальца протянув ему небрежно,
Дворяне обе руки жмут врагам.
Да, господа, Империи не стало.
Теперь не запретишь красиво жить.
Как много спеси, только чести мало.
Дворянство надо снова заслужить.

И тверди, и хляби небесные,
И горы, и доли понизились —
Опять испытания крестные
Вплотную к России приблизились.
Нестыдно ли, братья, нам ссориться?
Друг друга врагам оговаривать?
По людям с сумою позориться
Да дедовы земли раздаривать?
Над нами же враг потешается,
И честный за нас не заступится.
Ведь братская кровь не прощается
И только лишь кровью искупится.

Плачут Богородицы образа,
Если их целует Искарот.
Я гляжу открыто в твои глаза,
Спрашиваю прямо: где мой Народ?
Нищета и грязь, воровство и ложь,
И опять строительство на песке,
И опять в колодец ты свой плюешь,
Сидя на своей гробовой доске.
Может, власти сам ты уже не рад,
И не ты ведь правишь, правят тобой.
Продал душу — все! Не купить назад.
Ты уйдешь, взамен посвящен другой.
Бесконечен круг, безнадежен рок.
Но Россия нас бережет в горсти,
Если плачут иконы, то помнит Бог!
Он вернет Народ на свои пути.

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу.
Да только жить спокойно не дают,
Конец готовят Русскому Народу.
Но за уют я не пойду в полон,
Напрасно ворон надо мною кружит.
Как испокон я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие.

У тех, кто правит, злато и булат.
Осталось только душу взять Народа,
По плану, до двухтысячного года.
И мудрецы нам льстиво говорят:
«Пашите и пишите под контролем.
Терпите и смиряйтесь. Вот вам храм.
Мы овладели Куликовым Полем,
Чтоб вы между собой сражались там.
Ля рюс хотите? Вот вам балалайка, Фольклор...
Но править вами будем мы!» —
И торжествует мировая шайка,
И в патриотах ходят слуги тьмы.
А мы? Все врозь на Поле Куликовом.
И часто пастырь с волком заодно.
И дело оказалось только словом.
Но слово было все-таки дано.
Имеющие уши, да услышат.
Имеющие совесть, да поймут:
Святая Русь хранима Богом свыше!
Но и внизу свершится Божий Суд.

Теряемся в сражениях неравных,
Уже без маски главный лицедей.
Стиль новых русских, новых православных,
Всё тех же комсомольцев и вождей.
За деньги всё, и чувство, и искусство,
Рабочих труд, как в рабстве, задарма.
Кому-то густо, а кому-то пусто,
А честному сума или тюрьма.
Поверьте русским православным старым:

Не скроешься от Божеских Очей.
Продали то, что получили даром,
Но Бог изгнал из храма торгашей.

В штатском шатаюсь позоре и сраме,
Вечная память златым эполетам,
НЕ БЫЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ РАБАМИ,
Вы, офицеры, забыли об этом.
Как же России и женам за вами?
Всхлипы гитары, а трубы забыты.
НЕ БЫЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ РАБАМИ,
Что же так воины нынче забиты?
Что же так нынче торгуют друзьями?
Честью мундира? Осмеянной славой?
НЕ БЫЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ РАБАМИ,
— Были великой и гордой Державой.
Власти, начальство... Всё так. Но вы сами
Трубные марши в гитарах растлили.
НЕ БЫЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ РАБАМИ,
Даже советские Русскими были!
Ну, а теперь перед образом в храме
Благословитесь за Русь и за Веру:
НЕ БЫЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ РАБАМИ,
Трубы взыграли Честь офицеру!

Ты говоришь: «Прощай, Славянка!» —
Прощаю. И благословлю:
Воюй! Горда твоя осанка
И взгляд, который я люблю!
Воюй. Мечом, крестом и словом.
Не медли, ангел ждет, трубя.
Ты не один в строю Христовом. —
«Иду, Славянка! За тебя!»

Ступай на четыре свободные стороны,
Брось крест непосильный, души перегрузки...
Что есть у нас здесь? Или мы завоеваны?
Но всё же покуда пишу я по-русски!
И слово моё — наша древняя Слава.

Так вспомни, о чем мы сегодня забыли:
У НАС НА РОССИЮ СВЯЩЕННОЕ ПРАВО.
Законный наследник Донского не ты ли?
А если велик и далёк этот ратник,
То вспомни поближе, хоть бабкину малость:
Сменила кисейное платье на ватник,
УСАДЬБЫ СГОРЕЛИ, НО ПОЧВА ОСТАЛАСЬ!

Как хороша в заре первопрестольная!
Играют купола, колокола.
Была ты вольная, была крамольная,
Бела и белокаменна была.
Москва боярская, купеческая, царская!
В родном снегу, в лазоревом цвету.
Москва бунтарская, кумачно пролетарская,
Вновь опрокинутая в пыль и в суету.
Москва прекрасная, и белая, и красная.
Снисходит в Кремль победная заря —
Хранит венец царица самовластная
Для русского народного царя.

РОЖДЕСТВО

Я бескорыстно и наивно
Люблю в рождественской ночи
Звезды осьмиконечной дивной
Ко мне летящие лучи.
Когда вся церковь замирает,
Раскрыты Царские Врата,
Стоит, земли не задевает
Крылатый ангел. И уста
Не движутся, но льются звуки,
Здесь небо снизошло к земле,
Благословляющие руки
Я ощущаю на челе.
И запах ладана и ели,
Свечей живые огоньки,
И страх, что невесомость в теле —
От прикоснувшейся руки.

Я с этим чудом в мир ступаю —
Надолго хватит! И на всех!
Сверкает в звездах Ночь Святая,
И блески сыплются на снег.

Под утро стекла окон заморозило,
Но словно света сквозь узор прибавило!
Сияло небо — голубое озеро,
И солнце — лебедем царило, плавало.
В снегу пушистом ветки елок нежатся,
В них снегири игрушками развешаны,
Не падая, в полете духом держатся
Снежинок осыпи вокруг орешины.
Все звуки на морозе утончаются,
Все лица и моложе и румянее.
И русские красавицы встречаются,
И есть красавцы, как бывали ранее.
И верится, что красота умножится
И убелится чистотою праведной.
И верится, Святая Русь продолжится
И белоснежною, и белокаменной.

На черной парче крест серебряный,
А очи — тоска погребальная,
Стоит православная Сербия,
Гордая, хоть и печальная.
Орда потешается дикая,
Как ей от хозяев приказано.
Россия родная, великая
Сама по рукам крепко связана.
Смерть падает с неба белесого
На православное Косово.
Молюсь преподобному Сергию:
«Пошли своих иноков в Сербию!»

Взываю! Кто меня услышит?
Народ несчастный оглушен.
Отраву пьет, отравой дышит,
Воды и воздуха лишен.
Взываю с матерью-землею,
Дающей ныне мертвый плод,
Бредущей с нищею сумою,
И ей лишь нищий подает.
Ее в чужих грехах ославят,
Кричат: «Распни! Добей! Сожги!»
Нерусские Россией правят,
И во главе ее враги.
Взываю к русским: В бой! К защите!
Господь с небес пошлет нам рать.
Нам больше нечего терять —
Есть что найти. Христа взыщите.

ПРОЗА

Тазрет БЯЗРОВ
АЛЬБЕРТ ОЗИЕВ*Эссе*

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя ...

М. Ю. Лермонтов

В то сентябрьское утро 1936 года, когда в школе уже начались занятия, над селом Секер (ныне Новый Урух) пролетал самолёт. На его шум высыпали школьники из классов и с небывалым интересом смотрели в небо. Самолёт они видели первый раз в жизни, и внимательно его разглядывали. Он пролетал над школой совсем низко. Все дети прыгали от счастья и восторженно кричали ему навстречу. Наконец самолёт, сделав небольшой разворот, исчез за высокими холмами, но разговоры о нём никак не прекращались. Спорили. Одни говорили, что самолёт был двукрылый. Другие доказывали, что самолёт был четырёхкрылым. Все громко делились впечатлениями на переменах, и даже на уроках продолжали шушукаться и беспрестанно доказывать ещё что-то друг другу. Учителя забеспокоились. Казалось, всеобщему спору не будет конца. Но конец наступил сразу, как только на школьном дворе появился Берди (так дружелюбно в школе называли Альберта Озиева).

Он пришёл во время большой перемены в своей повседневной пастушьей одежде, и тут же первых попавшихся ему мальчишек попросил разыскать Амурхана, своего младшего брата. Несколько мальчишек разбежались на поиски по школьному двору, где кучками толпились и галдели учащиеся. Все остальные ребята окружили Альберта и стали умолять его исполнить «солнце» на турнике.

Альберт держался необычно напряжённо, был серьёзен, будто что-то тревожило его. Но на уговоры мальчишек поддался легко. Снял свою войлочную шляпу и надел её на голову близстоящего мальчика Морадия Надгериева, известного в школе горниста. Затем стянул с себя вязаную кофту и аккуратно положил на скамью. После этого снял

яловые сапоги и поставил их с той же аккуратностью рядом со скамьёй.

Дети не обращали внимания на одежду, которую Альберт снимал с себя. Но когда он выложил на скамейку все мелкие вещи из брючных карманов, чтобы они не высыпались при вращении на турнике, дети сразу сгрудились возле них. Среди вороха карманных вещей Альберта блестел новизной редкостный складной ножик с двумя лезвиями, шилом и штопором. Этот ножик для школьников был такой же новинкой, как и пролетающий над школой аэроплан. Каждый бы хотел подержать в руках эту вещицу, но никто не осмеливался тронуть её.

Наконец, оставшись в одной рубашке и брюках-галифе, босой Альберт подошёл к турнику и быстрым рывком подтянулся вверх, на перекладину, затем, опираясь на неё руками, сильным взмахом оттолкнулся и, сделав полуоборот, плавно спрыгнул снова на землю. Так он опробовал перекладину на прочность.

Убедившись, что турник надёжный, Альберт попросил у мальчишек два ремня для подстраховки и растёртый мел для рук. Все засуетились, торопливо отстегнули свои ремни и предложили ему на выбор. Он отобрал два наиболее мягких и прочных. К этому моменту доставили и кучку растёртого мела. Её держал на кусочке фанеры, как на подносе, школьный барабанщик, лучший друг Амурхана.

— Я здесь, Берди! — крикнул издали отыскавшийся Амурхан. Он, подражая полёту увиденного им самолёта, расставил руки в стороны и бегом направился к толпе, в окружении которой находился его старший брат Альберт. Амурхан изображал виражи, накрываясь то в одну, то в другую стороны.

Альберт, увидев своего братика, улыбнулся и, переведя взгляд на мальчишек, спросил:

— А вы видели аэроплан?

— Да-а! — воскликнули разом многие.

— Не-ет!.. — проворчало несколько запоздалых голосов обиженным тоном.

— Что ж так? — с любопытством спросил Альберт.

— Учитель не отпустил нас с урока! — хором пожаловались ему дети из обиженного класса.

Альберт тут же обратил внимание на тощего и застенчивого мальчика-барабанщика из «обиженного» класса, держащего наготове растёртый мел, и, погладив его по головке, сказал.

– Ты хороший мальчик, мел принес. Молодец.

Ни Альберт, ни мальчишка-барабанщик тогда ещё не знали, что пройдут годы, мальчишка подрастёт, и их пути пересекутся в Великой Отечественной войне. Произойдёт это на новороссийской земле, где летчик Альберт Озиев будет воевать с врагом, а раненного солдата, бывшего школьного барабанщика, увезут с нее в тыловой госпиталь 1620. Но всё это будет потом. А пока Альберт разделил досаду учеников, которым не разрешили взглянуть на пролетевший самолёт.

– Ничего, плакать не будем, – сказал он. – Вы не раз ещё увидите самолёты и не только один У-2, что пролетел сегодня над нашим селом, а ещё много истребителей и больших бомбардировщиков. Да и сами станете лётчиками. Вы же джигиты? – произнес Альберт с такой уверенностью, будто этим «джигитам» были уже открыты двери во все лётные школы. Мальчишки взбодрились.

Амурхан, увидев ремни мальчишек в руках своего брата, спросил:

– Будешь делать «солнце», Берди?

Альберт то ли не расслышал вопроса, то ли не придал ему значения и вместо ответа поспешил к турнику, оседлал его с той же лёгкостью, что всегда, и закрепил на перекладине два страховочных ремешка колечками. Затем спрыгнул на землю, обильно натёр ладони мелом, стал на подставной валун и закрепил свои запястья к перекладине страховочными ремнями.

– Будет крутить «солнце»! – радостно воскликнул Амурхан и, быстро откатив в сторону подставной валун, отскочил назад.

Альберт одним рывком вскочил с исходного положения на перекладину. Все школьники притихли в ожидании «солнца» на турнике. А тем временем Альберт сделал внезапный рывок назад, да столь энергично, что силою первого же размаха легко вошёл в режим вращения вокруг перекладины. Это и называлось «солнцем».

Воцарилась продолжительная тишина. Альберт вращался. Был слышен только натужный скрип гимнастического снаряда и мягкий свист гонимого ветра. От тяжести тела спортсмена стальной брус турника прогибался при каждом обороте. Окружившие Альберта школьники с началом каждого оборота спортсмена напряженно задерживали дыхание и замирали. Своим мастерством Альберт приковал к себе внимание всей школы. Разбредшиеся по школьному двору дети, не подоспевшие к

началу упражнения, замерли на местах. С каждым оборотом раздавался всеобщий вздох: «У-у-ф-ф!».

Альберт завершил своё чудо-упражнение на перекладине без единой ошибки и спрыгнул на землю. В эту самую минуту раздался звонок на уроки, и Альберт поспешно покинул школьный двор.

На следующий день младший брат Альберта принёс в школу сенсационную новость:

– Берди рано утром, ещё затемно, уехал в Москву учиться на лётчика!

Для всех это было большой неожиданностью. Никто не мог предугадать такого скорого расставания с Альбертом. Теперь, когда сообразили, что он приходил проститься со школой, все умирали от досады, особенно горнист Морадий и застенчивый мальшка-барабанщик. Они ругали себя, что не оказали Альберту никаких прощальных знаков внимания. Это было непростительно для всех мальчишек, особенно для горниста и барабанщика. Они в нём души не чаяли и сожалели об этом больше других, но было поздно, Альберт уже укатил в Москву.

Никто не знал, что произошло с Альбертом до его появления в школьном дворе. Только позднее выяснилось от его помощника, пастуха Абисала, что самолёт, продолжая свой полёт над окрестностями села, распугал овец на склоне холма, где они как раз паслись под присмотром Альберта и его помощника. Овцы в панике разбежались маленькими группками в разные стороны. Альберт же стоял и даже не сдвинулся с места. Он был поражён наглостью лётчиков, которые направили самолёт прямо на отару овец. Самолёт пролетал так низко, что чуть не задел овец колёсами. Альберт разглядел головы этих лётчиков в шлемах и погрозил им палкой.

Однако этого лётчикам показалось мало и, развернувшись, они сделали круг над холмом и пролетели низко над головою Альберта. Он не мог понять, что хотят от него эти воздушные хулиганы. Альберт, глядя вверх и не зная, что делать, даже остолбенел на какое-то мгновение. Опомнился, когда перед ним шлёпнулся какой-то маленький, но тяжёлый предмет с клочком бумажки.

Это был складной ножик с двумя лезвиями, шилом и штопором. Этим штопором к роговой ручке ножа была прихвачена короткая записка, чтобы не слетела в падении: «Не бойся Берди. Это я, твой друг, Беслан Хадонов». Прочитав эту записку, Альберт прослезился.

Записку писал его школьный друг и соученик, с которым

полтора года назад, после окончания Секерской семилетки, поступали в Харьковскую авиационную школу. Но Альберта забрала медицинская комиссия из-за отсутствия указательного пальца на правой руке, и он возвратился домой. «Теперь получается, что мой одноклассник, Беслан Хадонов, стал настоящим лётчиком, и решил похвастаться, а заодно, наверное, и поиздеваться надо мною. И правильно делает, если он уже лётчик, а я остался колхозным пастухом», - в отчаянии подумал Альберт. Но тут же одумался. Беслан не из тех, кто изменяет дружбе без причин. Альберт стал рассматривать ножик, сброшенный с самолёта. Он понял, что такой поступок мог сделать только верный друг. «Беслан знал, где я находился, и разыскал, чтобы снова позвать меня в лётчики. Это Божий знак, мой талисман», - подумал Альберт и положил ножик в карман.

Тут же он, оставив отару овец на попечение своего помощника Абисала, отправился на школьный двор. Там он, как уже известно, дал последнее представление «солнца» на турнике и, не прощаясь, покинул школу навсегда.

После того дня об Альберте говорили каждый день, особенно на уроках физкультуры. Но с течением времени его визит перешёл в разряд воспоминаний, а затем и вовсе позабыли о нём.

А тем временем Альберт уже работал в «Метрострое» столицы. Надо было заработать средства на жизнь, чтобы учиться, да и помочь родителям, которые продали единственную корову, чтобы снарядить сына в дальний путь. В свободное от работы время Альберт посещал аэропорт Тушино. Там он с восторгом наблюдал за садящимися самолётами. Восторгался и тогда, когда самолёт на взлёте легко брал высоту без особой натуги моторов. Так он, не будучи еще лётчиком, оценивал авиаторское мастерство лётчиков.

Можно было только удивляться, как он, вчерашний пастух, мог ощущать и оценивать в деталях эти сложные манёвры ещё неизвестной ему авиатехники. «Так бы и мне летать», - мечтал Альберт, восторгаясь воздушными манёврами самолётов на авиационных праздниках. Он познакомился с лётчиками Тушинского аэродрома, вошёл душою и сердцем в жизнь аэропорта Тушино, и уже не представлял свою жизнь без авиации. Вскоре Альберт стал курсантом Московского аэроклуба, затем курсантом Московского лётного училища, после окончания которых, уже офицером, работал инструктором на Дальнем Востоке.

Грянула Великая Отечественная война. Для людей она

была внезапной и неожиданной. Все мысли и заботы секерян поглощались войною. В радиосообщениях каждый день говорилось о временном оставлении городов и других населенных пунктов, о массовом героизме на фронтах Отечественной войны.

В Секер стали приходиться похороны одна за другою. Получили её и Хадоновы. В ней сообщалось: «Ваш сын, Беслан Хадонов, погиб геройски в воздушном бою с немецкими захватчиками». Радио сообщало о военных подвигах солдат и офицеров, равных которым не знала ещё страна. А похороны всё приходили и приходили. Они поступали в сельский совет, где устанавливалась очередность соболезнования семьям погибших фронтовиков. Соблюдался национальный обряд оплакивания. Всё колхозное руководство и сельский актив, во главе с партторгом колхоза или председателем сельсовета, направлялось по улице к дому очередной жертвы войны. Это было страшное шествие. Селяне видели людей, шагающих шеренгой, и не знали, перед чьими воротами остановится это шествие. А ожидать было кому. Почти из каждого дома кто-то уже находился на фронте. Уже успели отдать последние почести погибшему лётчику Беслану Хадонову. Об Альберте Озиеве не было никаких вестей. Его родители, оставаясь в неведении, дрожали каждый раз, видя шествие сельского актива, но оно каждый раз проходило мимо. Прошёл слух, якобы он пропал без вести. На этом можно было бы закончить рассказ, но случилось невероятное.

В самый разгар войны, летом 1944 года, Альберт прилетел домой на своём самолёте ПО-2 и посадил его на поляне у самого села. Люди не верили своим глазам. Произошло событие, равное по своей вероятности только сказке. Но это была не сказка. Альберт, родной секерянин, был красивым, в офицерской форме. Внимание земляков привлекал всё той же живостью и энергией, какими он был наделён с рождения.

В считанные дни, пока он пребывал в родном селе, Альберт успел всем секерянам внушить уверенность в победе над врагами-фашистами, и затем улетел снова на фронт так же неожиданно, как и прилетел. А вскоре страницы газет запестрели заметками и статьями о его героизме. «Он был полон решимости не только в мирной жизни, каким знали его в школьном спорте и в колхозной жизни, но и на военной службе», сообщалось в газетах.

Война застала Альберта инструктором лётной школы на Дальнем Востоке, где готовили военных лётчиков. Он сразу же попросился на фронт. Ему отказали. «Здесь вы нужнее...»

— была формулировка военного командования. Но когда Альберт проявил настойчивость в своей просьбе, ему подсказали единственный выход: купить самолет и на нём проситься на фронт.

Альберт выложил все свои сбережения, которые планировал отослать родителям. Собирал пожертвования, где это было возможно. Почин Альберта поддержал его штурман В. М. Аникеев, и они внесли в полевую кассу Государственного банка сорок тысяч рублей. Вскоре получили ответ правительства: «Выезжайте в Москву за нарядом на получение самолёта, и в управлении кадров ВВС получите предписание об убытии в действующую армию».

Так сбылась мечта Альберта Каурбековича Озиева. Он вошёл в состав 889-го Новороссийского ночного бомбардировочного авиационного полка, действующего на Южном фронте, где земля горела под ногами. «Лётчик Альберт Озиев на собственном самолёте бомбил передовые позиции фашистской Германии» — гласит заголовок в центральной газете Северной Осетии от 26 октября 1944 г. В ней парторг эскадрильи старший лейтенант Шелест сообщает об одном из боевых вылетов Альберта и его штурмана Гривцова. «Машина Озиева повреждена, — пишет он, — до своей территории не дотянуть. Озиев резко разворачивает самолёт и сажает его недалеко от колонны противника. Немцы напали на них, и Альберт быстро снял с самолета турельный пулемёт, штурман тоже вооружился автоматом, и завязался неравный бой. Из этого боя наши лётчики вышли победителями. Было много и других эпизодов героизма Альберта Озиева, каждый из которых составил бы вечную славу любому воину».

Соратник Озиева по Новороссийскому авиационному полку инженер авиаэскадрильи Евгений Бинек вспоминает об Альберте как о весёлом, всегда занятом и остроумном офицере. О том, как он однажды перед боевым заданием подбодрил всю эскадрилью: «На работу я шёл всегда, как на праздник, — сказал Альберт, — а теперь на каждое боевое задание иду, как на работу. И тоже без опоздания».

Для тех, кто знал лётчика Озиева, было достаточно одного этого высказывания, чтобы понять его, одного из мужественных творцов Великой Победы. Это подтверждалось каждый раз его самостоятельностью, решимостью в неожиданной боевой обстановке на местах. Вот как описывает З. Саракаев подробности одного из тактических манёвров Альберта: «Летом 1944 года лётчики

гвардейского полка, где служил Альберт, перебазировались на другой аэродром. По пути следования Альберт Озиев сверху увидел группу гитлеровцев, пытавшихся выйти из окружения. Он спикировал и на бреющем полёте обстрелял их. Не успели те опомниться, как лётчик посадил свой самолёт. Ошеломлённые дерзостью советского лётчика, фашисты подняли руки. Сдав пленных подоспевшим пехотинцам, Альберт Озиев и его штурман В. Васильев взмыли в воздух, взяв прежний курс».

Но война продолжалась. Бои шли в Польше. 13 декабря 1944 г. Озиев возвращался с выполнения боевого задания на подбитом самолёте. Истекая кровью, смертельно раненый Альберт из последних сил посадил самолёт на свой аэродром. Когда лётчики подбежали к самолёту, Альберт Каурбекович Озиев и его штурман Иван Романович Очкас были мертвы.

По рации вызвали погребальную команду полка. Она доставила формы «бэпэ», что означало, на языке погребальной службы — безвозвратные потери, и составила опись личного имущества погибших лётчиков. Дело привычное. Ничего необычного. Война.

Никто не придавал значения тому, что среди вещей Альберта значился складной нож с двумя лезвиями, шилом и штопором, что когда-то был сброшен с неба лётчиком Бесланом Хадоновым, лучшим другом Альберта. В жизни этих двух лётчиков, уроженцев Секера, дружба была оправдана примерной взаимностью и мужеством до конца их жизни.

Альберта похоронили под Варшавой. Он и сегодня, уйдя из жизни овеянный славой, служит примером мужества и нерушимого славянского единства. Независимо от того, что думают сегодня польские правительственные чиновники о стране и ее народе, освободивших Польшу от фашизма.

Харьков. Март 2012

ПОЭЗИЯ

Михаил ШЕЛЕХОВ

ЦЕРКОВНЫЕ СТИХИ

БОЖИЙ ВЕТЕР

Любимая! У вечности в силках,
Блистающие птицы, мы очнемся.
Перелетевши через море слез,
На ледяном утесе перебудем
Ночь урагана, что сметет черты
Всего бывшего, но оставит юность.

Пылающую реку перейдем,
Которая уносит даже имя,
И выйдем в несказанные цветы,
На царский луг, где пение крылато
И Слово всюду. И хвалу Ему,
Свободные и новые, воскликнем.

Любимая! Мы у любви в силках.
Так радуйся, ликующее племя,
Уловлена вселенная! Ликуй,
Любимая — идет Ловец, как ветер.
А мы, простершись, по ветру летим —
Ныржаем, и восходим, и взываем.

А у вселенной — ноги и чело,
Великое немислимое тело,
И правое, и левое плечо,
Империя ума и царство сердца,
Земля хвалы, преображенья море,
Вершина веры и надежды соль,
Все небо многооконое над нами,
Все стало вдруг —
воскликновенья твердь
И Божий ветер...

КУЩА

В законе жил — и лгал закону
И нарушал, как мог, закон.
И подражал я Соломону,
Но был, увы, не Соломон.

Шумела чаша круговая,
Звенело золото, маня.
Но мудрость пышная земная
Меня бежала, как огня.

А я все тешил жен гарема,
Швыряя золото судьбе.
Играли мной враги Эдема
И наущали ворожбе.

Чтоб с носом длинным не остаться
Перед могилой на краю,
Я стал изрядно торговаться
За лепту бедную мою.

Моей души искало время.
Но на торгу отдал судьбе
Казну грехов и жен гарема
За кущу на небе — себе.

ПОМЕДЛИ, ДЕНЬ

Помедли, день последнего порядка!
Помедли, гордость Запада. И чрево
Помедли Юга. И звезда Востока...
Помедли, столп и Севера тоска.
Но изживает новый день меня.

И я молюсь, зову в высокий день:
— Замри, замри Трезубец златоперый,
Замри, Погоня на коне славянском,
И ты, Орел, помедли в русском сне
И две державных выи не топорщи.

Помедли, день высокий! Не хочу
Слепой войны увидеть исступленья,
Когда с ножом пойдет на брата брат.

Хочу уйти я в тишине земли,
Когда была долгою долгота,
И широта как прежде — широтой,
А высота высокая — высока.

Тот мир дремал в божественных перстах
И было близко до святого входа
И Ангела с крутящимся мечом.
Один лишь шаг... И я сейчас шагну
В прозрачной ослепительности века
Пред тем, как все значенья и составы
И смыслы снова в глину превратит
Верховный Ум — и бросит почивать
В какой-то дикий угол мирозданья.

Помедли, день! И мой простынет след.

НИЩАЯ ЗВЕЗДА

Когда в пустыне мира приступил
К Царю царей торговец темнолицый
И алчущего на гору понес,
Он показал Ему все царства мира
И славу их — и так глагола мирно:
— Вся дам сия Тебе, пади передо мной!

Окинул Царь царей пучины мира
Очами слез и молвил:
— Изыди!
Бо писано есть — Господу послужиши
И Богу поклонишия, звездо.

Тогда Царя остави сатано.
И ангелы святые приступиша
И с песнями служиша до утра.

А Царь царей очима государя
Сокровищницу мира оглядел
И вышел из пустыни к лукоморью,
И нанял там премудрых рабарей.
Раскинули ловцы пошире сети,
А Дух Святый простер их по вселенной
И уловил вселенную в щепоть.

Тем временем торгующий проспался —
И в ярости воспламенел, как уголь:
Сокровищница до краев — пуста,
И нет вселенной перед сатаной
И в ужасе пред Господом упала
В пустыне мира нищая звезда.

ВОЛХВУЮЩИЙ

Чтобы писать о таинстве семьи,
Писать о Муже и Жене предивной —
Крестись! Да будут словеса твои
Полны любви и силы неразрывной.

Креста благоуханного печать
Вернет тебя к изножию мгновенья,
Где на Младенца седовласых рать
Глядит в чудесном страхе умиленья.

Как вечный лик личине понести,
Скиталице в каменоломне мира?
Крести себя, волхвующий, крести!
И день и ночь тебя воруют дыры.

Да замолчит волхвующий язык
Перед Младенцем с правдою нездешней,
Пока дрожит душа твоя, как блик,
Неверный блик над бездною кромешной.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В день Троицкой родительской субботы
Родился Пушкин. В день тот прочитал
Я многие акафисты, каноны,
Готовясь к причащению любви,
И разгорелась радостная мысль:
— На Троицу родился милый Пушкин!

На Троицу родилась Русь святая,
На Троицу рождается душа.
И я в году сегодняшнем прекрасном
На Троицу был Богом удостоен
Святых и Страшных пламенных даров.

Слова любви к Пречистой всех щедрот
И покаянный вопль ко Благодати
Я свил со славой доброму Царю
И Ангела-хранителя воспел.
В Господне Лето — до конца столетья
За семь годов — родился я меж вас,
На Троицу и я родился, Пушкин.

СТАНИЦА

Пришла пора молиться и проститься.
Гляди же в чувствах вечных и простых:
Летит казачья по небу станица
Все выше, выше — в тучках золотых.

Она летит на именины сердца
При золотом убранстве боевом —
На новом небе чая разговеться,
На небывалом пиршестве святом.

Все выше песни — о земных походах.
Все кротче слезы — о былых стезях.
Все ярче царский сонм на небосводах.
Все громче русский хор на небесах.

Вот так и мы — помногу, понемногу —
Благодаря и миру, и войне,
Уходим все на именины к Богу,
Куда пора отправиться и мне.

ТАНЕЦ ДУХА

Мрачна личина. Но ликует — лик.
Скиталица в каменоломне внешней,
Молчит душа, как потеряв язык
Перед Младенцем с правдою нездешней.

Молчит душа, личина красоты.
А дух, прекрасным загораясь ликом,
Как царь Давид в наряде простоты
Пред Богом пляшет на пиру великом.

ЛЕПТА

*Шелег, шелех – мелкая, дробная
западная славянская монета,
1 \ 8 копейки; лепта.*

Был многожды я в мире умерщвлен.
И двух познал ревнителей старанья:
Один – целил, но был невидим он.
Другой – в глаза лез даром волхованья.

Он женщинами, златом и вином,
И всем прелестным балом помогал мне.
И забывался я смертельным сном,
И обрастал я, как самец, рогами.

Но бил оглоблей по лбу добрый дух
В мой звездный час – и не давал елею.
И видел я, что я насквозь протух,
И воет зверь над ямою моею.

И видел я – нет дела до меня
Ни женщинам, ни власти, ни народу.
И среди всех – мертвец на склоне дня –
Я сознавал нездешнюю свободу.

Но лез колдун, заслыша шорох мой,
И, видя, что пуста моя квартира,
Ловил, как сетью, крышкой гробовой,
Гвоздями приколачивая мира.

Я снова был – красивый гордый труп.
Но оживлял целитель на рассвете,
Затем, что был он ревностен и скуп,
Не позволяя запропасть и лепте.

ПРОЗА

Ирина ГЛЕБОВА

ЛУЧЕЗАРНОЕ ЗАВТРА

– Жека!

И резкий, пронзительный свист. Это Серёга так умеет залихватски, чуть втянув нижнюю губу, без напряжения... Ну вот, дождался, как всегда! Сейчас «босс» скажет, сощурившись презрительно: «На тебя нельзя положиться». И будет прав: обещал ведь ждать его на углу дома, уже в полной амуниции. И почему он всегда опаздывает!..

Женька на мгновение выскочил на балкон, крикнул, стараясь, чтоб прозвучало не виновато, а делово:

– Я мигом, Серый!

На удивление, Сергей не стал его упрекать, кивнул приветливо, спросил:

– Готов? Всё взял?

Женька в ответ расстегнул молнию на куртке, распахнул. На нём была чёрная футболка с изображением красно-оранжевого черепа с костями и надписью «Totenkopf». Готические буквы извивались языками пламени – в том же красно-оранжевом колере. На Серёге была такая точно футболка, это он где-то раздобыл две и одну продал Женьке. Дома родители, когда он вышел к ним в этакой красоте, переглянулись, отец слегка пожал плечами:

– Пусть носит... Как символ переоценки времени.

Может, Женька и не понял, что конкретно имелось в виду, но основной смысл уловил. Родители у него были из диссидентов, можно сказать, всю жизнь боролись за то, чтоб наступило время переоценки и перестройки.

Отец совсем молодым, студентом, в 68-м году сказал на комсомольском собрании, что наверное было бы лучше не вводить танки в Чехословакию, что чехи сами пусть решают, как им жить. Это была бомба! Ведь все остальные парни и девушки пламенно осуждали чешскую контрреволюцию, а тут – староста группы, отличник, и такое... Отец рассказывал Женьке, что на том собрании он говорил, ничего не боясь. Потому что искренне верил: советский человек, комсомолец должен говорить правду, всегда высказывать своё мнение – это его долг. И только после этого случая понял, что всё не так. Его никто не поддержал, наоборот, лучшие

друзья заявили, что он отступник. Его тут же исключили из комсомола за поддержку врагов социализма и непонимание политики партии. Из института, правда, не выгнали, но и красный диплом не дали – придрались, занизили пару оценок. Распределили, однако, хорошо: на большой завод здесь же, в городе, инженером. Правда, не в ведущий конструкторский отдел, а в малозначительный, где делали мелкий ширпотреб: настольные лампы, кипятильники...

Но молодой инженер ни о чём не жалел, к этому времени у него уже были новые друзья, новые интересы. Друзья появились сразу после памятного собрания, и первым – Ефим Штерн. Он с гордостью говорил всем, что «штерн» по-немецки означает «звезда». Этот парень и правда был звездой первой величины в их компании. Знал всё! От него отец впервые услышал о генерале Григоренко, академике Сахарове, писателях Синявском и Даниэле. А через год Фима рассказал, что в Москве организована Инициативная группа защиты прав человека в СССР.

– Вот увидишь, Гошка, это подорвёт систему! И мы тоже свою лепту вносим!

Да, они тоже «подрывали систему»: Фима взял Георгия в свой бизнес... Это сейчас Женька только и слышит: «бизнес, бизнес», а в те годы это было экзотическое слово. Но Ефим именно так называл то, чем они занимались. Встречаясь в специальных точках – небольших скверах, тупиковых переулках, кафе, – с молодёжью, истосковавшейся по настоящей западной музыке, Фима, Гоша и ещё несколько ребят продавали магнитные ленты для катушечных магнитофонов. Какие там были записи! Группа Биттлз в Америке уже к этому времени распалась, а на Союз их слава только обрушилась – подпольные магнитные ленты просто рвали из рук, и даже невероятные цены истинных любителей не останавливали. Так же ходово шли уже прославленные Пинк Флойд, Джо Дассен, Боб Дилан, и только появившиеся, но уже нашумевшие Квин и АББА... Рос спрос и на «Аквариум» с Гребенщиковым – они были ещё полулегальными, ещё по квартирам и подвалам выступали... Женька просто гордился отцом! Все самые знаменитые сегодня группы и исполнители пробивались в их город с его помощью. А ведь это было рискованно...

Да, «бизнесмены» рисковали. Но они были идейные борцы, да и денег перепадало им, честно говоря, очень не слабо. Сколько шло в руки Фимы, можно было только догадываться, но это было справедливо. Где он доставал эти записи, в то время ребята не знали. Только позже Ефим сам

рассказал Георгию, что оригинальные плёнки ему привозили прямо оттуда — из-за границы, — а здесь, в городе, была организована тайная студия звукозаписи... Ясное дело, Фима рисковал больше всех.

Когда, в конце семидесятых, Ефим Штерн уехал жить в Штаты, Георгий «бизнесом» заниматься перестал. Без такого координатора это стало опасно, а у него уже была семья, рос сын. Жена Светлана разделяла все его убеждения. Она закончила институт физической культуры, работала в заводском клубе — вела студию юных гимнастов. Для неё это было то же, что для Георгия должность инженера ширпотреба — своеобразная ссылка! Она ведь в своё время была чемпионкой республики по художественной гимнастике, должна была войти в сборную Союза и ехать на чемпионат мира! Но, в последний момент, её заменили другой девушкой. Георгий — они как раз познакомились в то время, — объяснил Лане популярно, что та, другая, хоть и была заметно слабее, как спортсменка, но являлась дочерью секретаря обкома партии, а Лана — всего лишь дочь работников швейной фабрики... Они поженились, и теперь уже вместе слушали «Радио Свобода» и «Свободную Европу», распространяли самиздатовскую литературу, машинописные копии «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, материалы Международной амнистии... Женька рос в этой атмосфере, тоже слушал по радио разные голоса, разговоры родителей и их друзей о том, какие жестокие были «пламенные революционеры», как сотнями расстреливали они благородных белых офицеров, трудолюбивых крестьян, каким деспотом и властолюбцем был Ленин. А в детском садике, куда он ходил, к октябрьским и майским утренникам он разучивал песни и стишки про доброго дедушку Ленина. Его детское сердце разрывалось, он ведь тоже верил своей любимой воспитательнице...

Однако, уже подростком, когда начались горбачёвские реформы, его взгляды окончательно влились в русло родительских убеждений. Его кумиром, как и отца с матерью, стал журнал «Огонёк» и главный редактор Виталий Коротич. Выход каждого номера становился праздником, ведь там, что ни статья, то разоблачение! Распутная дочь Брежнева, высшая партократия, скупающая бриллианты и картины, громкие уголовные дела, которые скрывались от народа, политические преследования... Как всё это грело сердце Женькиным родителям, которые о многом и раньше знали. А вот теперь узнали все! Они добились, добились вот этой самой свободы слова! А дальше — больше, дальше —

лучезарное завтра...

А тут как раз объявился дядя Фима из Америки.

– Юджин, – кричал он в трубку телефона, – передай родителям, что я скоро приеду! Ну, как там у вас, весело?

– У нас здорово! – отвечал Женька.

– А будет ещё лучше, пацан, – весело обещал голос из-за океана. – Скоро и у вас будет полно сникерсов, Макдональдсов. И журнальчиков «Плейбой» тоже!

... Женька распахнул куртку. Поверх футболки, ниже черепа с костями, была намотана велосипедная цепь. Он снял её со своего велика и два дня обрабатывал – тщательно протирал растворителем, смывая масло, мазут, грязь. Родителям сказал, что хочет принять участие в молодёжном велопробеге и готовит к этому машину. Они, папа и мама, хоть и продвинутые у него, но всё же об истинной цели своей работы он им постеснялся сказать. Теперь цепь сверкала, как новенькая. Серёга одобрительно кивнул:

– То что надо! Мощно, правда, маловата. Смотри!

Он слегка приоткрыл свою куртку, и Женька присвистнул. На поясе «босса» висела конструкция из сцепленных подшипников.

– В сарае на даче нашёл. Там папаша себе мастерскую наладил, всё что-то конструирует, рационализатор... Хоть на что-то пригодился.

Сергей всегда говорил о своих родителях пренебрежительно и даже зло. Вот и сейчас, вспомнив их, сплюнул:

– Всё талдычат, что не туда Горбатый поворачивает, что развалит страну, прибалты уже рвутся вовсю выйти из Союза. Никак не может забыть папаша своё сиротское прошлое! Канючит: вот, мол, в войну предки погибли, а его государство и вырастило, и выучило, профессию дало, квартиру. Тоже мне профессия: окончил ФЗУ, всю жизнь у станка вкалывает. А квартира – двухкомнатная хрущёбка, жуть! То ли дело у тебя – хоромы в центре города!

– Да, – Женька кивнул, – у нас, конечно, квартира хорошая. Но это же наследственная, от деда. Он её ещё в тридцатых годах получил, в специально построенном доме для научных работников.

– А, помню, ты говорил, что он у тебя академиком был. То-то и родители у тебя такие продвинутые. Что, батя твой правда в депутаты метит?

У Женьки на скулах загорелись красные пятна, немного от смущения, немного от гордости.

– Точно, собирается балатироваться.

– А что, и пройдёт. Он в городе личность известная.

Отец последний год возглавил комитет, который назывался «Свободные выборы», постоянно выступал на митингах, пикетах, маршах протеста, дважды приглашали его на телевидение – в новые альтернативные каналы... Ефим Штерн, приехавший, как и обещал, из Америки, первый сказал ему:

– Давай, Джордж, прорываться во власть. Время сейчас такое – зевать нельзя! Кто смел, тот и съел. Я вот подсуетился, акции кое-каких предприятий приобрёл. Они сейчас совсем в загоне, ни работы людям, ни зарплаты – отдают за так. Но годика через три-четыре станут такую прибыль давать, ахнешь! Вот только нужна будет поддержка от городских структур – не за спасибо, конечно... Помнишь, как мы «бизнес» крутили в семидесятых? Казалось, мы такие крутые! Теперь смешно вспоминать. Сейчас так закрутим – миллионерами станем! Потому обязательно надо идти в депутаты, для начала. А там – видно будет. Я помогу...

Группа ребят, во главе с Серёгой и Женькой, поворачивали уже в сторону площади. Это была гордость их города, все знали, что их площадь – самая большая в Европе. Правда, в центре её до сих пор стоял громадную глыбою памятник Ленину, а сама она носила имя другого пламенного революционера. Но – Женька был уверен, – это ненадолго. Недаром была создана комиссия по переименованию улиц, площадей, скверов... Отец тоже был в этой комиссии.

Навстречу стали попадаться старики в праздничных пиджаках с орденскими планками на лацканах или даже с медалями и орденами. По одному, по двое они тоже шли в сторону площади.

– Ползут, комуняки, праздновать свой день победы! Не доби́ли их арийцы, мы добьём! Нам бы ещё лопаточек сапёрных, как в Тбилиси месяц назад!

И Серый хохотнул.

Женьку, честно признаться, покоробили грубые слова и злобное торжество в голосе предводителя. Да ещё зачем-то о тбилисской бойне вспомнил, совсем уже кощунство, хотя это, как раз, в духе «босса». Но, может быть, это он сам слишком щепетильный? Дождётся, что Сергей разочаруется в нём, скажет, что напрасно взял его в группу. Ведь остальные ребята и сам «босс» заметно старше – им уже по двадцать лет, некоторым даже больше... И, чтобы скрыть свои чувства, Женька поддакнул вдохновенно:

— Точно, их любимый Сталин кровью страну залил, а потом назвал это «Победой». Не люди были, не солдаты, а пушечное мясо... Эти, которые выжили да ордена понацепляли, наверняка по штабам отсиживались да в КГБ доносы писали. Да и что это за победа, если в Германии магазины завалены тридцатью сортами колбас, а у нас очереди по талонам!

— Во, дело говоришь! Надо было не сопротивляться Гитлеру, тогда бы и у нас магазины помились... — Серёга тормознул, придержал Женьку за плечо и грязно выругался. — Это ещё что за представление? Гляди!

Чуть дальше, на тротуаре, стояла молодая женщина с небольшим букетом жёлтых нарциссов. Рядом с ней — девочка и мальчик, судя по всему, её дети. Вот она дала быстро девочке три цветка, та взяла за руку брата, и вдвоём они побежали навстречу трём ветеранам с орденами. Подошли, сказали что-то — наверняка, поздравили с праздником, догадался Женька, — и протянули каждому по цветку. Мальчику казалось лет семь, у него было смышлёное весёлое личико, замшевая курточка на пуговицах, подстриженные под «пажа» волосы. Симпатичный мальчишка, но Женька не мог отвести взгляд от его сестры. Тоже ещё девочка, лет двенадцать, не больше, но было в ней что-то... Глаза показались ему огромными, но, может, оттого, что тёмно-карие, под густыми ресницами... А, может, оттого, что взгляд глубокий, таинственный... Стройная, гибкая, в брючках чуть ниже колен и мальчишеской клетчатой рубашке. Волосы, как и у брата, подстрижены под «пажа», но длиннее — каштановые, отливающие на солнце медью... Женька увидел всё это в одно мгновение и задохнулся, подумал почему-то: «Вот бы встретить её лет через пять...».

Брат и сестра вернулись к матери, и та вновь дала им два цветка: навстречу снова шли старик и старуха с орденами. Дети подбежали к ним, протягивая цветы, девочка улыбнулась... У Женьки замерло на миг сердце...

— А ну-ка, отобьём охоту у крысят цветочки дарить!

Сергей стал расстёгивать куртку. Женька схватил его за руку, ещё не зная, что сказать. Но тут же нашёлся:

— Гляди, уже колонна поворачивает. Опоздаем!

С центральной улицы на площадь выходила колонна демонстрантов — под красными знамёнами, с музыкой небольшого духового оркестра. «Босс» мгновенно переориентировался, ведь именно эти люди и были основной целью его боевой операции.

— Бойцы, ко мне!

Он коротко махнул рукой, и основная группа — восемь человек, — тут же подтянулась. Теперь они монолитной десяткой двинулись через площадь. У Женьки бешено колотилось сердце, от возбуждения и предчувствия настоящего «дела», наверное. Но, в то же время, он был рад, что ни отца, ни мамы на площади нет: у них сегодня была своя акция. Отец ещё накануне отказался идти бойкотировать демонстрацию, сказал:

— Там и без меня будет много наших. Мы сделаем лучше: устроим показательный День памяти жертвам гитлеровских и сталинских концлагерей, заложим в сквере Победы камень на месте будущего памятника.

Сквер Победы находился тоже в центре города, но в другой стороне от площади. Родители сейчас как раз были там. И это хорошо: не хотел всё-таки Женька, чтобы они видели бойцов и его в «деле».

Большинство демонстрантов были люди пожилого возраста, много фронтовиков, судя по наградам, молодёжи значительно меньше. Раньше — Женька хорошо это помнил, ведь жил здесь же, недалеко от площади, и с детства видел разные парады, — подобные шествия проводились организовано. Большими колоннами шли люди от разных заводов, институтов, бушевало море транспарантов, на платформах везли большие, чуть ли не в натуральную величину, макеты тракторов, машин... Теперь же — одна общая колонна, портреты Ленина, Сталина, знамёна. А вместо трибун демонстрантов поджидала другая толпа митингующих, разномастная и шумная. Там громко кричали, и крики эти были явно не приветственные. Их сдерживала редкая цепь милиционеров, и над этой толпой кое-где тоже поднимались знамёна. Вернее — что-то вроде хоругвей с трезубцами. Вместе с перестроечниками и рьяными демократами там митинговали и украинские националисты. Серёга на ходу сплюнул:

— Терпеть не могу этих, с оселедцами, в вышиванках! Но сейчас они нам на руку играют. Точно, прорвались. Вперёд, быстрее!

В одном месте митингующие разорвали оцепление, и десятка два человек побежали навстречу демонстрантам. В несколько звериных прыжков и десятка бойцов тоже оказалась там, где столкнулись и перемешались два людских потока. Там уже кричали друг на друга — одни: «Предатели, фашисты, буржуи...», другие: «Запроданцы, комуняки, сталинисты...» Одни пытались пройти вперёд, другие их не пустить, уже почти шла драка, а милиция осталась на месте,

стараясь удержать основную массу протестующих... Бойцы Сергея врезались в бунтующую толпу, он ещё на ходу дал указание:

— Знамёна! Вырывайте из рук красные тряпки! Доставайте цепи! Жека, держись рядом!

Азарт подавил в Женьке остатки сомнений и неловкости. А последняя фраза «босса» заставила радостно заколотиться сердце: он особенно нужен Сергею, тот на него рассчитывает! Он тоже сорвал с пояса цепь, намотал на ладонь. Но поначалу просто продирался вслед за Серёгой, распикивая людей локтями. А Сергей стремился куда-то целенаправленно и уже пару раз пустил в ход цепь, правда без размаха, слегка. И крикнул, оглянувшись:

— Бойцы, давайте к тому старику со знаменем! Вырывайте флаг, порвите на куски!

Схватил Женьку за плечо и проговорил горячо, но понизив голос:

— Жека, видишь у него ордена? Гляди, там не простые... Двинь деда цепью, а я их сорву! Пошли!

Тот, на кого указал Серый, был старик примечательный. «Как с плаката», — подумал Женька. Густая седая шевелюра, крупные, как шрамы, морщины, твёрдо очерченные черты лица, кустистые брови. В руках он крепко держал древко большого знамени — с профилем Ленина, серпом и молотом, какой-то надписью золотым шитьём... К нему не просто оказалось пробиться: рядом сплотились другие ветераны и мужчины помоложе. Бойцы работали цепями, но и их били, заламывали руки. И всё же Сергей и Женька были уже почти рядом.

— Давай! — заорал Сергей, и Женька увидел, как он распускает свою страшную цепь для настоящего удара. Это было последнее, что мальчишка увидел: его самого огрели по голове так, что перед глазами поплыли круги, ноги мгновенно подогнулись. И — темнота...

* * *

Так медленно разгорается свет в кинозале после окончания фильма. Мутная пелена перед глазами стала светлеть, проступили контуры, ещё резче... Ага, это деревья, люди идут... Женька помотал головой и тут же охнул от запульсировавшей в висках боли. Сознание чуть снова не ушло, но удержалось, осталось. Тогда осторожно он поднял руки, потрогал волосы. В одном месте они оказались липкими, оставили на ладонях тёмно-красный след. Кровь! И уже подсохшая. Значит, он валяется здесь, на земле, давно.

Ну конечно, ведь вокруг тихо, почти безлюдно, а это значит — демонстрация кончилась, все разошлись.

Медленно, контролируя себя, он сел. Где это? И тут же узнал: конечно, сквер позади памятника Ленину. Вот и сам монумент, спиной к нему. А дальше — площадь, и в самом деле уже опустевшая, спокойная. Ещё дальше — здание обкома партии... Господи, это как же его наверху по башке, если он стал дальтонику! Флаг над обкомом кажется не красным, а какого-то странного цвета... Две полосы — жёлтая и синяя... Но тут же Женька рассмеялся, хотя от этого снова заболела голова. Он понял! Никакая это не галлюцинация, просто ушлые наци, под шумок драки на площади, залезли на крышу обкома и поменяли флаг. Это же ведь их, украинский флаг, жовто-блакитный! Один такой появился буквально на днях на центральной улице города: новая организация, назвавшая себя «РУХ», добилась разрешения вывесить его над входом в своё управление. А теперь вот и второй реет. Тоже ещё, краснодонцы: «Над управой городской кто-то поднял...» Надо же, милиция ещё не заметила, что ли? Так всё вокруг тихо, спокойно...

И тут Женька понял: его бросили! Серый, бойцы, лучшие друзья и соратники оставили истекать кровью! В это не хотелось верить, и он стал додумывать, представлять... Его ведь кто-то оттащил сюда, в сквер, на травяную лужайку. Конечно, свои ребята, а сами вернулись туда, в драку. Думали, после заберут, отвезут в больницу, что ли. А потом неизвестно, как всё обернулось: может, их всех арестовали, или пришлось спешно бежать, ведь потасовка оказалась серьёзной, могли кого-то сильно ранить...

Ладно, скоро всё выяснится, пора встать на ноги. Он поднялся. Голова кружилась, но — стоял. Сделал несколько шагов и понял: домой дойдёт. Всё-таки здесь не далеко, а там мама сама ему рану обработает, перевяжет, она умеет.

Вот так потихоньку, без резких движений, Женька побрёл через сквер. Его радовало, что вокруг малолюдно и, главное, не видно милиции. А то, как знать: увидят, что он ранен — загребут на всякий случай. Погода не поменялась, было всё также солнечно, хотя утром по радио обещали во второй половине дождь. Кстати, а сколько уже времени? Похоже, самый разгар дня... В этот момент краем глаза он заметил то, что его удивило. Груды мусора и тряпья между голубыми елями — гордостью этого сквера. Что за чушь! Здесь всегда было чисто, вылизано, ухожено! Главная площадь города, элитный сквер — как могли городские власти такое просмолотреть? Женька даже остановился, и тут увидел ещё

больше: из этой кучи рванья вылезла лохматая собачонка и за ней следом какой-то жуткий пацан. Сначала показалось — ещё одна собака, но нет: лохматый, грязный, в обносках мальчишка, совсем ещё маленький, лет пяти-шести. Порылся там же, вокруг себя, и начал что-то жевать... «Беспризорник какой-то, — хмыкнул Женька. — Кино снимают, наверное». Огляделся, но ни камер, ни киношников видно не было. Странно. Кажется, три дня назад он здесь был, да, точно: вон на той лавочке сидел, новый «Огонёк» листал, ждал двух одноклассников, чтобы вместе в бассейн идти. И ничего, никакой кучи мусора не было. И вообще, хоть сейчас не слишком отмечают всякие майские праздники, но перед ними всё же чистят улицы, площади, особенно в центре...

Так ни до чего не додумавшись, он потихоньку пошёл по направлению к дому. Сейчас немного по центральной улице города, потом свернёт к станции метро, выйдет на свою параллельную улицу и — уже дома. Немного по центральной... Женька вновь остановился. Она ли это, улица? Вот здесь должна быть квартира его одноклассника Миши Балабана — на первом этаже. Тяжёлая дубовая дверь подъезда, рядом окно трёхкомнатной квартиры. Сколько раз он, пробегая, стучал в это окно, вызывая Мишку... Но ни подъезда, ни окна: огромные арочные витражные стёкла, витиеватая надпись «Clab Elita». Но если бы только это — дальше по всей улице он видел то же самое! Куда-то исчезли все квартиры первых этажей, вместо них витрины, витрины, надписи: «Cafe Viz-a-viz», «Салон Bonvivan», «Bank Grant»...

«Кино снимают», — опять выплыла спасительная догадка, потому что вновь закружилась, сильно заболела голова. Снова Женька оглянулся, но не было, не было никаких съёмок поблизости. «Домой, скорее домой!» — сжал он зубы, как мог быстро пересёк улицу, повернул и увидел вход на станцию метро. Вдохнул: такая привычная красная буква М на своём месте. Но что это за ещё одна М, тоже на красном фоне, но жёлтая, большая, какая-то закруглённая? Может, её сделали для каких-то полуслепых, чтоб лучше видели метро?

Но сделав ещё несколько шагов, парень разглядел: эта странная буква возвышалась над симпатичным зданием — стеклянным, с верандой, столиками на этой веранде и там, внутри, за стеклом. А на самой жёлтой букве проступила белая надпись «McDonald's».

Как кролик, замороженный удавом, пошёл Женька на мираж. А что это ещё могло быть, как ни мираж, галлюцинация! МакДональдс! Это же американские

кафешки быстрого перекуса! Он видел их в разных документальных фильмах: в Штатах, в Европе люди ели там всякие гамбургеры, пили из закрытых стаканчиков через трубочки кофе, хрумали из пакетиков жареную картошку-фри, а то подъезжали прямо на машинах и через окошко получали пакеты с едой. Ему здорово нравилось, и он обрадовался, когда недавно прочитал в «Московском комсомольце», что скоро первая закусочная «МакДональдс» откроется в Москве. Вот именно — в Москве. И только планируется! Ясно и понятно, что перед ним мираж. Ещё сегодня утром, идя с бойцами к площади, он проходил здесь: гаражи, детская площадка, деревья, вход в метро — вот что было. Больше ничего. Ещё утром! Непроизвольно потрогал рану под волосами. Да-а! Шарик за ролик заехал там у него, что ли? Во всяком случае, посерьёзнее обычного сотрясения мозга...

Мираж был очень реален: Женька уже видел людей на веранде и за стеклом. Там же, через стекло, хорошо просматривалась стойка: улыбчивые девушки и парни в красных кепочках время от времени поднимали руки, шевелили губами, а потом шустро поворачивались, подавая подносы с пакетиками, стаканчиками... А на подъездной дорожке к этому прозрачному павильону стояло несколько машин. Уже подойдя вплотную, парень отвёл взгляд от «МакДональдса» и присвистнул: таких машин он ещё не видел! Иномарки уже появлялись на улицах города, хотя и изредка. Мерседесам и БМВ оглядывались вслед. Но здесь так запросто стояли сразу несколько иномарок — незнакомых и разных. Женька наклонился к капотам: «Опель», «Шевроле», «Пежо» с эмблемой вздыбленного льва... Ого! Делегация какая-то иностранная прибыла, что ли? А отец не знает, ничего не говорил!

Вид иномарок и мысль о делегации сразу вернули его в реальность. Нет, это не сон и не мираж. Он не знает, что происходит, но всё существует в натуре! От этого понимания ему стало тоскливо и страшно. Домой, скорее домой! Вон его дом, уже виден и, слава Богу, он на месте, не исчез, не испарился, не стал другим. Там мама, папа уже, наверное, вернулись, ждут его. И всё объяснят...

Он влетел во двор и первое что увидел — аж дух радостно перевёл, — знакомую скамейку напротив своего подъезда и знакомого человека на скамье. Этот мужчина, уже пожилой, любил, как ни странно, сидеть тут и судачить с бабками. Сейчас, правда, был один. Женька повернулся к подъезду и снова задохнулся. Железная, с коваными узорами дверь,

кованный козырёк над ней. И устройство с кнопками. Домофон... Парень знал, что такое домофон: на их двери — обычной деревянной, — много лет тоже был домофон, правда попроще. Но года два назад его с корнем вырвали, и теперь в квартире стоял один ненужный специальный телефон, а на двери — деревянной двери подъезда, — так и осталась дыра. Но этого ничего не было сейчас. И всё же Женька подошёл, нажал кнопку с цифрой «4». Вверху на двери загорелся красным глазок наподобие объектива фотоаппарата. А грубый голос из микрофона рявкнул:

— Пошёл отсюда, пацан, здесь не подают и ничего не покупают.

«Он меня видит», — мелькнула мысль.

— Я здесь живу, — дрогнувшим голосом произнёс мальчишка. — В четвёртой квартире.

В микрофоне хмыкнули:

— Надо же, чего только не придумают!

И тогда он сорвался. Заколотил руками и ногами в железную дверь, закричал хрипло и зло:

— Я здесь живу! Я здесь живу! Я здесь живу!...

Слёзы ручьями текли по щекам, сердце рвалось из груди, фиолетовые круги плыли перед глазами, и он всё лупил в дверь и кричал:

— Я здесь живу!..

Дверь бабахнула ему навстречу, он отлетел, но тут же был почти поднят на воздух мощными руками здорового, коротко стриженного мужика в камуфляже.

— Сдурел? — спросил тот. — Пошёл, пока не огрел тебя дубинкой по почкам. И не балуй, следующий раз предупреждать не буду.

И отшвырнул мальчишку, как котёнка.

Женька отлетел почти к самой скамейке. Дверь уже захлопнулась, а он всё сидел на земле. Мужчина на скамейке смотрел на него молча, равнодушно, потом всё же спросил:

— Ты что, дилер какой-то, товары разносишь? Так соображать должен, куда соваться. Этим ничего не надо из твоих дешёвок. У них всё есть.

«Я здесь живу», — хотел повторить Женька, но осёкся. Слишком много странного увидел он буквально за полчаса. Что-то произошло... такое... Ни слов, ни догадок не находил, но главное понял. Не дурак. Поднялся тяжело, отряхнул брюки и сел на скамье рядом с соседом.

— Да я, знаете ли, давно здесь не был. Вот, пришёл к знакомым, а они... наверное переехали?

— Здесь все уже переехали, — меланхолично покачал

головой мужчина. — В этом подъезде все квартиры скупили. И то! Здесь же самые лучшие во всём доме квартиры. И крыло дома — видишь, прямо на центральную улицу повёрнуто. На втором этаже из четырёхкомнатной сделали шесть комнат, да ещё, как раз, старуха-профессорша на этом же этаже померла, так и её квартиру прикупили. Теперь там целые хоромы на весь этаж.

«Инесса Павловна, преподаватель юридического института, это она умерла, — догадался Женька. — Наша соседка по этажу...»

Мужчина уже не казался апатичным, разговор явно оживил его. И Женька спросил осторожно:

— А те люди, которые жили там? В четвёртой квартире? Куда-то уехали?

— Сгинули, — меланхолично мотнул головой сосед. И замолчал, не собираясь продолжать или разъяснять.

Но Женьке нужна была ясность. Хотя на миг забилося, запульсировало в висках: «Не спрашивай! Не спрашивай!» Но он сглотнул комок, хрипло выдохнул:

— Как это? Пропали куда-то?

— Так убили же нашего мэра, все знают...

«Это он не про папу, про какого-то мэра» — плеснуло в сознании радостной надеждой...

— Мужик-то хороший был, этот... как его?.. Георгий Евгеньич. Как сын у него пропал, его все жалели...

От потрясения — сосед назвал всё-таки имя отца, значит отца убили... бред какой-то... — Женька не сразу понял, что тот ещё и о нём сказал. О нём самом.

— Кто пропал?

— Так сын у этих, из четвёртой квартиры. Совсем пацан ещё, подросток. Убежал, я думаю, может наркоманом был. Детки этих богатых все такие.

Мужчина сидел рядом, смотрел на него без всякого выражения. Женька вдруг увидел близко морщинистое, обрюзгшее лицо, тусклые глаза. «Он не узнаёт меня, — подумал. — Видит плохо... А мне казался он моложе...» Впрочем, он никогда этого человека особенно не разглядывал, да и тот, скорее всего, вряд ли различал среди мальчишек дома кого-то особенно... Спросил почти машинально:

— Когда пропал?

— Давно, — сказал тот равнодушно и замолчал, ушёл мыслями во что-то своё.

Может быть, для этого человека «давно» означало часа три или четыре назад... Но Женька вдруг почувствовал, понял

— бездна разверзлась у его ног. Всё виденное за последний час вдруг сконцентрировалось в монолитный шар с тяжёлой критической массой. Давно — это значит давно...

Он быстро встал и пошёл целенаправленно, на дальний угол дома. Там, он знал, стоял киоск «Союзпечать». Может, конечно, его уже нет... Но издали увидел — стоит. Выглядит совсем по-другому, но парень даже удивляться не стал. Когда уже был рядом, бросились в глаза обложки журналов, почти все с изображением красивых девчонок. На одном, с названием «Шарман», девушка была обнажена по пояс и изгибалась так... Подобное он видел однажды на специальных картах: их принёс одноклассник и показывал ребятам тайком в туалете. А здесь — пожалуйста, смотрите все! Вдруг вспомнилось обещание дяди Ефима о журналах «Плейбой». Вокруг такого киоска стоило походить, поглазеть, но теперь Женьке было не до того. Он заглянул в окошко, спросил у скупающей женщины:

— А есть газета... — вспомнил, что отец из городских газет предпочитал одну, — «Вечёрка»?

— Вчерашняя, — ответила та. — Будешь брать? Два рубля.

У Женьки всегда были карманные деньги, он молча протянул два рубля, не стал ничего говорить по поводу такой высокой цены. Но продавщица рассердилась.

— Тоже мне, насмешник! Все говорят «рубли», не привыкли ещё. Гривны давай или, ладно, можно и карбованцы.

Женька посмотрел на деньги, которые держал в руках, сжал их в кулак. «Ясно, значит я и купить ничего не смогу». Молча отошёл. Ему уже не нужна была газета, он и так увидел что хотел: на нескольких изданиях, разложенных перед продавщицей, он успел прочитать дату: «26 мая 1997 год».

Пойти можно было куда угодно, но двор не отпускал. Словно он, Женька, вновь был маленьким мальчиком, а мама приглядывала за ним, гуляющим, с балкона, и грозила пальцем: никуда со двора!

Балкон был, но чужой, расширенный в длину и ширину, застеклённый, в жалюзи. И не один: с другой стороны стены, куда у них выходили только окна его «детской» комнаты, теперь громоздился ещё один пристроенный балкон-веранда. Вообще двор изменился почти до неузнаваемости. Большой спортивной площадки, где летом гоняли в футбол, а зимой заливали каток, не было. Половину её занимали новые кирпичные гаражи, вторая часть была обнесена

высокой сеткой, оборудована какими-то лесенками, брёвнами... «Для выгула собак», – сообразил Женька. Арку, через которую можно было выйти на соседнюю улицу, закрывали ворота – толстые фигурные прутья на здоровенном замке. «Ну да, – догадался Женька, – чтоб не заезжали чужие машины». Он ещё раньше увидел с другой стороны дома шлагбаум, закрывающий въезд, рядом стояла стеклянная будка охранника. Тот пропускал только «свои» машины.

Восемь лет! Он не прожил их, но они прошли, пролетели! Как? Женька хотел думать, что спит и видит сон, но понимал – нет, не сон. Слишком... слишком всё на самом деле. Он хотел думать, что это фантастика – он ведь любил читать фантастику, – но всё было слишком реально. И он решил: соглашусь, что всё происходит по-настоящему. Пока соглашусь, а там, может быть, само собой прояснится – дальше, после...

Он думал о маме. И об отце, конечно тоже: «Значит, папа стал мэром города...» Но об отце ему сказали чётко: убит, а вот что с мамой? Сосед на скамейке бросил словечко: «Сгинули» – про обоих его родителей. Значит, и мама?.. А вдруг у этого мужика крыша поехала, а Женька ему поверил? Нет, надо всё узнать точно! Найти знакомых, одноклассников? И что он им скажет, где был эти восемь лет? Что же придумать, как узнать всё точно?..

Охранник вышел из будки, лично поднял шлагбаум, пропуская шикарную машину – глаз не оторвать! Тёмно-серебристая, формой похожая на джип, с английской буквой «L» на капоте. Оттуда вышла молодая женщина, красивая, высокая, с распущенными по плечам светлыми волосами, в белых узких брюках и яркой блузке. Тоже глаз не отвести. За ней выбрался мальчишка лет двенадцати, и сразу заныл:

- Мам, я погуляю с Рексом!
- Подожди, – отмахнулась женщина.

Из подъезда – его, Женькиного подъезда, – к ней уже шёл тот самый парень в камуфляже, который не пустил, отшвырнул его... Женщина открыла багажник, и этот камуфлированный стал вынимать оттуда пакеты и коробки.

- Ты гулял с собакой? – спросила женщина того.
- Да, Маргарита Петровна.
- Вот видишь, Макс уже выгуливал пса.
- Ну, мам, я хочу погулять. Я его тренирую, а Макс просто таскает на поводке.

Этот самый Макс уже утащил пакеты в подъезд, женщина закрыла багажник, сказала шофёру – «Поезжай», – а потом

добавила сыну:

— Ладно, иди, бери своего Рекса.

У Женьки, стоявшего недалеко, у куста отцветшей сирени, возбуждённо заколотилось сердце. «Они живут в моей квартире, — лихорадочно думал он. — Ведь как-то они её получили, или купили... Значит, должны знать, где сейчас прежние жильцы или что с ними случилось. Вот у кого я спрошу!»

Рекс оказался мощной псиной, короткошёрстный, с красивой полосатой окраской, как у тигра. Сначала Женька подумал — боксёр. Но боксёрам купируют хвосты и лапы у них стройнее. Он нагнал мальчишку, идущего вглубь двора.

— Привет. Пёс у тебя супер! Что за порода?

— Стаффорд, — ответил тот, покосившись на взрослого парня, заговорившего с ним. — А ты что, не видел таких?

— Не приходилось.

Женька вдруг вспомнил: в какой-то телепередаче говорилось, что стаффордширские питбультеры — а он уже понял, что Рекс именно такой, — в Штатах порода запрещённая. И неожиданно даже для себя добавил:

— Я приехал из Америки, у нас там их не разрешено держать.

— Живёшь там? — спросил мальчик уважительно.

— Да. А раньше тут жил, недалеко. Вот, приехал, хотел найти давнего знакомого, да немного позабыл, где тот жил. Не знаешь такого?

И назвал первую пришедшую на ум фамилию — своего одноклассника.

— Нет.

Они уже пришли к площадке для выгула, мальчишка отпустил своего Рекса, и тот пошёл наматывать круги, трепать резиновую покрывку, прыгать, хватаясь зубами и повисая на специальном подвесном кольце. Вообще, резвился. А ребята сели на лавочку. Они уже познакомились: мальчика звали Рома, Женька назвался Юджином. Он обратил внимание на странную причёску этого Ромы: вроде красиво подстрижен, довольно коротко, особенно на висках, а сзади висит длинная, аж на плечи ложится, жиденькая прядка волос, как мышинный хвост. Сначала подумал — забыли в парикмахерской состричь, — но тут же понял: нет, это видно мода такая. Сам он моды не придерживался, не стригся так коротко, как бойцы из его компании. Знал, что его тёмные, крупными кольцами волосы красиво обрамляют лоб, щёки, вот и ходил так.

— У тебя классная футболка и джинсы, — похвалил Рома.

— Оттуда, из Америки?

— Ну да... Из другого мира.

Усмехнулся про себя — в самом деле из другого.

— У меня батя тоже ездит в Америку, — солидно протянул Рома. — У него здесь, в городе, самый большой банк и там, в городе Цинциннати тоже есть отделение.

Мальчишке явно хотелось покрасоваться перед взрослым парнем из той страны, которую он считал такой привлекательной.

— Так твой отец банкир?

— Ну да, а ещё он заместитель губернатора. — И, повторяя чьи-то слова, добавил: — Он всё тут решает и всё зависит от него, потому что губернатор просто пешка.

— Я, наверное, слышал его фамилию... Напомни.

— Гармашов. У него и кабинет больше, чем у губернатора, аж три комнаты. А из окон прям вся площадь видна.

— Это что же, его контора в обкоме? — догадался Женька.

— Да, — Рома кивнул. — Раньше там был этот обком коммуны. Теперь разная власть, а второй и третий этаж — губернаторство.

— Жаль, что ты не знаешь моего приятеля, — вновь вернулся к первой теме Женька. — Давно тут живёшь?

— Два года всего. Я мало кого здесь знаю. Раньше меня вообще одного не отпускали, с охранником. А теперь с Рексом разрешают. О, мобила звонит.

Рома достал маленький аппарат, нажал кнопку и приложил к уху.

— Да, мама, я на площадке. Всё нормально, бегаю с Рексом. Ладно, ладно, скоро вернусь.

Женька глаз не мог оторвать от этой «моби́лы», даже на минуту обо всём забыл. Но тут же взял себя в руки: в Америки такие, небось, уже есть давно, нельзя удивляться. А мальчишка продолжил:

— Мы тут, в этой квартире, летом не живём, у нас ещё ви́лла есть у реки. Скоро туда переедем. А когда у меня каникулы начнутся, поедем на Кипр. Ты бывал на Кипре?

Женька усмехнулся, вспомнив свою любимую книгу Джеральда Даррелла «Моя семья и другие звери», и сказал:

— Мне больше нравится остров Корфу... А твой отец сейчас, случайно, не в Штатах?

— Не-а. У него сегодня как раз приёмный день — раз в два месяца бывает. Ходят всякие, просят...

Надо было уходить. Этот мальчишка готов был болтать и дальше с таким взрослым парнем, да ещё из Америки. Но раз мать позвонила, значит беспокоится. Ещё чего добро

охранник придёт, а он-то Женьку видел, запомнил...

— Во, опять Петровна мусорку курочит!

Эта фраза и жест Ромы заставили Женьку посмотреть в сторону. Недалеко от площадки стоял мусорный киоск, рядом — баки. Сколько раз он сам выносил сюда ведро с мусором... Всё было как прежде, на том же месте, только баки другие — выкрашенные в яркий жёлтый цвет, на колёсиках, с откидными крышками. Около одного нагнулась женщина в тёмно-синем халате и копалась руками прямо в мусоре. И хотя на ней были длинные, видимо резиновые перчатки, но всё же — руками, в мусоре!

— Ей разрешают, — добавил мальчишка небрежно. — Она же у нас подъезды убирает. А что, дочку свою приодела, и всякие вкусные объедки попадают. Я сам слышал, она говорила дворничихе. Той тоже разрешили брать всё из мусорки. А бомжей у нас нет, их охрана гоняет.

Женька смотрел на женщину, комок подступал к горлу. Не от безразличности вовсе, от страха: что же это, где он оказался? Чтобы скрыть своё состояние, он спросил, ухватившись за последние слова Ромы:

— А кто это, бомжи?

— Не знаешь? — удивился тот. — А, у вас в Америке они как-то по другому называются... Ну, те, кто пропил свои квартиры и теперь роются по помойкам, спят в канализациях или канавах. Грязные, вонючие. Нет, сюда их не пускают...

«Ладно, — думал Женька, идя в ту сторону, от которой недавно пришёл, в сторону обкома... бывшего обкома. — Ладно, не буду сейчас ни о чём таком думать. Надо прикинуть, что говорить этому... Гармашову».

В фонтане недалеко от метро плескались мальчишки. Этот фонтан он помнил столько, сколько себя, хорошо, что и сейчас он был. Много раз и сам Женька кувыркался в его воде и струях в летнюю жару. Потому, без комплексов, он умылся здесь, смыл засохшую кровь с волос, причёсался — расчёска всегда была у него с собой, в каком-нибудь кармане. Посмотрел в большую зеркальную витрину «Бутика» — надо же, почти привык к новшествам. Выглядел неплохо, можно выдавать себя за американца. Он решил придерживаться той же легенды, которую сочинил для Ромы. Только немного подкорректировал её. Скажет, что родители когда-то жили здесь, дружили с семьёй Георгия Евгеньевича (первый раз подумал об отце так, по имени-отчеству...). Потом уехали в Америку. Теперь он приехал в город детства, привёз приветы от родителей... Нет, не так! О смерти мэра, наверное, надо

знать. Ему поручили найти Светлану Дмитриевну (мама, мамочка!..) Он не знает, где её искать, сведений нет. Потому и обращается к человеку, живущему нынче по прежнему адресу друзей его родителей... Так, чтобы не запутаться.

Подходя к обкому, поднял голову, посмотрел на жёлто-синий флаг. Теперь он понимал, что это не мираж и не проделки кучки наци. Но что же? Разве он сейчас не в Советском Союзе? Заныло сердце. Сто раз отец и мать говорили об СССР как об империи зла, мечтали, чтоб это государство развалилось. И сам он, вместе с ними... Почему же он со злостью трёт глаза, на которые набежали слёзы...

Зашёл в вестибюль обкома и первое, о чём подумал: «Наверное, ничего не меняли». Он, конечно, здесь никогда не бывал, но солидный стол у входа с дежурным милиционером, стойка раздевалки с гардеробщицей и тремя-четырьмя плащами на вешалках, широченная лестница наверх с красивыми перилами и шикарной ковровой дорожкой — уж точно всё это осталось в наследство от обкома.

Милиционер вежливо спросил:

— Вы к кому?

— Я на приём к вице-губернатору Гармашову, — спокойно ответил Женька — репетировал по дороге эту солидную интонацию.

— Поднимитесь на третий этаж, вон там лифт.

Странно, как легко его пропустили! Но когда он вышел из лифта, тут же увидел ещё один стол. Тут стоял молодой человек в элегантном костюме — высокий, широкоплечий. А недалеко, на диванчике, сидели ещё двое, разговаривали, но их взгляды тут же прилипли к появившемуся посетителю.

Женька повторил свою фразу о приёме, но, понимая, что этих так просто не пройдёшь, подпустил в свою интонацию американского акцента. Сделать это оказалось не трудно: он сам смеялся над говорком дяди Фимы Штерна и ловко его копировал.

— Вы записаны? — спросил дежурный и притянул к себе раскрытый журнал. — Как фамилия?

— Я сегодня приехал из Детройта, США, — небрежно произнёс парень. — И мне срочно нужно уточнить кое-что.

Он назвал город наобум. Сначала хотел сказать «Цинциннати», но сообразил, что быстро попадёт впросак: Гармашов, судя по рассказам сына, этот город знает хорошо, а вот он — нет.

Дежурный задумался, оглядывая посетителя, поднял трубку телефона, что-то тихо сказал. А потом предложил

Женьке:

— Подождите, сейчас к вам выйдет помощник господина Гармашова.

Словечко «господина» резануло. Подумал: «У меня язык не повернётся... Буду говорить мистер».

Из-за поворота длинного коридора появилась фигура молодого человека, деловито шедшего навстречу. Женька собрался, быстро прокрутил в уме первую фразу, но не додумал её. Словно патефонная пластинка резво играла, но вдруг дрогнула, игла соскочила и с противным визгом проехала по бороздкам... Вот так и у него в сознании резким скрежетом оборвалась фраза. Потому что ему навстречу шёл Сергей, Серый... В элегантном костюме, а не в кожаной куртке, с элегантной причёской, а не коротко стриженный, в очках тонкой золотистой оправы. Но всё равно это был он — его «босс»!

У Женьки рванулось сердце, и он рванулся было навстречу... Но Сергей вдруг остановился и резко качнул головой. Неуловимым движением один из сидящих на диване парней тут же очутился перед Женькой. Крепко взял за плечо, так, что не двинуться.

— Вам нельзя, — сказал спокойно и внушительно. — На приём строго по записи.

— Серёга! — закричал Женька, вытягивая шею и глядя поверх плеча охранника.

Но Сергей быстро уходил. Дежурный тоже подошёл, сильно сжал локоть парня, вежливо проговорил:

— Пожалуйста, спускайтесь вниз. Вон там лифт.

И Женька, растерянный и возбуждённый, прошёл несколько шагов к лифту. Нажал на кнопку, и пока ждал, не отрывал взгляд от фигуры в конце длинного коридора. Сергей не повернул за угол, тоже смотрел в его сторону и говорил по телефону, который назывался «мобилой». Он был далеко, но Женька всё-таки почувствовал тяжесть его взгляда и, похоже, растерянность. И показалось ему, что говорит «босс» кому-то именно о нём...

Нерешительно постоял он на высоком гранитном крыльце здания. Но почти сразу из двери вышел милиционер, стал молча смотреть на него. Возможно, ему позвонили с третьего этажа... И Женька пошёл не задумываясь куда, только не в свой двор. Начинало вечереть. Было ещё светло, но солнце пряталось за высотными домами, справа. Наверное, он всё-таки думал о том, где будет ночевать, потому что промелькнул в памяти двор одного папиного приятеля, к

которому они иногда ходили в гости. Там тоже дом был — капитальная сталинка, но к нему примыкала постройка заводского общежития. Само общежитие Женька не помнил, только его развалины. Папин приятель рассказывал: «Хотели на этом месте построить красивый дом, современный. Снесли три подъезда общежитских, а когда взялись за четвёртый, который прямо из нашего дома начинался, по стене дома пошла трещина. Испугались, так и бросили недодел...» Остался на месте снесённого здания пустырь и остов этого четвёртого подъезда. С местными мальчишками Женька лазил там: по висящим прямо в воздухе ступенькам лестниц, бывшим комнатам, обнажённым окнам... Теперь он шёл туда — это было не очень далеко. «Переночую, сейчас ведь тепло...» Он очень устал от всего, голова болела, хотелось отдохнуть, ни о чём не думать. Завтра, обо всём он подумает завтра... Но, как белка в колесе, быстро — быстро бежали мысли, цепляясь одна за другую, по кругу, по кругу... Сергей служит помощником у того, кто заполучил их квартиру... Сергей говорит, бросая быстрый, почти неуловимый взгляд искоса: «Шикарная у тебя квартира, в самом центре, огромная...» — и сплёвывает... Сергей резко останавливается в длинном обкомовском коридоре: он узнаёт Женьку, но не хочет подходить... Сергей звонит кому-то по «мобиле», говорит, глядя издали на Женьку тяжёлым взглядом...

И пустырь, и развалины существовали. Вот только когда парень, пройдя двор, свернул, чтобы через знакомый пролом забраться вовнутрь, увидел у этого пролома разожжённый костерок и три фигуры рядом. Двое мужчин в сильно поношенной одежде, какие-то грязные, со всколоченными волосами, и мальчик... Ну да, на вид лет десять, но такой жуткий, какими не бывают дети. Они все поняли, что Женька идёт к развалинам, но мужчины лишь повернули к нему головы, почти безучастно, а мальчишка вскочил, задёргал руками и ногами, как припадочный, и побежал навстречу. Женьке вдруг показалось, что сейчас, как собачонка, тот вцепится зубами ему в ногу. Он отшатнулся, не сумев скрыть испуга, а пацан остановился, не добежав, и закричал тоненьким, но каким-то хриплым, как у взрослого курильщика, голосом:

— Эй ты, секель хумозный! Куда прёшь? Канай, а то отхерю в верзуху, акробатом станешь, до хезника не доползёшь!

Женька не понял почти ни слова, только то, что его гонят отсюда. И слова мальчишки — не мат, а нечто хуже, страшнее. Тот стоял перед ним, кривляясь, скаля зубы,

вихляя всем телом — волчонок в рванье, грязный и вонючий. Мужчины у костра всё также молча смотрели и улыбались. Жуть! Женька пошёл прочь, и только тогда услышал их голоса: смех и одобрительное «Клёво лепит, баклан»...

«Это, наверное, и есть те самые бомжы. А мальчишка, такой маленький, а вроде и не человек уже... И тот малыш, который из кучи мусора выполз, в сквере, я тогда ещё не понял — что это...»

Женька не успел додумать. Он проходил как раз через двор, по краю детской площадки, вдоль кустов акации. Именно оттуда выскочили две фигуры здоровых парней, сбили его с ног. Ни понять, ни защититься, ни убежать не было времени. Упал, сбитый ударом в плечо, скользяще проехавшим по щеке и уху, задохнулся от пинка в живот и потерял сознание.

* * *

...Когда открыл глаза, сразу узнал склонившегося над ним человека: старик с густой седой шевелюрой, глубокими морщинами, крупными чертами лица, кустистыми бровями. «У него надо забрать знамя, — пробилось в памяти, — и ордена... Не хочу...» Он не успел ещё понять, откуда и почему возникло это «не хочу», как старик заулыбался, сказал:

— Очнулся? Ну, молодец! Слышь, Василь, парнишка пришёл в сознание.

И тут же Женька увидел, что на старике зелёная выцветшая майка, поверх которой наброшен потёртый пиджак, что на низком потолке горит лампочка, а сам он лежит в кровати. Возникло лицо ещё одного старика — лысоватого, худенького, улыбчивого.

— Крепкий парень, — сказал этот второй. — Но и мы не оплошали, подросли вовремя.

Несколько секунд назад Женька испытал мгновенное чувство счастья: всё, он дома, у себя, а не где-то в бредовом будущем, то было лишь странное видение! Теперь же на него нахлынула невыносимая безысходность: он здесь, где нет ни дома, ни папы с мамой — ничего! Этот перепад чувств он не вынес, застонал, по щекам потекли слёзы. Старик «с площади» приподнял ему голову, поднёс к губам стакан с водой.

— Ладно, ладно, не распускайся. В обиду не дадим. А раны у тебя небольшие, я их уже обработал. Но на тебя, как я погляжу, не первый раз напали? На голове ещё есть шишка и кровоподтёк подзаживший. Кто на тебя охотится, парень?

— Не знаю, — бормотнул Женька после нескольких жадных глотков.

— А ты подумай. Ведь точно тебя стерегли. Вон, Василий Петрович сразу их приметил, что значит бывший разведчик.

— Разведчиков бывших не бывает, — встрял Василий Петрович. — Я и тебя, парень, заметил, когда ты проходил двор в сторону развалин. Чумной какой — то шёл, ничего не видел. Я думал — накурился малец.

— Я не курю...

— Что, совсем? — словно удивился седой старик. — Видишь, Василь, мальчишка хороший... Нас ты не увидел, потому что мы сидели в беседке на детской площадке. Беседовали.

— А следом — эти двое, тоже нас не увидели, — поспешил продолжить Василий Петрович. — Стали у кустов, мы вообще им оказались не видны. И говорят друг другу: «Назад идёт... Жаль, лучше бы в развалинах... Нож не доставай, сказано было, так забить, как будто хулиганы или бомжи разные... Вон там, как раз, бомжики кучкуются, на них и спишут...»

— Понял, парень? — снова сказал седой. — Тебя, похоже, заказали. Но ты же не из бандюков, я вижу. Значит, кому-то дорогу перешёл? Или видел чего не следует?

— Не знаю, — повторил Женька.

Он не всё понимал, что говорили, сильно болела голова.

— Ладно, не хочешь рассказывать, молчи. — Старик погладил его по голове. — Куда тебя препроводить? Хочешь, в больницу? Тут не далеко. Есть чем заплатить?

Значит, лечение теперь платное?.. Ясно. Женька чуть качнул головой:

— Нет, нечем.

— Тогда родители заплатят? Я сообщу, скажи куда.

— Нет у меня никого.

Женька закусил губу, стараясь удержать нахлынувшие слёзы. Но седой понял. Сел рядом на кровать, обнял за плечи.

— Вот что, парень, всё-таки расскажи... что можешь. Как тебя зовут?

— Женька.

— Евгений, значит. Давай, Евгений, говори.

Он и не понял, как так получилось, что его голова, тяжёлая и раскалывающаяся от боли, сама опустилась на плечо старика. Стало легче.

— Я убежал из дому, — сказал нерешительно. Бывший разведчик Василий Петрович было хмыкнул, но седой поднял палец: не мешай! — Так, по глупости. Родители у

меня очень хорошие, я и не хотел, но так получилось... А теперь вернулся и узнал, что они сгинули... Папу вроде убили, а мама неизвестно где.

Вот теперь он заплакал.

— Ну, ну... — Седой помолчал, прижимая плачущего мальчика к себе. Когда тот немного успокоился, спросил: — А жил ты где?

— В нашей квартире другие живут. Банкир.

— Хорошая квартира? — таки встрял Василий Петрович.

— Да, очень, в центре.

— Всё ясно, Кузьмич, всё ясно! Какой сейчас беспредел с недвижимостью! Запросто могли убить!

— Это меня зовут Степан Кузьмич, — сказал седой. — Ты тоже зови просто Кузьмич. Насчёт всего, что с тобой произошло, мы ещё подумаем, прикинем. А раз тебе некуда идти, оставайся здесь, у меня.

Женя приподнялся и увидел, что он находится в маленькой комнатке, где и есть всего кровать-топчан, этажерка старинная, небольшой стол со стулом у окна, а окошко наполовину под землёй. Значит, это подвал. Вместо двери проём занавешивала старенькая портьера, она была приоткрыта и виднелась вторая комната — побольше, с какой-то стойкой, верстаком...

— Я здесь и живу, и работаю, — пояснил Кузьмич. — Это моя сапожная мастерская. Василь, выкладывай на стол продукты, будем ужинать, картошка, небось, уже поспела.

Василий Петрович нырнул за занавеску, принёс исходящий паром и ароматом чугунок. Женька непроизвольно громко сглотнул слюну, и Кузьмич тут же засмеялся:

— Что, и сам не знал, какой голодный? Давай к столу.

Оказывается, и правда: сильно хотелось есть. Картошка, незамысловатый салат из солёных огурцов, лука и постного масла, колбаса-варёнка — всё было таким вкусным! А потом чай на пахучих травках — Женька и не вспомнил, как он всегда отбивался от маминых лечебных травяных чаёв. Пока ужинали, старики рассказали, как отбили его. Услышали разговор двоих громил, переглянулись. «Это про того мальчишку, худенького, — сказал Василий Петрович. — Убить, что ли, собираются?» «А мы на что, — сказал Кузьмич. — Бери палку, а я камень». И как только те набросились на Женьку, Кузьмич залихватски свистнул в два пальца. И сразу же залаяла Жужа...

Маленькая чёрненькая собачонка Жужа крутилась тут же, у стола, получая свою порцию колбасы и хлеба. Как только

услышала, что говорят о ней, радостно завизжала, забила пушистым хвостом по полу.

— Вот она, ещё одна твоя спасительница. — Кузьмич наклонился и погладил зверька. — Мой свист для неё — сигнал к действию. Мы с Василём кинулись на этих охламонов, и она одному в штанину вцепилась с таким рычанием, что тот, наверное, решил — волкодав! Нет, Жужка, не зря я тебя пригрел, подкидыша.

— А Кузьмич-то, Кузьмич, — тоненько засмеялся Василий Петрович. — Прямо Соловей-разбойник! Сначала свистом оглушил, те аж остолбенели. Потом камнем двинул одного в плечо и заорал: «Взвод, по левому флангу окружай!» Жаль, малец, не видел ты, как эти двое бежали, без сознания был.

Женька вздрогнул и вскинул голову. Оказывается, он на несколько секунд отключился — заснул.

— Так, — решительно приказал Кузьмич. — Парню надо хорошенько отдохнуть, ему сегодня досталось.

Он помог осторожно стянуть через разбитую голову футболку, поправил на топчане матрас и подушку.

— Ложись, отдыхай. Завтра придумаем что-нибудь.

— А вы, — Женьке было неловко, — вы где будете спать?

— У меня ещё раскладушка есть, в мастерской, — кивнул на соседнюю комнату.

— Может, я на раскладушке?

— Обязательно. Завтра. А сегодня, как раненый боец, — на лучшее место.

Простыня и наволочка были не новые, но чистые, приятные, плед, которым Кузьмич его накрыл — мягким. Вместе с истомой нахлынуло на него такое сильное чувство благодарности, что захотелось признаться: «Степан Кузьмич, я хотел вас ограбить и избить... сегодня утром...» Но в полубредовом, полусонном состоянии он всё же понял, как это будет нелепо, необъяснимо. Вдохнул глубоко, посмотрел в глаза склонившемуся к нему старику, подумал: «Какие они у него голубые...», пробормотал:

— Спасибо.

И заснул.

Нож легко и плавно прошёлся по контуру, и Женька повертел в воздухе резиновый каблук.

— Ловко, — похвалил Кузьмич. — Говоришь, модели кораблей мастерил? Это, конечно, тонкая работа и хороший навык для пальцев.

Когда Женька рассказал Кузьмичу, что занимался во Дворце пионеров в кружке моделирования кораблей, тот

покачал головой:

— Ты же, наверное, ещё совсем пацаном был. Да, где теперь тот Дворец и те пионеры...

Еле сдержал возглас удивления: неужели нет пионерской организации? Вот уж что казалось незыблемым и вечным!

На утреннем совете Степаном Кузьмичом и Василием Петровичем решено было оставить мальчика жить здесь, в полуподвале, и учить сапожному делу. Его спросили: «Ты какой класс окончил?», — и он сумел сообразить, что раз был в бегах, значит в школу не ходил и не мог назваться выпускником, как оно и было на самом деле. Сказал: «Девятый».

— Ну, впереди ещё долгие каникулы, придумаем что-нибудь. А теперь, если хочешь, живи у меня. А чтоб не чувствовал себя нахлебником, станешь учеником сапожника. Поверь — дело хорошее, всегда прокормит. Это мне Василь подсказал вечером, когда ты уже заснул.

Целый день Женька не выходил из помещения, так ему посоветовали старики. Бывший разведчик резонно заметил:

— Эти, которые тебя не добились, могут искать, и как раз здесь, в нашем дворе. Кому-то ты сильно мешаешь. Ты на своей бывшей квартире появлялся?

— Да, — Женька задохнулся от воспоминаний. — Я же не знал.

— Думаю, с этим связано. Как считаешь, Кузьмич? Криминал, он и есть криминал! Пацана забить до смерти — это что?

Женька и сам так думал. Вечером он заснул быстро и крепко, но всё же успел кое-что вспомнить и сопоставить. Серый, похоже, высоко пробился. Уж не за счёт ли квартиры, о которой он всегда говорил с нескрываемой завистью? Такие, как «босс», не останавливаются на полпути, метит он, небось, очень высоко. А тут появляется Женька, о котором Сергей и забыл. Выпрыгивает, как чёртик из табакерки... Тут Женька даже захихикал, вспомнив фильм «Бриллиантовая рука». Там управдомша открыла шкатулочку, думала — презент приятный. А чёртик прыг! Перепугалась и рассердилась. А Серый тоже, испугался и рассердился, очень рассердился...

— Верно, Евгений, — согласился седой старик. — Ты сегодня не маячь во дворе. А я начну учить тебя азам сапожной науки.

Как ни странно, у Женьки стало быстро получаться, а значит — и нравится. Нравилось жужжание машинки, на которой Кузьмич затачивал ножи, а также обтачивал каблуки и набойки. Запахи кожи, клея, раскалённой электроплитки...

Полки вдоль стены, в виде книжных стеллажей, были уставлены обувью. В основном не новыми, а часто просто старыми мужскими и женскими туфлями, босоножками, несколькими сумками, в которые мастер вставлял змейки или сшивал порванные ручки. Кузьмич сам сказал:

— Люди донашивают обувь советских времён. Ругали её: мол, топорная, однотипная, а вот теперь оценили. Делалось ведь добротное, на долгие годы. Её и ремонтируют, иногда по три, по пять раз одни и те же туфли приносят. Новую эту китайскую однодневку с Обьегоровки в ремонт не отдают, сразу выбрасывают.

— А что это, Обьегоровка? — не понял Женька.

— Не знаешь? Так рынок вещевой на метро Академика Егорова. Знал бы академик, как его фамилию перевернули, сам бы в гробу перевернулся.

Станцию метро «Академика Егорова» Женька конечно знал. Помнил: вроде там копошился базарчик типа барахолки, но сам никогда там не был. Теперь со слов Кузьмича понял, что базарчик этот превратился в нечто грандиозное, что и по ночам даже работает. Оказывается, многие люди потеряли работу, потому что закрылись институты, всякие конторы, бюро, заводы, в школах учителям зарплату не платили — вот люди и стали работать продавцами на этом рынке.

— Сначала его называли Егоровка, это и понятно, по названию станции. А потом как-то само собой прицепилось это «Обьегоровка». Тоже понятно: много обмана и по ценам, и по качеству, и просто мошенничество. Василь наш тоже там работает, пенсии ведь нам новая власть определила — тьфу! Да и те месяцами не платят. Он охранником там устроился на нескольких контейнерах. Он хоть старый да не видный, а разряд снайперский имеет, в своё время в соревнованиях серьёзные призы брал. Теперь вот пригодилось. А я не пошёл на рынок, вспомнил отцово-дедово ремесло.

Кузьмич засмеялся:

— Когда-то стеснялся называться сыном сапожника. С войны вернулся молодой, в орденах, а государство нам возможность учиться предоставило. Я выбрал авиационный институт. Много лет инженером был на нашем авиазаводе. На пенсию вышел — всё равно продолжал работать. А когда и завод почти прикрыли, и всех стариков поувольняли, и на пенсию стало не прожить, вспомнил, как мальчишкой вроде тебя отцу помогал. Знаешь, Женя, башмаки людям всегда нужны. А значит и мне работа всегда будет. Много не платят,

бедный народ нынче, но на хлеб, колбасу, картошечку набегают. Мне много не надо.

— А почему вы здесь и живёте? — спросил Женька. — Разве у вас нет квартиры?

— Была, дружок, хорошая квартира, в своё время от завода получил. Да нужно было сыну помочь. Он у меня морской офицер торгового флота, на больших кораблях плавал, в Керчи жил. Но потом все эти корабли скупили частные владельцы, он продолжал работать на одном по контракту. Повёз груз в Аргентину, а там корабль арестовали, потому что хозяин чего-то кому-то задолжал. Команду тоже арестовали, два месяца не выпускали на берег с корабля, они там жили впроголодь, в чужой стране. А хозяин исчез с концами. Вот мы, родственники арестантов, сами деньги собирали, вызволяли их. Я квартиру и продал. Ничего, я ведь один, жена моя умерла в девяностом, слава Богу не видела развала державы.

Женя не всё понимал из рассказа, но не расспрашивал, думал: потом узнаю. Вот так, в беседах, прошёл день. Спать он лёг теперь в мастерской на раскладушке. Она была старенькая, но Кузьмич положил упругий матрас, было удобно. И всё-таки, хоть и переполняли его уйма новых знаний и впечатлений, хоть и устал он от физической работы, на этот раз Женя сразу не заснул. «Что со мной произошло? — размышлял он. — А главное, зачем?»

Размышлять он умел. Мама даже называла его «наш доморощенный философ» — с ласковой иронией, конечно. Но однажды Женя случайно слышал, как она говорила подруге с гордостью, что у её сына ярко выраженный философский склад ума. Теперь ему нужно было добраться до сути этого необъяснимого перемещения во времени. Он для себя уже решил однажды: соглашусь, что всё происходит по-настоящему, — потому стал исходить именно из этого. То, что случилось — чудо. А что ещё может быть, только чудо. Но чудеса не происходят просто так, ни с того ни с сего, да и с кем попало тоже не происходят. Значит, Бог дал ему увидеть всё, что он увидел, с какой-то определённой целью... Какой?

Вообще-то Женька вырос в семье атеистов. Да, отец с матерью были скептически настроены к вопросам веры, а особенно — к православию. Но сына они крестили в церкви — в пику государственным и партийным установкам. Крестик Женя не носил, но знал, где в шкатулке лежит этот его крестильный знак и маленькая иконка Николая Чудотворца. Дело в том, что он родился 19 декабря, именно

в большой церковный праздник этого святого. Но отец и мама не захотели назвать его Николаем. Иконку, однако, купили и хранили вместе с крестиком. И сейчас, вдруг, неожиданно для самого себя, мальчик подумал именно так: «Бог дал». И не удивился этим своим мыслям, они пришли как знание чего-то определённого, как истина. Значит, он должен что-то сделать... Может ли он догадаться — что именно? Что-то предотвратить? Исправить? Остановить? Первая мысль, конечно же: смерть отца и, может быть, мамы... А значит он должен вернуться! Да, да, он не сомневается: он вернётся к себе, в своё время, иначе какой смысл в чуде! Вернётся и расскажет папе... А тот посмеётся, назовёт его фантазёром! Да и кто из взрослых поверит в такое. Но можно узнать точно день трагедии и что-то сделать... мало ли, многое можно придумать...

Тут Женька вспомнил какой-то фантастический рассказ: там пытались не допустить войны, убив Гитлера. Но появился другой фюрер, и война всё равно произошла... Он не выпустит, например, отца из дома в тот день, а его убьют в другой... Может, он должен предотвратить развал Советского Союза? Да кто поверит рассказам семнадцатилетнего пацана! Ещё в психушку упрячут! Нет, конечно, родители этого не допустят, но сами затаскают его по психиатрам. А папа ещё посмеётся: «Спасибо, сынок, поддержал морально, мы ведь об этом и мечтаем», а мама иронично поднимет бровь: «С каких это пор ты стал рупором советской пропаганды? Кто на тебя так повлиял?»... Снова сильно заболела голова, Женя закрыл глаза, и тут же нахлынули образы, голоса, всё неразборчивое, сумбурное...

С утра и до полудня учитель и ученик вновь «тачали сапоги»: Женька учился вставлять косячки в протёртые до дыр подошвы, обрезать по контуру набойки и прибивать их специальными гвоздиками, надев башмак на «лапу». Ему нравилось сидеть на маленьком стуле, в большом брезентовом переднике, зажимать между колен туфель или ботинок и зачищать его наждаком. При этом они с Кузьмичём почти всё время разговаривали. Женя слушал взахлёб и, даже не задавая вопросов, многое уже понимал из того, что произошло за восемь лет. И однажды разговор повернулся к той теме, которая мучила парня, о которой он так хотел расспросить, но не знал, как подступиться, не вызвав вопросов. А тут всё получилось само собой. В мастерскую заходили люди — немного, но всё-таки. Кто сдавал в починку, кто забирал уже готовую обувь. Один

мужчина спросил:

— Что, Степан Кузьмич, подмастерье себе взял?

А Кузьмич так спокойно ему:

— Внучатый племянник из Ашхабада добрался ко мне, сиротой остался. Со мной жить будет.

Когда посетитель ушёл, объяснил парню:

— Я ещё раньше это придумал, знал: будут спрашивать кто ты да что... А у меня и правда в Туркмении брат двоюродный жил. Умер уже. Ни детей, ни внуков у него не было, но кто об этом знает? А там сейчас такое творится, на русских гонения, чуть ли не резня. Люди бегут, беженцев в России и у нас на Украине ой сколько! Вот и воспользуемся, что неразбериха, что у многих документы утеряны. Со временем я тебе попробую выправить документ как беженца и моего родственника. Так что я тебе теперь вроде дедушки.

Потрепал Женьку по голове, и мальчику вдруг захотелось, чтоб эта крепкая, загорелая и добрая рука подольше не отпускала его. Тем более, такие странные, страшные вещи происходят: русских режут, как это может быть?.. А Кузьмич добавил:

— Вот только за документами в милицию и пойдём. Сам не вздумай идти жаловаться на обидчиков, на гибель родителей. Хуже только сделаешь. Милиция у нас вся перекупленная новыми хозяевами жизни. Если даже убийство мэра спустили на тормозах, то уж твоими родителями никто и заниматься не будет. А то и просто сдадут тебя твоим обидчикам.

— Какого мэра?

Женька сказал первое, что пришло в голову. Побоялся, что разговор сейчас уйдёт в сторону и потом он не сумеет... Голос его сорвался почти на шёпот, но Кузьмич не обратил внимание.

— Первого нашего мэра, которого на охоте убили. Неплохой человек был, звали Георгий Евгеньевич. Я не любил его, он ведь из этих был, из разрушителей. Но он, во всяком случае, был из идейных антисоветчиков и в партии никогда не состоял. Не то, что эти крашенные лисы!

Кузьмич как раз менял на мужском узконосом туфле набойку, прибывал полиуретановую. Стукнул по гвоздику что есть силы, с раздражением.

— Я же помню, как приезжал к нам на завод Кравчук, выступал перед партактивом, учил, как надо быть хорошими коммунистами! Главный же по идеологии был в ЦК Компартии Украины! Главным мерзавцем и предателем оказался. Первый президент! Да и этот, нынешний, Кучма

— из этих же, переукрашенных.

«Президент? Это что же, сейчас президенты есть?» — промелькнула мысль и тут же пропала. Женька хотел слышать о другом. И Кузьмич словно понял.

— Да, не любил я мэра, но уважал. Он оказался смелым человеком. Когда ГКЧП случилось, сколько этих демократов и депутатов от страха в штаны наложили! Три дня тряслись, ждали, куда всё повернётся, чтобы самим не прогадать. А мэр не колебался, собрал у себя в конторе своих помощников, сказал: «Ребята, не дрейфить. Если что — пойдём по этапу, дальше Сибири не зашлют». Потом, конечно, об этом и пресса писала, хвалу ему пела. Но я слышал от очевидца, которому верю.

— А что такое ГКЧП? — не удержался, спросил Женька. Ему ведь надо было знать, чего же не испугался отец.

— Не знаешь? — как будто бы удивился Кузьмич, но тут же сам ответил: — Верно, ты ещё совсем пацаном был в 91-м, лет десять поди? Ну, в общем, восемь человек из самых верхов партии и правительства поняли, что дело идёт к развалу страны, и решили этого не допустить. Да только слабаками оказались. Хотели всё интеллигентно сделать, по-человечески. Вместо того чтоб арестовать Горбачёва и объявить на всю страну предателем, сказали, что он болен. Дивизии танковые стояли под Москвой, могли бы кровью столицу залить — малой, конечно, не думаю, чтоб сильное сопротивление было оказано. Да не решились, совесть не позволила. Зато демократам она позволила всё: в девяносто третьем так они и сделали: кровью власть удержали, по дому правительства, по законно избранным депутатам — танками. Да что говорить! И этот негодяй Ельцин... Ведь как лебезил на партконференции, прощения просил у Горбачёва! А тут — на танк, как на броневик забрался, руку тянет... Паец!

— Так чего же было их бояться, этих из ГКЧП?

— Э, парень, никто ведь не знал, как повернётся. Власть-то у них была, поведи они дело жёстко — Союз сохранили бы, а головы у многих реформаторов полетели б...

— Значит, мэр... Георгий Евгеньевич, не испугался?

— Крепкий мужик оказался. Надо сказать, и руководителем для города он был неплохим. При нём чисто было, скверы не вырубались под застройки элитные, дороги хорошо содержались, ремонтировались. Сейчас же кругом сплошной базар и мусорка! Цены на продукты, даже по сравнению с другими городами, ой какие! Георгий Евгеньевич такого не допускал. На приём к нему легко можно было попасть, если обещал решить вопрос — решал. Даже

было одно громкое дело — уволил главного прокурора города за взятки и несправедливый приговор одному человеку, простому инженеру. Прокурор на него было в суд подал, но потом забрал свой иск.

— Так, может, его за это? — тихо спросил Женя.

— Это, конечно, тоже легло кирпичиком... Но главное в другом. Мы сейчас в каком обществе живём, а парень? Ясно — в капиталистическом. А тут всё завязано на деньгах. А уж если деньги большие... Что там говорить! Мэра ведь убили вместе с его другом — владельцем заводов, газет, пароходов из Америки. Помнишь этот детский стишок про мистера Твистера? Вообще, вместе с мистером Ефимом Штерном.

Женька захлебнулся от резкого вдоха, закашлялся. Значит, отец погиб вместе с дядей Фимой? На какой-то охоте... Он ведь никогда не охотился!

— Разве он был охотником?

— В том-то и дело! — Кузьмич многозначительно покрутил головой. — Как раз этот Ефим Штерн купил под городом бывший санаторий, леса вокруг, егерей нанял, лёжки построил, что-то ещё... Назвал это Охотничье уголье «Медвежий угол», и позвал компанию своих приятелей на открытие и охоту. Мэр тоже поехал.

— Значит, там всё случилось? Как?

— На это «как» следствие дало такой ответ: убийство по неосторожности и самоубийство. Это значит: мэр нечаянно застрелил своего друга, а потом с горя сам застрелился...

Как только разговор повернул на гибель отца, Женя приказал мысленно: спокойно, не выдавай себя, слушай! Он сидел, сжимая в руке, забыв положить, маленький нож, которым обрезал подошву, стараясь не вскрикнуть, не вскочить, не заплакать. Но их прервал посетитель — пожилой мужчина. Протянул самодельный жетон-картонку с номером. Кузьмич безошибочно взял со стеллажа пару летних туфель, достал из одного такую же картонку, сверил номер.

— Вот, Сергей Леонтьевич, носите. Не скоро теперь ко мне с ними придёте.

— Это всем известно, Степан Кузьмич, добротню делаете. Спасибо.

Женя сидел с закушенной губой и красными пятнами на щеках. Он был оглушён услышанным и, в то же время, злился, что разговор так внезапно прервался. Столько ещё неясного! Но Кузьмич вдруг спросил посетителя:

— Сергей Леонтьевич, вы помните историю с первым нашим мэром? Вот я рассказываю своему юному помощнику:

случайно застрелил своего товарища и застрелился сам. Такая официальная версия.

— Но мы то с вами, Степан Кузьмич, да и все думающие люди понимаем: убрали мэра. Что значит самоубийство? Сам себе сделал два выстрела в голову, оба смертельные!

Мужчина положил туфли на стойку, развёл руками:

— Да и выстрел, так называемый «случайный», в Ефима Штерна — в затылок, в основание свода черепа. Так только опытный наёмный убийца стреляет. А Георгий Евгеньевич, говорят, вообще оружием не владел.

«Да, да, — хотелось крикнуть Женьке, — папа не умел стрелять, даже в тире всегда мазал! И дядю Фиму он никогда бы не застрелил!»

Мужчины уже разговаривали между собой, о нём позабыв:

— Да, я помню, — говорил Кузьмич. — Их нашли в одной из этих охотничьих избушек, которые Штерн там понастроил. Они были вдвоём, оба мертвы. Первая версия — двойное убийство.

— Верно, верно, — с энтузиазмом подхватил его собеседник. — Как говорится, резонансное дело, телевидение целый месяц смаковало, передавало подробности. Министр МВД Юрий Кравченко взял расследование под личный контроль. И что в итоге?

— А то, что и следовало ожидать! — Кузьмич пристукнул кулаком по стойке. — Министр как раз лично и объявил: убийство по неосторожности и самоубийство. Якобы мэр заряжал ружьё, да по неопытности курок задел. А как увидел, что друг его мёртв, то и застрелился с горя да в состоянии аффекта. Правда, тут ему почему-то опытности хватило пальнуть себе в голову. Да ещё два раза! И не стыдно было министру, профессиональному оперу, между прочим, говорить эту ахинею! Ему бы самому такое самоубийство — два выстрела в голову...

Посетитель ушёл, а Кузьмич, снова садясь напротив Евгения, пояснил уважительно:

— Умный человек Сергей Леонтьевич, историк, преподаёт в нашем Университете. Доктор наук! А туфли новые купить не может, чинит старые. Может, и ты будешь у него учиться. Правда, сейчас так историю поворачивают, как дышло — куда новым правителям надо...

— Но почему, почему их убили?

Голос у Женьки дрожал. Старик понял, о чём он.

— Точно и конкретно «почему» никто и не выяснял. Но я тебе так скажу: идёт процесс первоначального накопления капитала и раздела сфер влияния и обогащения. Нас, видишь

ли, хорошо в институтах советских учили, были такие предметы — «истмат» и «диамат». Дружок мэра, Ефим Штерн, шустрый деляга был, много чего к рукам сумел прибрать. А этого не сделаешь без помощи власти. Значит, и мэр в этом замешан был, он ведь ещё и депутатом Верховной Рады был — оттуда тоже и связи тянулись, и большие возможности. Процент свой денежный имел, немалый, видимо. Они, демократы-диссиденты, поначалу в эйфории пребывали. И власть получили, и законы писали, и капиталы к ним текли. Да только в какой-то момент не нужны стали. Знаешь: «Мавр сделал своё дело, мавр может уходить». Другие люди захотели всё себе загрести. Беспредельщики от криминала. Если первые о правах человека кричали, то эти сразу стреляют. Им плевать на все права. Они теперь хозяева жизни. И, между прочим, деньги свои грязные отмывают и во власть нахрапом лезут.

— А вот, я слышал, есть такой... Гармашов? — нерешительно спросил Женька, и Кузьмич тут же закивал:

— Вот, вот! Как раз из этих, из большого криминала. И говорили, и даже писали, что начинал он с лохотроновских лотерей. Рэкетом заправляет: обдирал кооперативщиков, мелких предпринимателей, долги выбивал. То есть, мошенник и бандит.

— Так как же тогда?..

— Да у нас теперь свобода слова: пиши и говори всё, что хочешь, ноль внимания. Только смеются: чёрный пиар — тоже пиар. А то, что Гармашов этот при власти, так я тебе о том и говорю: сейчас именно такие бандиты всем заправляют. Мэр и его дружок Штерн были, всё-таки, интеллигентные люди, да ещё идейные. Уж наверняка думали, что для человечества стараются... Не нужны такие стали, а эти двое ещё и мешали кому-то.

— А когда это случилось?

— Да вот, два года назад, чуть поболее. В феврале девяносто пятого... Парень, да ты порезался! Гляди-ка, кровь.

Кузьмич осторожно разжал пальцы мальчика, судорожно зажавшие острый сапожничий нож. Порез был довольно сильный, но у старика аптечка оказалась под рукой. Он промыл рану перекисью, несколько раз поменял ватные тампоны, быстро намокавшие кровью. Сказал удовлетворённо:

— Ну вот, почти не течёт. Сейчас лейкопластырем залепим и бинтом замотаем... А ты чего такой бледный? Испугался, больно? В нашем деле, пока настоящая сноровка не появится, без травм не обойтись, ничего.

Жене хотелось побыть одному, выйти на улицу, а тут и Кузьмич предложил:

– Сходи, подыши свежим воздухом, всё равно сегодня работать не сможешь. Только осторожно, не уходи со двора.

– Я буду здесь, – кивнул Женя. – А где моя футболка?

С самого начала в доме он ходил и работал в просторной рубахе Кузьмича.

– Да вон, лежит, – махнул неохотно рукой старик.

Женя взял свою футболку, встряхнул.

– Она грязная, – протянул разочаровано. – Хотел же вечером постирать, да забыл.

– Постираешь сегодня, – повеселел Кузьмич, – а пока надень эту, осталась от моего сына. Андрюшка купил её перед самым поступлением в мореходку, надел-то всего раза два. А потом уехал, дома забыл. Я всё хранил, да он как-то быстро возмужал, в плечах раздался, она ему стала мала. Так и лежит у меня. Не думай – чистая, стираная.

Парень натянул тёмно-синюю футболку, она приятно облегла плечи, оказалась в пору. Вместе с ним на улицу побежала Жужа – мохнатый чёрный зверёк с забавно торчащими ушками и лисьей мордочкой. Женька уже знал её историю. Жужа была любимой домашней собачкой одной пожилой женщины, жившей в этом дворе. Хозяйка умерла, её взрослые дети квартиру продали, а собачка оказалась никому не нужной. Поначалу, месяца три, бегала во дворе, ночевала то в одном подъезде, то в другом, пряталась от непогоды под машинами, её жалели, подкармливали. Потом она исчезла, и вдруг через год появилась во дворе снова. Степан Кузьмич уже к этому времени не только работал, но и жил в своём полуподвале. Он взял собачонку к себе. Смеялся, рассказывая:

– Поначалу она всё с мусорки тягала сюда, ко мне, пакеты с объедками съестными. Надо же, сама на месте не ела, мне несла – хозяину. Набедовалась, видно, малышка, научилась выживать. Сейчас уже отвыкла, а нет-нет, да что-нибудь и притащит.

Двор был большой, дома, окружавшие его, имели арки, выходящие на соседние улицы. Повсюду стояли огромные тополя и ясени, чьи кроны затеняли чуть ли не половину территории. Под ними кое-где сохранились разбитые, поломанные скамейки, навесы над столами. Тем не менее, всё это казалось уютным, тихим. Женька шёл медленно, у него не было эмоциональных сил даже о чём-то думать, так – обрывки мыслей, картинки... Вдруг собачка весело

залаяла, запрыгала, и около неё присела девушка, стала гладить:

– Жужа, красавица, привет!

Она подняла голову, взглянула на остановившегося рядом Женьку. И у него заколотилось сердце от неожиданности и счастья. Это была та самая девочка, с площади, с Дня Победы, которая раздавала цветы ветеранам! Да, конечно: присев на корточки, гладила собачку и смотрела на парня девушка лет двадцати, но всё равно!.. Он ведь видел её только позавчера – это была она! Даже причёска осталась та же, под «пажа», волосы отливают на солнце медью. И глаза – огромные, карие, смотрят приветливо. Вот она поднялась, улыбнулась мальчику.

– Ты с ней, похоже, гуляешь?

Голос – какой необыкновенный: глубокий и тёплый... Надо ответить, а не смотреть полным дураком.

– Ну... да... это собака Кузьмича. Я живу у него.

– Кто ж не знает Степана Кузьмича! А ты его родственник?

– Внук... племянчатый. Что-то вроде.

Девушка звонко рассмеялась:

– Внучатый племянник? Ясно. Повезло тебе, классный у тебя дед, геройский. Ты его ордена видел?

– Нет ещё.

– Попроси показать, обязательно. – И она протянула ему руку: – Меня Полиной зовут.

«Какое имя! – мысленно воскликнул Женька. – Конечно, только так она может зваться! По – ли – на... Музыка, тайна, благородство...»

– Слушай, ты на меня так смотришь странно...

– А я тебя видел, давно, лет восемь назад, – неожиданно выпалил Женька. – У тебя ещё братишка есть, такой симпатичный пацанчик...

У девушки вдруг заблестели глаза. Она схватила Женьку за руку, спросила с волнением и каким-то радостным ожиданием:

– Ты что, помнишь Павлушку маленьким? Правда? Помнишь, каким он был?

– Ну да, отлично помню. Сейчас он уже большой... – И вдруг Женька что-то почувствовал. – Он что, не с вами живёт?

– С нами, конечно. Да вот он! Павлик, иди сюда.

Голос её стал таким ласковым... Она обернулась, повторила:

– Иди к нам, не бойся, это хороший мальчик.

И Женя увидел, как из-за куста сирени к ним нерешительно шагнул высокий худенький подросток. У него что-то не так было с походкой: неуклюжий семенящий шаг. Он держал перед собой, у груди, руки так, как рисуют на детских картинках лапки зайчиков: согнутые в локтях, с опущенными кистями. И у него была голова... большая, деформированная, странно клонящаяся на бок на длинной хрупкой шее. Женька непроизвольно всхлипнул и отвёл глаза. Но Полина сжала его руку:

– Смотри! Это не так страшно, как кажется сначала. Он просто убогий. Его таким сделали.

– Как сделали? Зачем?

У Женьки непроизвольно возникла фантастическая догадка: в какой-то тайной лаборатории над мальчиком проводят изуверские опыты... Полина повела головой в сторону:

– Пойдём, сядем, расскажу.

Он пошёл за ней на детскую площадку, они сели на сломанную карусель. День был солнечный, тёплый, две мамы в дальней стороне играли со своими детьми в песочнице, мальчик и девочка постарше лазили по такому же сломанному, давно не крашеному, но всё равно привлекательному для них паровозику. Полина спросила:

– Как тебя зовут?

– Евгений, Женя, – ответил он, смутившись оттого, что до сих пор не назвал.

– Ты говоришь, видел Павлика восемь лет назад? Как раз восемь лет назад это и случилось. Такой был праздник хороший, День Победы.

«Позавчера, это было позавчера!» Женька приложил руку к сердцу. Он не понял, что оно у него заболело, просто ему стало плохо, перед глазами поплыли круги. Он вспомнил злые слова Серого: «Отобьём охоту у крысят цветочки дарить!», и от тяжкого предчувствия стало тяжело дышать, невыносимо потянуло в груди...

– Утром мама сказала: «Давайте купим немного цветов и пойдём на площадь поздравлять ветеранов. А то сейчас время такое, старики себя чувствуют заброшенными». Цветы уже тогда дорого стоили, мы купили немного и с Павликом по одному цветочку давали тем, кто шёл с орденами. Было просто чудесно! А когда цветы кончились, хотели посмотреть парад. Но его не было, там митинговали и даже дрались. Мама повела нас просто гулять в парк, а когда мы уже возвращались и снова шли по направлению к площади, Павлик увидел фронтовиков с орденами. Цветов у нас уже

не было, но он сказал: «Я просто поздравлю», и побежал к ним. Я — за ним.

Полина замолчала, достала из небольшого рюкзака пачку сигарет, стала вертеть её в руке.

— Да... Павлик набежал как раз на группу парней, и один из них сказал: «А, вот они», — словно знал нас. А потом размахнулся железной цепью и ударил моего брата по голове...

Девушка резко распечатала пачку, достала сигарету, но не закурила — сломала её и отбросила прочь.

— Вот так всегда! Если начинаю об этом вспоминать, тянет закурить! А ведь бросила, слово дала...

Она глубоко вздохнула, протянула пачку парню:

— Бери ты.

— Я не курю.

— Да? И что: колешься, нюхаешь?

Странные вопросы она задавала. Женька догадался, что «колоться» — это о наркотиках. Но почему Полина об этом спрашивает? А про «нюхать» он вообще не понял. Спросил:

— Что «нюхать»? Табак, что ли?

Она заглянула ему в лицо своими огромными глазами:

— Клей... Не знаешь?

Он растеряно пожал плечами.

— Похоже, ты отличный парень, Женя. Впрочем, ты же внук Степана Кузьмича.

Павлик сидел тут же, с ними на карусели, слушал, смотрел на них, улыбаясь. Женя уже не испытывал дрожи и страха, глядя на него. Наоборот, Павлуша притягивал его взгляд своей ответной открытой улыбкой. Полина заметила это.

— Ты не думай, он не «растение», он многое понимает. Читать умеет, но только не вслух — речь невнятная. Только мы с мамой разбираем.

— А что с тем, кто его ударил? Его разве не арестовали, не судили?

— Когда Павлик упал, а мы с мамой закричали, они быстро ушли не оглядываясь. Даже не побежали, просто ускорили шаг. Никто их не задержал, милиция, говорят, вся была на площади. Следователь пришёл в больницу, где мама уже сутки сидела у постели Павлика, а он не приходил в сознание. Сказал: «Вы ведь их не знаете и вряд ли опознаете, такие банды сейчас ходят повсюду. А дело на мне повиснет». Хотел, чтоб мама отказ написала. Я сказала, что опознаю, что запомнила, какая на том, кто ударил брата, была футболка. Но этот мерзавец скривился, бросил: «Ты ещё несовершеннолетняя, твои показания не в счёт». Дело, всё-

таки, возбудили, но никто никого не искал, а нам потом вообще не до этого стало.

Она встала, сделала несколько шагов в сторону. Жене показалось: чтобы он не видел её лица в тот момент. Потом вернулась, села и взяла его за руку. Он вздрогнул и крепко сжал её пальцы. Девушка улыбнулась, качнув головой.

— Ты такой интересный, Женя! Есть в тебе что-то необычное... Как будто я тебя давно знаю и ты мне родной. А то стала бы я рассказывать всё это первому встречному мальчишке!

— Рассказывай, — попросил он, а сам подумал: «Не первый встречный и не мальчишка — я на пять лет старше тебя...»

— До этого происшествия у нас такая чудесная семья была, а тут отец пить стал, а потом вообще ушёл от нас. Слабым оказался, не смог пережить горе.

— Бросил, значит, вас?

— По сути — да, но мы его не осуждаем. Не каждый такое перенесёт. Павлика он очень любил и гордился им... Он учёным был, в институте микробиологии работал, только уволили его оттуда из-за запоев. Совсем бы пропал, да одна женщина, коллега его, сумела его как-то удержать на плаву. Мы ей за это благодарны... Два года пытались Павлика вылечить, маме пришлось работу оставить, она преподавала в музучилище. Бедствовали... Мама заболела — онкология. Это от переживаний. Операцию тяжёлую перенесла, облучалась. Тогда ещё Союз был, онкобольных, к счастью, бесплатно лечили...

Вдруг Полина вскинула взгляд, сказала с ненавистью:

— Я на всю жизнь запомнила футболку на том уроде! Чёрная, а на ней кровавый череп с костями и надпись готическая, как пламя. Вот только точно слово не разобрала, что-то вроде «Тотем», только английскими буквами.

У Женьки, что называется, кровь застыла в жилах: в двух шагах отсюда, в сапожной мастерской лежала точно такая же футболка! Господи, какое счастье, что он не надел её!

Полина молчала, тяжело дыша. Потом посмотрела на брата, взгляд её смягчился.

— Он у нас рисовал очень хорошо. Как раз первый класс заканчивал, а во второй должен был пойти в специальную школу для художественно одарённых детей, его уже туда зачислили. Говорили: очень способный мальчик. Ты знаешь, даже сейчас он иногда берёт краски, рисует... Кажется, просто бессмысленные мазки, но ведь что-то он представляет. Да, Павлуша?

Паренёк улыбнулся, и Женя, который уже привык к его виду, вдруг понял, что в чертах этого изуродованного юноши просматривается тот смысленный, обаятельный маленький мальчик.

— Отец Фёдор говорит, что Павлику открыто нечто такое, что нам не понять. И что «убогий» — это не презрительное определение, а ласковое. Значит, на примете у самого Бога... Ты в храм ходишь?

— Нет, — неловко пожал плечами Женя.

— А нас вера, можно сказать, вернула к жизни, поддержала и даже примирила со всем. Мама поёт в церковном хоре, Павлик помогает алтарником...

— Я тоже хотел бы... ходить...

Женька сам не ожидал от себя этих слов, но он их сказал почему-то.

— Так ходи с нами. Это в церковь Николая Чудотворца.

«Это же мой святой!» — чуть не воскликнул обрадовано он, но удержался. А Полина спросила:

— Ты крещённый? Причащался когда-нибудь?

— Крещённый, но не причащался.

— Значит, примешь своё первое причастие. Я накануне воскресенья скажу тебе, что делать. А вообще, ты где учишься? Школу окончил?

— Да. — Жене очень захотелось сказать ей правду, пусть и не всю. — Собирался поступать в юридический.

— А я там учусь, — сказала Полина. — На четвёртый курс перешла. Но ты знаешь, что это самый дорогой и престижный ВУЗ? Туда ж все эти нувориши своих отпрысков направляют. Как же, чтоб со временем все законы писались под них и работали на них.

— Как же ты там?..

— Лучше всех! Я, знаешь ли, школу с золотой медалью окончила — понимала, что платное образование не потянем. Пошла в юридический специально: надо же кому-то и честным законником быть. Сейчас тоже иду на красный диплом, так что под меня не подкопаешься. А твоим родителям под силу оплата? Или ты тоже медалист?

— Мои родители... погибли. Я сейчас живу у Кузьмича, учусь ему помогать обувь ремонтировать.

Они молча посмотрели друг на друга. И вдруг Полина презрительно скривила губы, произнесла словно бы совсем о другом:

— Тридцать сортов колбасы! Вот на какую мечту всех купили!

Женька вздрогнул, словно она его ударила. Ведь он сам

говорил эту фразу, только совсем с другой интонацией. Восемь лет назад. «Вот уже и МакДональдсы есть, и, похоже, журналы Плейбой. Наверное, и сникерсы...»

— А ты знаешь, что твоего деда пытались выселить из его мастерской? — неожиданно спросила Полина, и голос её повеселел. — Он рассказывал тебе?

— Нет, наверное, ещё не успел.

— Да тут один барыга, заделавшийся предпринимателем, положил глаз на подвальчик. Кафе хотел сделать или склад. Уже договорился со всякими службами, всех подкупил. Но наш двор поднялся, как на баррикады! К депутатам пошли с петицией, пикет устроили на площади, даже телевидение снимало. Кричали — я тоже, — «Где мы будем обувь ремонтировать? Единственная мастерская на округу!..» Вообще, отступились, оставили Степана Кузьмича в покое и даже позволили ему приватизировать мастерскую. Решили, видно, что овчинка выделки не стоит.

Девушка поднялась, протянула Жене руку.

— Нам с братом пора. Давай встретимся завтра, здесь, в это же время. Устраивает?

Он кивнул, чуть задержал её ладонь. Её улыбка была одновременно ласкова и насмешлива, словно она хотела сказать: «Ну, ты шустрый мальчик. Только ещё маленький». Он тоже улыбнулся: пусть понимает, как хочет. И сказал, даже для себя неожиданно:

— Я найду тебя, Полина.

Почему он это произнёс? Она тоже удивилась, подумала, что он её не понял, повторила:

— Завтра, на этом месте, в это время.

Павлик вдруг стал кивать ему головой и ворковать что-то невнятное. Полина «перевела».

— Он говорит: «Ты успеешь».

— Успею, конечно, — согласился Женька.

— Нет, — девушка и сама недоумевала. — Он не спрашивает тебя. Он что-то утверждает. «Ты успеешь».

— Ну ладно, скажи ему: я постараюсь.

Ясно: убогий мальчик что-то себе думал, представлял. Надо было его успокоить, а то он заметно волновался. Когда сестра повторила ему ответ, он сразу заулыбался, повеселел.

Полина и Павлик уходили. Женя смотрел им вслед, взгляда не мог оторвать от стройной фигуры девушки — в лёгких брюках, клетчатой байковой рубашке, со свисающим с одного плеча рюкзаком...

— Сегодня у нас жареная картошка к жареной рыбе, —

весело сказал Кузьмич, как только Женя вошёл в комнату.
— Выключи сковороду и накрой крышкой.

Газовая плита стояла здесь, в первой комнате, но в небольшой нише — почти кухня.

— Скоро придёт Василь, он сегодня выходной от своей работы, и с утра на рыбалке. Вот уж заядлый рыбак, в любую погоду ходит. Но это хорошее подспорье ему с женой. Да и мне перепадает. Давай, друг, убирай всё со стола, я последний каблук прибиваю и — баста.

Женя уже знал, что делать: собрать инструмент, убрать обрывки кож, гвозди, протереть стол и накрыть клеёнкой. Когда всё сделал, увидел брошенную на табурет свою футболку. Быстро взял её, оглянулся...

— Постирать хочешь? — увидел Кузьмич.

— Нет. Выбросить. Я её больше не надену.

— Правильно, — сказал старик, — выбрось и не жалея. Сейчас в этих секунд-хэндах какую только дрянью западную не продают! А, может, и специально.

Опять Женька не понял. Он неплохо знал английский, но при чём тут «второй» и «рука»? Впрочем, какая разница — опять что-то из этой новой жизни...

— Разверни футболку, — попросил старик. — Видишь, что написано? «Тотенкопф», это значит «Мёртвая голова»: вот и рисунок соответствующий. Тебе, небось, и не ведомо, что это не просто картинка-ужастик, а талисман фашистских дивизий СС. А служил он символом верности вождю — то есть, Гитлеру, — до смерти. Вот ведь какой задум: заставить наших мальчиков носить фашистские знаки! Выбрасывай!

Женя сунул скомканную футболку в мусорное ведро, сел напротив старика.

— Ты ведь воевал, Кузьмич. Какие у тебя награды?

Кузьмич сам наказал парню называть его на «ты»: видимо, почти сразу решил выдавать его за двоюродного внука. И у Жени это получилось легко, естественно. Так они и говорили. Сейчас, когда он спрашивал об орденах, помнил, как Серый на площади шепнул ему о том, что у старика награды не простые, редкие. И Кузьмич охотно ответил:

— Если тебе интересно — покажу. Они у меня хранятся, хотя и сорвать их с меня пытались, и выманить, и уговорить продать. Не-ет, я с ними не расстанусь! Это часть моей жизни, самых лучших лет... Ну вот, последний гвоздь.

Он положил ботинок на стеллаж, ушёл в другую комнату и вынес деревянную шкатулку, явно из прошлых времён. Достал оттуда звякнувший свёрток в красной тряпочке. Когда стал развёртывать, Женя узнал пионерский галстук.

И сам Кузьмич сказал:

— Когда-то сын носил. Храню его, а в нём награды.

Разложил на столе ордена и медали, взял одну: на серой, с синей окантовочкой ленточке, с изображением летящих самолётов и танка.

— Это медаль «За отвагу», Евгений. Среди фронтовиков — самая любимая. Её присуждали исключительно за храбрость в бою. Я её получил самой первой. Возьми.

У Жени дрогнула рука. Медаль была тяжёленькой, приятной. Кузьмич смотрел, улыбаясь, покивал головой:

— Да я ведь такой был, как ты, когда пошёл на фронт. Хотел сразу, но взяли только в сорок втором, когда восемнадцать исполнилось. Попал на Юго — Западный фронт, который потом преобразовали в Третий Украинский. В артиллерийский расчёт огневого взвода. Это значит, что мы с пехотой шли по самым передовым позициям, вели бои на открытой местности против танков. Да... И сразу — под Сталинград! Слышал о Сталинградской битве, или вам сейчас это даже не преподают? Всё больше о подвигах бандеровцев рассказывают?

Женьке странно было слышать такое, но он не стал спрашивать, кивнул: знаю, мол.

— Там, парень, все бои были тяжёлые. Вот за один такой, где нас из взвода двое в живых осталось, я и был награждён этой медалью, «За отвагу». А так как был ранен, меня отправили в госпиталь с предписанием: после лечения — в школу младших командиров. Три месяца в тылу — и снова на свой фронт, командиром точно такого же огневого взвода: два артиллерийских орудия, четырнадцать солдат. Следующей моей наградой был этот орден — Боевого Красного Знамени. Знаешь, как пишется в орденской книжке? За особую храбрость и мужество!

— Значит, что-то особенное было, да, Кузьмич? Расскажи.

Женька не притворялся. Он в своей жизни никогда не слышал рассказы фронтовиков, да ещё вот так: чтобы держать в руках медали и ордена, смотреть в лицо седого старика, в его добрые голубые глаза...

— Расскажу... Это было уже осенью сорок третьего, битва за Днепр. О, грандиозная операция! Наш плацдарм был там, где Днепр сливается с рекой Припять...

— Это где Чернобыль?

— Да. Видишь, все теперь это название знают. А для меня оно особое. Так получилось, что наша дивизия, а с нею мой взвод форсировали Днепр, но закрепиться сразу на правом берегу не смогли. Немцы так мощно пошли на нас, что

последовал приказ отступить. Плоты, лодки ринулись обратно — неразбериха, даже паника. От немецких снарядов вода кипит, плоты переворачиваются. Многие солдаты просто вплавь пошли через реку. Не все доплыли...

— А ты?

— А я плавать не умел, представляешь?

Кузьмич тихонько засмеялся, лицо его осветилось совершенно мальчишеским азартом.

— Подбежал к воде, посмотрел на спины уплывающих, некоторые лупили по воде что есть силы, тоже похоже не ахти какие пловцы были. А тут опять снарядом бабахнуло в самую гущу ребят... Вообще, понял я: если в воду войду, никак живым не выйду. А тут на земле всё-таки. И по опыту знаю: пока немец артиллерией работает, его пехота не пойдёт. Значит, немного времени у меня есть. Вот я и собрал в один окоп всё оружие, какое смог дотащить. А там много брошенного было: и пулемёты, и автоматы, и наши орудия. Всё расставил так, чтоб от одного к другому шагнуть можно было, и залёг. Решил: буду отбиваться, пока смогу. Понимал — чего уж там, — что это мой последний бой. Только злость мой страх перебивала, а особенно — когда фриц попёр. Стрелял, перебегая от одной точки к другой, глядел на фигуры, которые шли на меня, и говорил вслух — когда шептал, когда кричал во всё горло: «Я на своей земле, а ты зачем пришёл? Меня в своей земле похоронят, а тебе, гад своей земли уже не видать! Я здесь живу, я здесь живу!» И что-то ещё, но всё об этом же... Знаешь, Женя, мне потом сказали, что я продержался больше двух часов, но сам я времени не замечал и усталости не чувствовал. И ни одна пуля не царапнула! Чудо, да и только. А за это время на том берегу наши пришли в себя, приехало несколько старших командиров, спрашивают: «Кто на том берегу ведёт бой?» Никто не знает. «Тогда вперёд, форсируйте реку на помощь героям»... Когда немцев далеко отбросили и бой окончился, сам комдив ко мне подошёл. «Почему решил остаться?» А я не скрывал, сказал: «Плавать не умею». Он посмотрел на меня пристально, головой покачал и сказал так, как будто точно знал: «Нет, это только предлог. Настоящая геройская отвага любую щель найдёт, чтоб проявиться». И представил меня к Боевому Красному Знамени. Вот этому ордену...

Женька сидел, замерев, изо всех сил стараясь не показать, что горло его перехватил спазм. Он ведь тоже так кричал: «Я здесь живу!» — тем чужакам, которые пришли в его дом, его жизнь... И он увидел — воображение у него всегда было очень живое, — мальчишку, такого, как он сам, одинокого в

окопе, брошенного, плачущего, кричащего, но не сдающего, стреляющего, стреляющего... И вдруг он поверил, что Кузьмич его настоящий дед! Захотелось потянуться к нему, обнять, прижаться, и чтобы тот тоже крепко-крепко прижал его к себе... Женя не знал своих дедов. Они, конечно, у него было. Но дед Евгений, академик, умер рано, до рождения внука. А дед Дмитрий — когда Жене было семь лет. Но и его он не помнил: мать со своим отцом не поддерживала отношений, называла его «ретроградом» и «сталинистом». Подросший мальчик понимал, что дед не принимает идей и образа жизни его родителей. А совсем недавно мама с весёлой иронией обронила: «Хорошо, что мой отец не дожил до времени перемен, это был бы для него такой удар! Особенно то, что из фронтовика-освободителя для стран «соцлагеря» он превратился в советского оккупанта».

«А ведь дед Дмитрий и правда воевал, — может быть впервые подумал Женя. — И награды наверное у него были. Интересно, у кого они сейчас? Должны быть у мамы, она ведь единственная дочь. Но она никогда мне о них не говорила и не показывала»...

— А вот Красная Звезда.

Кузьмич протягивал ему орден без колодки: тёмно-красная эмаль, в серебряном круге — солдат в шинели, с винтовкой.

— Да, парень, и этот — за личную отвагу в боях. Тоже форсировали реку, только Днестр. Мой взвод огонь вёл прямой наводкой — до врага было метров сто двадцать... А вот эти три медали не простые. Видишь: «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Есть что вспомнить. Самые тяжёлые бои были в Венгрии: за Будапешт, за Балатон, под городком Секешфехервар. 60 человек осталось в батальоне, а было 900. Но там пули меня обходили, а вот ранило в апреле: в бою на границе с Австрией рядом разорвалась мина. Наповал убило старшину и трёх солдат, в меня попало несколько осколков. Особенно глубокая рана была в ноге. Хотели даже ампутировать ногу, но, спасибо врачам, — спасли. Так что День Победы я встретил в госпитале, в Вене. Представляешь, гулял на костылях по знаменитому Венскому лесу...

Кузьмич отложил два ордена, любовно покачал на ладони «За освобождение Белграда».

— Это моя особая любовь, Югославия. Там нас встретили отборные войска СС. Атаки шли без передышки, танки вплотную подходили к пушкам, стреляли в упор. В городах,

в посёлках шли настоящие уличные бои. Знаешь, таких смелых людей я больше нигде за границей не видел. Если падал наш солдат, убитый, тут же, откуда ни возмись, появлялся парнишка или девчонка, хватала винтовку и шла дальше с нами. Мы их гнали, а они говорили: «Вы за нас воюете, мы будем с вами». И встречали нас повсюду как родных!

Голос у Кузьмича почему-то был печальный и тревожный. Но это, как почти сразу понял Женя, касалось не давних воспоминаний, а сегодняшнего дня.

— Разодрали Югославию на части, так же, как и наш Союз. Только Сербия и Черногория вместе держатся.

Махнул рукой и больше продолжать не стал. Но, видимо, сильно волновал его этот вопрос, потому что он вернулся к разговору уже за столом. Пришёл Василий Петрович, принёс в кастрюльке жареных карасей и краснопёрок. Хоть и небольших, но очень вкусных. Втроём они сидели за столом, когда Кузьмич заговорил о войне в Боснии, в Косово. Честно говоря, Женя не знал толком, из чего состоит Югославия, но понял, что это — вроде республик. Правда, ему осталось неясным — они вроде вышли из состава, но всё равно воюют. С кем и за что? Кузьмич же говорил о другом.

— Как вошли вместо миротворцев войска НАТО, так и началась там резня. Они подстрекают тайно! Но попомни мои слова, Василь: обломаются они на сербах! Это такой народ — я вот сегодня Евгению рассказывал. Отчаянно смелые и гордые они. На них Америка зубы обломит — стопроцентно. Только попробуют какую агрессию учинить, весь народ встанет! Я даже думаю: может, с этого возрождение наше начнётся, а?..

— Ох, не знаю, — покачал головой бывший разведчик. — Тяжко там сейчас, хуже чем нам.

— Да, кстати, включи телевизор, Женя, посмотрим, что у нас творится.

Телевизор у Кузьмича стоял в мастерской. Был не новый, цвета давал блеклые, но изображение и звук — чёткие. Женя уже знал, что вечерами старик смотрит украинские новости по новому каналу Интер — только полгода как заработал. Кузьмич хвалил этот канал, особенно то, что большинство передач идут на русском языке. На других государственных каналах звучала только «мова». У двух старых друзей была привычка тут же обсуждать увиденное. Из этих комментариев Женя за три дня узнал, не задавая лишних вопросов, многое. Сейчас как раз в новостях вспоминали о том, что в России, в Пятигорске, месяц назад на

железнодорожном вокзале был совершён террористический акт, погибли два человека, многие тяжело ранены, две чеченки-террористки ожидают суда. А Кузьмич и Василий Петрович тут же заявили, что этот теракт — первая ласточка, дальше будут другие.

— Протрубили на весь свет: «Хасавюртовский мир заключили, войне конец!» Ведь все позиции сдали, которые такой кровью солдат российских достались! Эх... Да что можно ожидать от предателя Ельцина!

— А вот что, — оборвал Кузьмича Василий Петрович. — Слушай.

Ведущий новостей говорил: «Президент России Борис Ельцин, Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана и главы государств и правительств НАТО подписали в Париже Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Российской Федерацией...»

Кузьмич стукнул кулаком по столу:

— Советский Союз продал, а теперь и Россию продаёт!

Женя осторожно спросил:

— Но ведь у нас теперь разные государства, у нас вот войны нет, и терактов...

— Это только кажется, дружок, — ответил бывший разведчик. — Может вам, молодым, даже нравится, что у вас своё государство. Да только что это за государство, приглядитесь. Нет, никогда Украина не была без России. И не будет, всё вернётся к одному. Потому мы и переживаем за Россию: станет она снова могучей, и нам здесь хорошо будет.

— Ты, Евгений, небось только и слышал: Европа нам поможет, Америка нам поможет? Попомни моё слово: Европа и Америка медного гроша задарма не дадут! А Россия — наша, родная. А то, что у нас лучше дела, чем в России — так вот, смотри: как раз и говорят об этом «лучше».

Кузьмич указал на экран.

Там показывали жуткие развалюхи-бараки с выбитыми окнами, болтающимися без запоров дверьми, местами и без крыш. Причём пейзаж вокруг тоже был безрадостным: полустепь с чахлыми кустами, сухой землёй и клочьями травы. У барачников стояли и сидели люди в рваной, грязной одежде, апатичные, медлительные. Бойкий парнишка-репортёр рассказывал:

— Столичная милиция целый год разыскивала этих людей-призраков. Но выйти на тайное поселение смогла только разоблачив целую сеть чёрных риэлтеров. В Киеве и

других крупных городах страны обманным путём преступники завладевали квартирами одиноких пожилых людей. С каждым по-своему: кого спаивали, с кем-то заключали договор о, якобы, опеке, с кем-то обменивались: квартиру на обещанный дом в деревне, на природе. Но всех свозили на этот заброшенный и забытый всеми хутор в Херсонской степи. Раз в две недели привозили сюда крупу, хлеб, есть здесь примитивный огород. Многие, видимо, уже умерли, потому что поблизости существует самодельное кладбище. Вряд ли удастся выяснить имена этих людей, их прежние места жительства, потому что всех их периодически накачивали наркотиками. Посмотрите, это, увы, уже не люди. Врачи говорят — помочь им невозможно...

Камера приблизилась к толпе почти неподвижных людей. Мужчины, женщины... Опухшие, деградированные лица, неопрятные, плохо стриженные волосы, тусклые глаза. Трудно определить возраст вот этого, сидящего на земле с вытянутыми ногами человека, или вон той женщины — худой, но с оплывшей фигурой, размытыми чертами лица...

Опрокидывая стул, Женька рванулся к телевизору прямо через стол. Потому что женщина эта, с невидящим никого взглядом, с распушенными губами и стекающей слюной, была его мать.

— Мама, мама! — закричал он, и, теряя сознание, почувствовал, как закручивает его огромная воронка-смерч...

* * *

Его сильно толкнули, кто-то саданул локтем в подбородок... Он был в самой гуще людей — отбивающихся, кричащих.

— Флаг вырывайте! — заорал рядом знакомый голос.

И Женька увидел над головой сильно раскачивающееся красное знамя, а почти рядом с собой — такое родное лицо: седые волосы, кустистые брови. Древко из рук старика рвал бритоголовый боец, тот сопротивлялся, удерживал с трудом.

— Держись, Кузьмич! — закричал Женька что есть силы.
— Я здесь!

С силой и злостью отбросил нескольких человек и подхватил уже почти у земли древко. Тут же ему на помощь подоспели двое крепких взрослых ребят, взяли знамя, подняли...

— Ты чей, парень? — спросил Степан Кузьмич совсем юного мальчишку с густой копной тёмных волос, с радостной улыбкой. Обаятельный парнишка, совсем ему незнакомый. Вот только синяя футболка...

– Я ваш!

Женька смотрел счастливо в голубые глаза Кузьмича, на ордена: Красная Звезда, Боевое Красное Знамя, медаль за город Будапешт... И боковым зрением увидел Серого – тот распускал свою страшную цепь. Молнией вспыхнуло в памяти: «Полина, Павлик! Они где-то здесь! Успеть, надо успеть!»

Он вдруг осознал, что сжимает в руке свою небольшую велосипедную цепь. Ни секунды не медля, Женька развернулся и сильно, как только мог, оттянул его Серого по плечу. Тот завизжал поросёнком, упал на колени, согнувшись, выронил своё жуткое орудие. «Успею!» – с радостной уверенностью подумал мальчишка, и закричал в голос:

– Успею!

Мама осторожно размотала бинт на его руке, сняла лейкопластырь.

– Кто это тебе так умело забинтовал? Ану-ка... Ты сильно порезался, и чем-то очень острым.

– Да так, случайно. Ножом.

– Ты что, Женя, нож с собой носишь?

– Нет, мам, это не своим.

Обмазывая рану йодом, мама покачала головой:

– Ох, сынок, не слишком мне нравится твоя компания.

– Она уже не моя, – сказал он спокойно. – Не беспокойся.

– И футболка на тебе какая-то другая. Странная. В стиле «ретро», что ли?

– Скорее, в стиле «футуре», – засмеялся он. – Отличная футболка!

Руки мамы были тёплые, ласковые, она сама сидела перед ним – такая красивая, молодая, с чудесно уложенными пушистыми светлыми волосами, над ней витал лёгкий аромат цветочных духов... От этого запаха у Женьки закружилась голова, он обхватил её за шею, прижался щекой к щеке:

– Мама, мамочка!..

Отстранился с улыбкой, и увидел, что она смотрит растерянно, но глаза влажно и счастливо блестят. Быстро прикоснулся губами к её щеке и спросил:

– Ты знаешь, где здесь у нас церковь Николая Чудотворца? Я пойду туда на воскресную службу.

Иван КОРЖ

ШЛИ ЭШЕЛОНЫ НА БЕРЛИН

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО

Шум, эшелон, вокзал, теплушка.
Вся ценность — свежая вода.
Бак, на цепи большая кружка...
Бегут на запад поезда.

В зубах солдата — козья ножка,
У ног — тяжёлый «пэпэша».
В углу солдатская гармошка
Поёт «Землянку» не спеша...

Приободрились все солдаты,
В победу веря, как один.
Остались дни до светлой даты.
Шли эшелоны на Берлин...

* * *

На Рейне где-то в сорок пятом,
Солдат на берегу прилёт.
И на ноге, на пальце пятом,
Застыл весенний мотылёк.

Устал солдат, устали ноги.
Но не в блаженстве он лежал —
Опять во сне войны дороги
Прошёл, прополз и пробежал...

ЦЕНА НАГРАД

Ушёл из жизни ветеран —
Из тех, что не вобрать в десяток.
Устал он от контузий, ран,
Да и каков его достаток?

Чтоб проводить в последний путь,
Всё отыскиали честь по чести.
Решили шкафчик отомкнуть:
Награды, письма — всё на месте.

Там, выстроившись в стройный ряд,
В ячейках специальной полки
Под каждой из его наград
Лежали пули и осколки.

Красноречивая цена
Того, какой давались кровью
Медали те и ордена,
Какою мукою и болью!

Вот завершён последний путь,
Вот отгремел салют прощальный,
Уже земля легла на грудь
И погрузила в сон провальный.

Друзья стоят — одна беда,
Одно на всех лихое жало...
Когда же отольют, когда
Медаль из ржавого металла?

Чтоб не обточены края,
Чтоб ясно было, как косила,
Кромсая, на куски кроя
Тела живые, злая сила!

Чтоб ясно было: вся земля
От крови булькает, как фляга, —
От стен Московского Кремля
До стен разрушенных рейхстага...

«КУЗЬКИНА МАТЬ»

Мы «профукали» нашу защиту.
Самолёты, ракеты на слом.
Позабыли Хрущёва Никиту, —
Заграницу он тряс поделом.

Было нужно - он смело, открыто —
Всех заставил «Союз» уважать.
В зарубежье ещё не забыто,
Что по-русски есть «кузькина мать».

И наследники все дяди Сэма
Не посмеют «возню» затевать,
Зная, есть у России «Система»,
Быстрокрылая «Кузькина мать»!

ПРОЗА

Игорь СКОРОБОГАТЫЙ
СЫНОК

Детям войны посвящается

Радостный крик бабки Насти «Е-го-руш-ка при-е-хал» всполошил деревню. Эта новость, передаваемая от дома к дому, как смерч, захватывала в свою круговерть новых и новых людей, вызывая удивление и неумную радость.

Молодой агроном, увидав пробежавших к автостанции женщин, удивленно покачал головой: «Вот это бабули. Если бы они на работу так бегали». Но затем, поддавшись общему настроению, он добродушно улыбнулся. Да и как было не улыбнуться, глядя на восьмидесятилетнюю бабку Настю, которая не могла бежать со всеми. Старуха крутилась на одном месте, всплескивала руками и вытирала слезы с улыбающегося морщинистого лица. Агроном не успел ничего и спросить, как она, делясь радостью, уже шепелявила, растягивая в улыбке маленький беззубый рот:

– Да энто ж Егорушка приехал! Разумеешь? Наш Егорушка!

Заметив недоуменный взгляд, добавила в сердцах:

– Чтоб тебе пусто было. Энто ж наш сынок.

В жизни деревни произошло важное событие, которое всколыхнуло спокойный, устоявшийся быт.

Докатилось известие и до Клавдии Ивановны Быстряковой. Узнав о приезде гостя, старушка схватилась за сердце и медленно опустилась на выскобленное крыльцо. «Господи, – подумала она, – сколько же годков прошло? Егорка, Егорка, маленький мой. Неужто довелось свидеться?

Перед глазами пронесли события тридцатилетней давности: страшные годы войны, вой рвущихся бомб и обезумевшие глаза перепуганного пятилетнего ребенка.

Преодолев оцепенение, Клавдия Ивановна вскочила на ноги. – Андрей, – позвала она мужа, занятого на огороде, – ты слышишь, что люди говорят?

– Ты об чем? – спросил он.

– Егорушка приехал! Помнишь, я тебе рассказывала?

– Что? Тот Егорка? Живой? – Андрей Петрович был поражен. По рассказам жены он знал о горькой судьбе маленького парнишки, которому войной было отпущено за

пятерых, на полную раскрутку и которого выхаживали всей деревней.

— Так чего ты стоишь? — спросил он, радуясь предстоящей встрече. — Быстрякова, а соображаешь медленно.

Заметив огорченный взгляд жены, поспешно добавил:

— Ладно, мать, успокойся. Это хорошая весть. Сейчас что-то придумаем, — и, глядя сквозь открытую калитку на молодого соседа, крикнул через двор:

— Эй, Васька, твой драндулет на ходу?

Услышав утвердительный ответ, широко заулыбался.

— Свези-ка мою молодницу на автостанцию, да смотри, не растрясси. Она у меня одна такая. Бог создал и чертежи потерял, — кричал он, смеясь. Затем, бережно усаживая жену в коляску мотоцикла, продолжал напутствовать:

— Ты, Ивановна, не поддавайся. Егорка должен гостить у нас. А то они такие, мигом перехватят... — Он хотел продолжать, но мотоцикл затарахтел, рванул и умчался, оставляя на дороге пыльную завесу.

Вернулась Клавдия Ивановна не скоро и сразу же начались хлопоты, предшествующие приему гостя. Сейчас, несмотря на семидесятилетний возраст, она казалась помолодевшей на много лет. Убрала под косынку пепельно-белые волосы, маленькая, сухонькая, она расставляла посуду на праздничной скатерти, и делилась с мужем впечатлениями от встречи с «дорогим сыночком».

— Подъезжаем с Васей к станции, — говорила она, — и вижу, что окружили бабы мужчину в сером костюме. Как увидели меня, спасибо им, сразу расступились. Я вылезла из коляски, а Анна Степановна показывает на меня и говорит: «Смотри, сынок, вот та Клавдия Ивановна, которая тебя выходила». Здесь и я Егорушку признала. Все-таки сходство осталось. Обнимаю его и причитаю: «Милые вы бабы, товарки мои золотые, да что б я без вас то и делала?» — Отодвину Егорушку и наглядеться не могу. — Нет, — говорю ему, — мы все тебя доглядали, всем миром выхаживали.

Помогая хозяйке, Андрей Петрович с нетерпением ожидал гостя, которого женщины повели по дворам. Часа через два дверь отворилась и, в сопровождении улыбающихся женщин, вошел невысокий крепкий мужчина лет тридцати пяти с портфелем в руке. Пытаясь ответить на бесчисленные вопросы, он смущенно поглядывал на суетившихся людей. Серые, чуть раскосые глаза гостя перебежали по взволнованным лицам и нехитрой обстановке крестьянского дома. Задержал взгляд на портрете довоенных

лет, где рядом с чубатым парнем стояла круглолицая улыбающаяся женщина с короной кос, уложенных на голове. Посмотрел на взволнованную, Клавдию Ивановну. Где-то далеко в памяти промелькнуло это лицо и тотчас исчезло.

Заметив смущение гостя, Клавдия Ивановна решительно отстранила обступивших его женщин, забрала портфель и, познакомив с мужем, выпроводила обоих в сад.

Вышли. Потоптались на крыльце. Медленно прошлись по дорожке. Андрей Петрович, молчаливый от природы и не знавший, как начать разговор с незнакомым человеком, принялся с крестьянской неторопливостью показывать гостю свое хозяйство. Затем через луг, мимо выстроенных в шеренгу верб, они прошли к небольшой речушке.

Вечер подходил к концу. Солнце село в клубившиеся облака. У горизонта краснели последние отблески заката. Стояла тишина, прерываемая пронзительным зудением комаров да всплеском мелкой рыбешки.

Гостю, зачарованному тишиной, от которой он отвык в своем шумном городе, сейчас казалось, что все это уже было. И усыпанный желтыми цветами луг, и ивы, опустившие ветви в воду, и даже воздух с еле уловимым дыханием влаги напоминал о чем-то давно забытом. Хотелось лечь в эти травы и бесконечно смотреть на вытянувшиеся длинными шлейфами облака, вспоминая события последних дней, принесших ему столько волнений.

Случилось так, что в детском доме, где воспитывался Егор, сейчас, тридцать лет спустя, вдруг обнаружили адрес, откуда он был доставлен. Это было так близко, что бывший воспитанник, а ныне учитель математики Егор Викторович Руденко решил немедленно съездить по указанному адресу.

На станцию его провожала немногочисленная семья: жена Тамара и сынишка Вовка, веселое синеглазое создание десяти лет. Егору Викторовичу нравилась Вовкина непоседливость и, глядя с доброй завистью на шумную возню сына, он невольно вспоминал свое тяжелое, безрадостное детство.

Какие это были годы. Как он рыдал, видя на улице беспечно играющих детей, когда его — мычащего, недвижимого калеку перевозили из лечебницы в лечебницу.

Наряду с лечением, Егорке читали о подвиге Николая Островского, прикованного, как и он, к постели. Его учили, просили, заставляли — и он снова начал говорить. Первое слово в шесть лет. Вначале шепотом, медленно и невнятно; затем, стараясь выговориться, заикаясь и выкручивая беспомощный язык, он плакал, но старался необычайно.

Прошло два года. Егор уже хорошо разговаривал, но по-

прежнему не поднимался с постели. Его ноги, обычные человеческие ноги, отказывались слушаться. Тогда мальчику прочитали «Повесть о Настоящем человеке», и Егор начал заниматься гимнастикой для ног. Глядя на закушенные от боли детские губы, воспитатель, или, как ее ласково называли, няня Аня, плакала стоя за портьерой и убегала, не в силах сдерживать рыдания. Когда не было сил, Егор перечитывал жизнь Маресьева, и упрямо повторял:

– Он был без ног и научился танцевать. Он на протезах летал, а у меня есть ноги, они шевелятся. Я их заставлю ходить. Я буду ходить! Буду!

Как он мечтал о первом шаге. Когда этот шаг был сделан, первый, неуверенный шаг на костылях, врачи облегченно вздохнули. Они поверили, что этот восьмилетний упрямый мальчик будет ходить.

Как прекрасно чувствовать, что ты можешь стоять. Слегка кружится голова. Болят разбуженные мышцы. Но ты стоишь, вырвавшись из плена опостылевшей постели. Снова тренировки – и первая прогулка на костылях. С трудом передвигая натруженные горящие ступни, Егор с радостью чувствовал прилив сил к ногам.

После выздоровления, его, не знающего родителей, перевели в детский дом, где он быстро догнал в учебе своих сверстников. И когда, после окончания десятилетки, наступил ответственный шаг в выборе жизненного пути, Егор не колебался ни минуты. Он должен стать учителем. Это его призвание. Учить ребятню так, как учили его, воспитывать в них волю, щедро отдавая полученные знания.

Андрей Петрович, который давно догадался, что будет дождь, с нетерпением поглядывал на задумавшегося гостя. И, когда первая капля со звоном выбила на гладкой поверхности реки ямку, подпрыгнула в ней и блестящим шариком нырнула в воду, Егор Викторович очнулся от воспоминаний. Он настолько удивился изменению в природе, что некоторое время недоуменно смотрел на пузырящиеся капли дождя. Затем взглянул на Андрея Петровича, поймал ответный взгляд, и они побежали к дому.

На крыльце перевели дыхание. Страхнули не успевшие промокнуть пиджаки. Возмущаясь, что неучтиво обращаются с его каплями, дождь заворчал раскатами грома, и с неистовой силой защелкал по растущим вдоль дорожки лопухам. А они в это время усаживались за столом.

Испокон веков, по русскому обычаю, дорогим гостям предоставлялось место в красном углу под образами богов. У них просили защиты и изливали душу в минуты радости

и горя. Законы гостеприимства предлагали усаживать почетного гостя на почетное место и сейчас, сидя в красном углу, Егор Викторович чувствовал, что наступил момент, которого он ожидал всю жизнь.

Сколько раз он, маленький подкидыш войны, задумывался, пытаясь представить корни, давшие миру такую посеченную поросль, какой являлся он сам. Во время бессонных ночей он пытался представить своих родителей, и начинали вырисовываться черты материнского лица, но тотчас мелькали красные чудища. Они разбрасывали вырванные с корнями деревья, рушили дома и мельтешащими тенями закрывали милый образ. Тогда ему, не помнящему родителей, хотелось броситься под их защиту, чтобы сильные руки заслонили его от этих чудищ.

Иногда чудища обретали конкретное лицо. Постоянно одно и то же, красное, сытое лицо завхоза больницы. Тому доставляло удовольствие дразнить восьмилетнего Егора, подвергая осмеянию самую большую мечту в его жизни, мечту ходить. Чего греха таить, и кроме завхоза попадались люди, которые пинали его, словно гадкого утенка, чужака в их здоровой стае. А ему, несмотря ни на что, хотелось стать прекрасным лебедем, сыном свободных и гордых родителей.

Сидящим женщинам невольно передалось волнение Егора, который, нетерпеливо поглядывал на взволнованную хозяйку. Наконец, почтили память погибших, и Клавдия Ивановна начала свой рассказ:

— В начале войны приехал из города к нашей Кузьминичне сын Виктор. Он привез жену с годовалой Олюшкой и трехлетним Егоркой. — Подтверждая, что речь идет о нём, рассказчица посмотрела на Егора Викторовича, и, после небольшой паузы, продолжала:

— Оставил вас, а сам на фронт. Тогда на прощание времени не было. В селе остались лишь бабы с ребятишками, да калеки, не способные держать винтовку. Кузьминична проводила сразу троих: Федора — твоего деда, за которым прожила, как за каменной стеной, да двух сыновей — Виктора и Васю. Крепкие были ребята. Думала, им износу не будет. Да вот они, гляди.

Перед гостем легли две пожелтевшие фотографии. На первой — трехлетний крепыш с озорными глазами стоял рядом с вислоухим щенком. Глядя на снимок, казалось, что обоим с трудом заставили позировать перед объективом и в следующее мгновение стриженная голова с лихо торчащими ушами замелькает вслед за щенком между деревьями. На второй было снято семейство Егора: дедушка, бабушка, отец,

мать, видимо дядя Василий, и, рядом с улыбающейся сестренкой, тот же мальчик в матросском костюмчике.

Наконец-то сбылась мечта, и он увидел свою семью. Вот они – добрые русские лица. Такими он представлял их в своем воображении долгие годы. А Клавдия Ивановна продолжала:

– Остались в селе одни старики да бабы с ребятишками. От мужиков получали только треуголки писем, которые, собравшись вместе, перечитывали по нескольку раз. Начали приходить и похоронки. Как-то оно случилось, что первой черную весть получила Кузьминична на меньшенького Васю. Ты, Егорушка, не представляешь, что такое для матери потерять сына.

«Васенька, – голосила она, – тебе только двадцать годков. Я хотела твоих деток покачать, а у меня отнял тебя кат проклятый. И никто тебе глазки не закрыл», – а сама смотрит на фотографию и разговаривает с ним, как с живым. Осунулась она с тех пор и от почтальона пряталась, будто чуяло бабье сердце, что та весть будет не последней. Так оно и вышло. Не ходит беда в одиночку. Всего через три месяца получила она новые похоронки, в которых было сказано, что пали смертью храбрых ее муж Федор Иванович и сын Виктор Федорович.

Голос Клавдии Ивановны дрогнул, она замолчала, затем, поглядывая на гостя, медленно продолжала.

– Мать твою, Марией ее звали, старалась успокоить Кузьминичну, а ты залезешь к бабке на руки и обещаешь всех немцев побить. Это ее еще больше слезило. Прижмет она к себе такого защитника и пуще зальется слезами. То горе ее тихой сделало и злой к работе.

Чего греха таить, привыкли мы на мужиков рассчитывать да покрикивать, а теперь все на себе пришлось тащить – тяжело было привыкать.

А здесь и враг пришел. Как жалостливо глядели на нас последние отступавшие солдаты. Знали, что на беду нас оставляют. Видел бы ты их красные, усталые глаза и губы, сжатые от бессильной злости. А один молоденький заскочил воды напиться, упал мне на грудь, – «матушка прости» – и убежал. А вокруг снаряды рвутся.

Машин да телег тогда много собралось. По нашей дороге и в хорошее время особо не проедешь, так что они, считай, не ехали, а еле двигались. И здесь, как на грех, угодили снаряды в обоз с ранеными. Началось такое, что и вспоминать страшно. Взрывы, крики и стоны. На что лошади, и те не ржали, а криком кричали, стараясь порвать

постромки и из этого пекла выбраться. Валились вырванные с корнями деревья, а раненные, до самых глаз бинтами пеленатые, расползались в разные стороны.

Куда ни глянь — кровь, кровь, и кровь. Тогда она лилась как водица. Долго потом стояли красные лужи, пока их дождями не размыло и в землю — матушку не впитало.

Клавдия Ивановна вздохнула, подобрала выбившиеся из-под косынки волосы и медленно проговорила, обращаясь к гостю, словно кроме него в доме никого и не было:

— Прости меня старую, Егорушка. Мне и сейчас совестно, что не помогла тогда ни одному солдатику. Стояла как гипнотизированная, — сказала она, так правильно и не вспомнив нужное слово. — Везде осколки свистят, а я стою, будто не понимаю, что убить могут. И достоялась. Будто кто меня поднял и оземь бросил. Очнулась уже в погребу, куда меня Кузьминична забрала. Открыла глаза и не понимаю, что приключилось. Темно, тихо, только в голове звенит да подташнивает. Гляжу — твоя мать с бабкой плачут да тебя с Олей, как испуганных мышат, к себе прижимают.

А когда мы по-темному из погреба повылазили, то первое, что я увидела, это горящую хату соседки нашей Лукерьи. С моей даже солому с крыши не сорвало, а Луша стоит с ребятишками и глядит, как головешки падают. Она даже не голосила. Только дочек к себе прижимала. Здесь подошла Анна Степановна. Она искала на дороге раненных солдат и не нашла. Наверное, наши их успели увезти.

Делать нечего. Пошли мы все к вам домой. Ты у меня на руках, Оля у матери, а Кузьминична с Лушей и ее дочками последняя. Мне было страшно одной дома оставаться, и решила тогда заночевать у вас.

Она приумолкла, затем, собравшись с мыслями, продолжала:

— Положились мы, не раздеваясь, и настала та первая бессонная ночь, которых потом было множество. Лежу я и думаю, что же дальше будет? Чем мы Бога прогневили, что напустил он на нас эту саранчу поганую? Неужто нет на них погибели? И, скажу прямо, нашли на меня тогда нехорошие думки, ругала я наших мужиков последними словами. И тебя, Андрей, тоже ругала за то, что не было в вас той силы великой, способной одним ударом избавить нас от нечисти. Сказано, дура была, прости меня, Андрей Петрович. Не думала тогда, что вам приходится тяжче нашего.

— Да ладно, неужто я не понимаю, — смущенно пробормотал старик.

— Утром, — продолжала она, — затарахтело на улице и

мы услышали чужие, лающие голоса. Тут мы сразу и похватывались. Выглядываем из-за занавески, а их понаехало видимо – невидимо. Соскочили с мотоциклов – и по хатам. Слышим – бухают в дверь. Пришлось открывать. Вижу – идет Кузьминична, вся дрожит, а руки как ватные, не поддается задвижка. Кое-как открыла её, и заскочили проклятые с автоматами на шею.

Смотрим на них, друг за дружку прячемся. А твоя мать накинула на голову бабкин черный платок и горбится сзади всех, чтобы молодость не показывать. А они так и шарят глазами, так и шарят. Слышим – на чердак и в подпол полезли. Потом собрались они вместе, глядят на ребягишек и что-то лопочут по-своему. Здесь я испугалась за вас – кто знает, что у них на уме. Но в этот раз обошлось. Полопотали они и ушли. Только кур похватали, да из погреба все выгребли.

Клавдия Ивановна замолчала и за столом наступила тишина. Только слышно было, как за окном бушует гроза.

– А из вашего дома нас выгнали в тот же день, – после минутного молчания продолжала рассказчица. – Приглянулся он немцам. Получилось до обидного просто. Гости сказали «Вэк» и вытолкали нас на улицу. Затем с веселым гоготаньем захлопнули калитку. Да, тогда им было весело, а наша беда была их радостью.

Так началась страшная, долгая жизнь под немцем. Помню, собрали нас возле правления, где они свой штаб сделали, и давай объяснять, как будем жить. Приехавший с немцами русский выродок долго втолковывал о новых порядках, устанавливаемых новой властью, которая освободила нас от господства большевиков. А чтобы было понятней, освободила нас от хат, где разместила своих солдат, да коровушек наших угнала к себе в Германию.

Перешли мы тогда жить в мою старенькую мазанку. Хоть и тесно было – жили дружно. Тогда я по-настоящему и узнала твою мать. И ты знаешь, Егорушка, я и сейчас не понимаю, как получилось, что она, городская хворостиночка, оказалась такой крепкой. Скажу прямо, поначалу мне она не приглянулась. Неужто, думала я, такой парень не мог найти себе крепкой деревенской бабы. Что то за хозяйка, котору ветер к земле клонит? А она работала наравне со всеми. И, когда началась бескормица, и мы с Кузьминичной беспомощно разводили руками, твоя мать достала машинку и начала шить. Принесут, бывало, старенькое пальто и начинает она переделывать, чтобы получились и шапка, и фуфайка, и бурки. Сейчас многие не знают, что такое бурки.

А тогда для зимы то была лучшая обувка. И люди давали: кто картошек, кто муки, а кто просто зерён каких-нибудь. Если и нечего было дать, шила она по доброте своей.

Тогда, почитай, пол деревни к нам ходило. Мария на машинке строчит, ты с Олей лоскутками забавляешься, а мы говорим о самом наболевшем — когда же немцев побьют?

Ох, и тяжело было без вас, родимые, — всхлипнула она, глядя на Андрея Петровича. — И невольно вспоминалась наша «Рябинушка». Сидим и поем вполголоса: «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться, я б тогда не стала гнуться и качаться». Поём, а слезы из глаз сами капаят. Как там мужики наши? Живые или дождь да ветер выбелил ваши косточки в поле?

А на улице немцы гогочут. И так хотелось выть от бессилия, глядя, как убийцы хозяйничают в наших хатах. Только и радости было, когда слышали, что немецкий поезд под откос пустили или какую машину взорвали партизаны. Тогда будто силы в нас добавлялось.

Клавдия Ивановна замолчала и, словно утверждаясь в своих сокровенных мыслях, произнесла негромко: — А в победу мы верили. Только ею и жили. — Она вновь замолчала и вдруг, мягко улыбаясь, добавила: — А знаешь, Егорушка, мать тебя очень любила. Бывало, забаюкает Олюшку, возьмет тебя на руки и все приговаривает: «Любенький мой, зайчик, солнышко», — и казалось, что от этих слов и коптилка ярче горит, и в хате становится светлей.

Мария и на бабу похожа не была, больше на девчонку походила. Маленькая, беленькая, глаза как васильки синели и доброты была необычайной. Видно за это и приглянулась Виктору. И все старалась, чтобы кого-то не обидеть.

— Но как-то одна засомневалась в победе нашей, — вмешалась Анна Степановна, высокая старуха с суровым волевым лицом. — Не помню уже, как она сказала, но твоя мать расплакалась, выгнала ее вон и недошитую шапку вслед выкинула.

— Много можно говорить о том проклятом времени, — прервала ее Клавдия Ивановна. — Так прожили мы до лета сорок третьего года. Фашистов уже разбили на Волге и под Москвой и в деревне чаще и чаще останавливались их отступавшие части. Ох, и лютовали же они. Только и слышно было о расстрелянных да повешенных. И, если раньше было худо, то теперь стало невоготу. Часто не было куска хлеба, да на беду ветер разметал солому с крыши моей хаты, и стало в углу течь. И, когда три дня подряд лил дождь, пригорюнились мы. Попростужались. Немцев в ту пору в

селе не было, и мы решили перебраться в ваш дом. Отмыли его, отчистили и вселились. Только Луша с детьми осталась у меня, словно чуяло ее сердце недоброе. Так оно и вышло. Недолго успели у вас пожить. Под лесом нашли двух убитых немецких солдат и наскочили к нам нелюди с черепами на рукавах.

Рассказчица встала, подошла к окну и, собираясь с мыслями, отдернула штору. За окном бушевал ливень. Стрелы молний вспыхивали в темном небе. Приглушенно рокотал гром.

Клавдия Ивановна повернулась к присутствующим и, стараясь унять дрожание губ, медленно повторила:

— Пришли к нам нелюди. От удара ногой дверь распахнулась, и мы увидели фашиста. Краснорожий, с автоматом на шее, он внимательно оглядывал каждый угол. Углядев, что кроме баб и ребятишек в хате никого нет, довольно загоготал: «0, гут, ... Зер гут». Затем, показывая на дверь, прокричал: «Вэк». Мы засуетились, и здесь на беду заплакала ваша Олюшка. Ей тогда уже три годика было.

Фашист оскалился. Схватил ее в охапку, потом за ножку и ...головкой об косяк. У меня внутри всё так и застыло. Только увидела вначале медленно набегающую, а потом хлынувшую во все стороны кровь. Дальше я всё видела как во сне. Твоя мать с воем бросилась на проклятого и вцепилась ему в горло. Когда прибежавшие на крик фашисты ее уволокли, я очнулась от страшного крика. Вижу — ты глядишь на Олю и кричишь от испуга, а твоя бабка стоит, скованная ужасом, и не может пошевелиться. Потом очнулась Кузьминична, бросила тебя в сундук и забрасывает тряпками. Руки ее дрожат, а она набрасывает сверху новые и новые вещи и все как-то медленно делает. А ты уже замолк и ни звука. Будто понял, что надо молчать. Я взяла Олю на руки, а она неживая. Завернула ее в простынь и положила на лавку. А Марию сильно побили во дворе. А за что били? Неужто не знали, что даже неразумная животиная защищает свое дитё. Приползла она черная, страшная, залезла кое-как на печь и притихла.

— Да, невольно притихнешь, когда так побьют, — вмешалась в рассказ Анна Степановна. — Когда я ее раздела, чтобы смазать раны, то ахнула. На ней живого места не было. А перебитые ребра, наверное, не срослись до самой смерти. Помогли мы ей похоронить Олюшку, и забрала я Марию к себе, чтобы как-то поставить на ноги.

С тех пор она как блаженная стала — ходит и заговаривается. И все что-то прятала да прощения просила.

Только после смерти несчастной я узнала, что она задумала. Не знаю, как получилось, но подстерегла она своего обидчика на подворье вашем. Из пистолета, говорят, пять пуль в него выпустила. Где только она его и взяла, пистолет то этот. Как сейчас помню те страшные минуты. Проснулась я от криков и выстрелов. Ищу Марию — нет её. Я на огород и вижу сквозь щель в заборе — тащат ироды Кузьминичну. А на траве, рядом с убитым выродком, сидит маленькая женщина, раскачивается из стороны в сторону и голосит. Когда ветер раскидал в стороны её длинные волосы, я признала твою мать. Она улыбалась. Представляешь — голосила и улыбалась. И так было жутко видеть эту блаженную улыбку, что у меня по спине пошли мурашки.

У Анны Степановны задрожали губы, она всхлипнула, и, вытерев платочком глаза, окончила:

— Застрелили ее немцы вместе с Кузьминичной там же. Хорошо, что успели тебя спрятать у Насти.

Егор слушал, глядя на фотографию, с которой на него смотрели лица родителей, которых он сегодня обрел и так быстро потерял.

«Мама! Мама! Родная моя. Так вот почему ты меня не нашла. Растерзали тебя, звери проклятые. Хотя звери так не поступают, они добрей», — думал Егор, вглядываясь в пожелтевший снимок.

— И тебя искали, чтобы убить, — вывел его из забытья голос рассказчицы.

— Ты погоду, погоду, Анна Степановна, — перебила ее Клавдия Ивановна. — Далее я сама расскажу. Ты знаешь Егорушка, — добавила она, обращаясь к гостю, — случилось так, что ты пропал. Был у тетки Насти — и пропал. Когда искали фашисты, я радовалась, думая, что тебя кто-то спрятал. Но потом сама по дворам бегала и не нашла. Чего только не передумала. На третий день слышу, как скребется в дверь твой Дружок и тихо — тихо скулит. Так он всегда просился. С тех пор, как немец перешиб ему лапу, он не лаял и из будки не вылезал. Только к тебе и приходил. Да и то по-темному. А после того, как ты пропал, не было его и вовсе. Отворила я,пустила Дружка.

Егор Викторович невольно посмотрел на пожелтевший снимок, лежащий перед ним: на себя — малыша и на игриво улыбающуюся морду дворняжки с высунутым языком. Клавдия Ивановна заметила его взгляд.

— Тогда он не такой был. Здесь он справный, рыжие бока лоснятся. В ту пору он харчами перебирал. Так вот, —

продолжала она, — вошел твой рыжий и скулит. А сам худющий и запаршивленный. Я только сварила Лушиным девкам две бурачины и оставила на лавке остывать.

Покрутился Дружок по хате, схватил бурачину в зубы — и в дверь. Ну, думаю, не бывать этому. Ах ты, ворюга. Схватила прут — и за ним. А он залез в будку и рычит. Меня и оторопь взяла. Никогда не видела, чтобы он на меня рычал. Долго я провозилась, пока вытащила его оттуда. Лезу, чтобы забрать украденное, заглядываю в будку и ... батюшки, царица небесная ... Что это?

Егор Викторович слушал, не представляя, что же мог сотворить добродушный пес такого, что сидевшие за столом дружно приложили платки к глазам. А Клавдия Ивановна медленно выговаривала каждое слово:

— А из будки руки тянутся. Грязные, в цыпках, маленькие рученята, которые я искала два дня. Я глазам не поверила. Гляжу, а ты под стенкой сжался в комочек, худющий, как хворостинка, весь рот в крови, а вокруг корки хлеба и такое зловоние, хоть нос затыкай. Ты меня увидел и неуверенно лопочешь «ба-ба, ба-ба» и руки тянешь. Ах ты, бедный. Вот куда ты от проклятых спрятался. Как же ты там поместился? Что ты ел, думаю, что ты пил. Тащу тебя, плачу, и оглядываюсь, чтоб чужаки не видели. Только дома и опомнилась, когда передала тебя Луше на руки.

Егор Викторович почувствовал, как тяжелый комок подкатывает к горлу. Теперь, уже сам став отцом, он даже содрогнулся, представив, что у его сына, у его Вовки могло быть такое детство.

Клавдия Ивановна, преодолев волнение, продолжала:

— Нагрели мы с Лушей воды, раздели тебя и купаем. Вдруг слышу — она смеётся. Я похолодела. Неужто, думаю, и эта умом тронулась. А она вытирает ладошкой твои кровавые губы и смеётся: «Смотри, Клава, кому собака бурак несла».

— Да, такого я еще не видела. Оказывается, те корки пёс для тебя таскал. И не вор он, а спаситель твой. Твои губы были красными не от крови, а от буракового сока. Вот какой Дружок. Правильно его назвали.

От купания, как сейчас помню, разомлел ты, засыпаешь в корыте. А мы с Клавой не даем тебе спать, отдираем засохшие стружья и радуемся, что все хорошо кончилось. А не знали того, что беда-то впереди. И на следующий день я не сразу поняла, что ты говорить не-рестал. Только «Ба» да «Ба». А ведь так складно разговаривал.

Тогда каждый, тебя жалеючи, приносил лучшее, что было

в доме. Доставали из сундуков и перешивали на тебя штанишки, находили игрушки, а дед Прокоп, он уже тогда старый – старый был, смастерил из сахара петушка. И сам принес, хотя со своего двора да тьвно не выходил.

Всполошились мы, чего только не делали: и молились, и заговаривали, и поили травами. Ничего не помогло. Что же дальше? Подумали мы, посудачили с бабами и решили сходить в соседнее село к бабке Петренчихе. Она, говорят, переполох умеет выливать. Да и идти-то, совсем ничего, к обеду, думаю, управимся.

Встали с тобой утречком, огородами, огородами, да и вышли за околицу, а там широкая дорога. Вокруг такая красота, что душа радуется. Солнышко светит теплое, деревья после дождика выпрямили свои веточки, а листья зеленые – зеленые, да в мелких капельках, на солнышке переливаются.

Идем с тобой, солнышку радуемся, а ты забежишь вперед и мне в лицо заглядываешь: «Ба-ба, гу-у-у-у». Я не понимаю, а ты рукой в небушко показываешь и опять свое: «Ба-ба, гу-у-у-у». Прислушалась я, и, батюшки, светлы ясные, да это же пушки бухают. Знать, близко соколики наши.

Не много мы прошли, и догнали городских баб – мешочниц, которые после менки домой возвращались. Еще веселей идти стало. Поравнялись с двумя женщинами, которые катили тележку с продуктами, разговорились с ними и радуемся, что скоро конец придет мучениям нашим. И тот гул как музыку слушаем. Тебя посадили на тележку, дали прут в руки и катим, а ты гукаешь, нас подгоняешь.

Одна из них, веселая такая, Таней ее звали, узнала про наше горе и зовет к себе в город. Толкует, что есть врачи, лого-пе-дами называются. Они, говорит, вылечат. У меня и от души отлегло. Раз говорит – значит знает. И адрес свой дала. Идем мы и загадываем, как будем хорошо после войны жить. А земляца, кормилица наша, стелется вдоль дороги, хоть и не паханая, а после дождика – жирная да чернявая. Гляжу я и думаю, какие здесь скоро хорошие хлеба уродятся.

Таня торопится, скорее тележку катит. Сказывает, что у нее трое таких же, желторотых, как ты, дома осталось, есть хотят. А сама наверх поглядывает. Её волнение передалось и мне. Фронт-то рядом. Не дай Бог налетят, проклятые. Где тут спрячешься? Иду и замечаю ярки да ямки, что бомбы оставили. Слышала, что две бомбы в одно место не падают. А на дороге душ десять с мешками да тележками к лесу торопятся, что вдали виднеется. Да не суждено было до него дойти.

Не успела я подумать, а он уже над нами несется и из пулемета строчит. Откуда он, проклятый, вылетел? Вижу, побросали бабы мешки и с криками прыгают в большую яму. Только там и можно спрятаться. Схватила я тебя и упала, будто кто в спину толкнул. А ты бежишь по полю, и вокруг земля от пуль бугрится. Не знаю, как я тебя и догнала.

Упала на тебя и шепчу: «Господи, помоги, не дай умереть дитю малому. За что же такая кара? Андрюшенька, родной, да прогони ты этого ирода проклятого. Спрячь нас земелюшка, спрячь мягкая», — а сама всем своим телом вдавливаю твоё маленькое тельце в раскисшую после дождя землю. А ты уже и дергаться перестал, только всхлипывал.

Егор Викторович слушал, боясь пошевелиться. Он чувствовал, как скупые, мужские слезы солонят губы. Женщины тихо плакали, а Андрей Петрович, забыв про запрет, наложенный женой, жадно затягивался папиросой. Прижав дрожащие руки к груди, Клавдия Ивановна продолжала свой рассказ:

— Казалось, что прошла вечность, — говорила она. — И когда фашист улетел, я не сразу заметила. Слышу: стало тихо — тихо. И комар зудит. Словно хочет сказать: «Вставай, Клава. Скорее вставай. Не дави дитё. Оно малое». Поглядела я — а ты весь серый стал и землей полон рот набит.

Подняла я тебя и стала ту землю выковыривать. А у тебя глаза широкие — широкие. Вслхлипываешь и мычишь, будто что сказать хочешь. Взяла тебя на руки и иду к дороге. А там мешки да котомки разбросаны. Подхожу к яме, где люди спрятались, а там... Не верь, сынок, что бомбы в одно место не падают... Падают. Тогда ты меня от смерти, почитай, спас. Смотрю, а там земля шевелится. И стоны. Только две оттуда и вылезло. Положила я тебя на землю, ищу Таню. Нашла только руку ее с колечком серебряным. Запомнила его. Витое колечко, без камешка.

Клавдия Ивановна замолчала, вытерла платочком глаза, и, после небольшой паузы, продолжала:

— С тех пор ты ходить перестал. Ставлю на ножки — а ты валишься. Будто сноп малый, не связанный. Как мы плакали, жалеючи нашего Егорушку. Скалеченный сын для матери всегда дороже. И опять тебя всем миром выхаживали. Одна я б не справилась. Кто картошек даст, кто зерён, а тетка Настя козье молоко носила, жирное да духмяное. За тем молоком она каждый день на край села ходила.

А там и наши пришли. Отнесла я тебя в госпиталь, все врачу рассказала. Долго он записывал. Хмурился, курил одну папиросу за другой и записывал. Потом встал он и хочет взять

тебя на руки. А ты обхватил ручонками мою шею, плачешь и лопочешь свое: «Ба-ба, ба-ба», будто разумеешь, что прощаемся. Поцеловала я тебя, отдала ему в руки, а ты легкий, как былинка. Только кожа да кости. В чем только душа держалась. Пришла я на следующий день, а тебя нет. Самолетом отвезли лечить куда-то.

Долго мы потом вспоминали нашего сыночка и все думали, живой ты или нет. Ан, вижу — живой. Молодцы врачи — выходили.

Клавдия Ивановна бережно взяла голову Егора теплыми ладонями и поцеловала в лоб сухими губами. Затем открыла окно, и в комнату ворвался свежий воздух мирной, летней ночи. Гроза миновала. За окном пахла сирень. Женщины обнимали Егора, и, заглядывая ему в лицо, старались выговориться. Он слушал их, отвечал на бесчисленные вопросы и думал о тяготах прошедшей войны, о том проклятом времени и о бедах, которые легли на плечи не воевавших, но столько испытавших, битых, поруганных и истерзанных русских женщин. Сейчас ему хотелось обнять этих старых, слабых людей, и поблагодарить за самое главное в жизни — собственную жизнь, с таким трудом вырванную из цепких лап смерти.

Ему хотелось отдать себя этим людям, подарить им что-то особое, что являлось бы делом всей его жизни. Но что он может им подарить? Он, скромный учитель математики.

«Так все же, — мысленно спрашивал он себя, — чем я смогу отблагодарить этих людей, которые волею судьбы на старости лет остались одинокими?»

Так уж случилось, что у Быстряковых не было детей. Сын Анны Степановны погиб на фронте, а невестка вновь вышла замуж и забыла старую свекровь. Почему одинокая баба Настя Егор не знал, но покосившийся забор красноречиво говорил сам за себя: — не подправили его умелые мужские руки.

Дряхлость забора, как и дряхлость хозяйки, говорили о неуверенности в завтрашнем одиноко — безрадостном дне.

Егор представил, как баба Настя с ним прощалась.

— Сынок, — причитала она, подперев морщинистой рукой маленькую седую голову, — вот и мне засветило солнышко. Теперь кроме тебя у меня никого нет. Да никому ж я, старая, была непотребная. Ножки мои слабые совсем не ходю. Приезжай ко мне хоть когда-нибудь со своими детками. На меня поглядишь да закроешь мои глазыньки...

Стоящие вокруг женщины молчали, боясь вспугнуть блеснувшую радость надежды в сердце старого человека.

С такой же надеждой они смотрели на него сейчас.

Вспомнив прощание с бабой Настей, Егор вдруг понял, чем он сможет отблагодарить за спасенную жизнь. Это решение у него назревало незаметно, исподволь, но сейчас оно вызрело окончательно.

За один вечер эти женщины стали для Егора близкими и родными, он словно приехал в свою семью, и было тягостно сознавать, что скоро придется с ними расставаться.

Словно угадав его мысли, когда расходились за полночь по домам, Анна Степановна от имени всех сказала:

— Приезжай, сынок, к нам чаще в гости и помни, что у тебя здесь много матерей. И все тебя ждут.

В начале осени, когда яблони стояли, согнувшись под тяжестью румяных плодов, сельская школа обрела нового учителя — Руденко Егора Викторовича. Глядя, как в лучах заходящего солнца по дворам мелькает Вовкина стриженная голова с лихо торчащими ушами, женщины радостно улыбались. В деревне появился новый сынок.

ПОЭЗИЯ

Владимир КОПЫЧКО
АПОКАЛИПСИС

поэтическое переложение

*«Блажен читающий
и слушающие
слова пророчества сего
и соблюдающие
написанное в нем;
ибо время близко»*

(Откровение святого Иоанна Богослова, I:3)

ПАРАФРАЗ ГЛАВЫ 1

Зри откровение Христа,
Ему ниспосланное Богом, —
в нем истин вечных чистота,
в нём лики будущего строго,
чему быть вскоре надлежит,
рабам Своим явил Он верно,
в Своём терпении безмерном,
зане Он — Тот, кто защитит...

Он через Ангела послал
то откровенье Иоанну,
который верно передал,
без искажений, без обмана
чему свидетелем был он:
вот Бога истинное слово,
Христа свидетельство — основа
того, что ждет в конце времён...

Блажен читающий сие,
блажен, кто слушает пророка,
блажен, кто веры острие
вострит в предвосхищенье срока:
то время — рядом, у ворот...
Реку семи церквам Азии:
мир вам и благо от Мессии,
который истинно грядет...

Шлют вам и мир, и благодать
Бог наш, что был, и есть, и будет,
и духов семь — святая рать,
что пред Его престолом служит;
и Иисус, Который есть
свидетель верный и властитель
царей земных, и поручитель
за нас пред Богом... Будем честь

и славу мы провозглашать
Тому, кто первенец из мертвых,
кто, возлюбив нас, стал на рать,
чем вверх в геенну зла когорты;
омывшему нас от грехов
Своею Кровью, как морями,
кто нас соделал всех царями,
служителями пред Отцом!

Ему — держава на века!
Да внемлет ум, да видит око
как Он приидет в облаках...
И те, которые жестоко
Ему копьем пронзили грудь,
узрят приход Его, рыдая,
и племена все, замирая
от страха, перед Ним падут...

Я есмь начало и конец,
Я есмь и Альфа и Омега, —
так говорит нам Бог Отец,
Кто был и есть... Какая нега
заключена в Его словах!
Ведь Он — грядёт, Он — Вседержитель,
надежда мира и Спаситель,
дарящий и любовь, и страх...

Я — брат и соучастник ваш
в скорбях и царствии Иисуса,
и во терпении Христа,
в преодолении искуса...
За слово Божье сослан был,
и за свидетельство пред властью,
на острове, что назван Патмос,
изгнанником и ссыльным жил...

В воскресный день я, Иоанн,
в молитву Богу погруженный,
услышал глас... И мне был дан
наказ. Тем гласом пораженный,
услышал я: Се молвит Бог,
Я есмь и Альфа и Омега,
есмь Дух заветного ковчега,
Я — первый и последний... Слог

твой в ясности пребудет чист:
се — твой оброк, твои вериги —
не оскверняя ложью лист,
вложи, что зришь, в утробу книги
и разошли её церквам,
всем, что находятся в Азии...
Эфес и Смирна, и Пергам
пусть ждут с надеждою Мессию...

Я обратился, чтоб узреть:
кто он, со мною говорящий?
И увидал небесну твердь
и семь светильников горящих,
и — посреди последних — Он,
в поддир и злато облачённый,
сверкал главою убеленной,
очами жёг, как бы огнём;

как раскаленная в печи,
подобная халколивану,
стопа Его; а глас — речист, —
шум многих вод с высот Ливана...
Держал в деснице Он семь звёзд,
лицо — подобно солнцу было,
и возвышалось, как светило,
что ослепляет нас до слёз...

Меч, острый с обеих сторон,
в Его устах — мерило века —
и был велик и грозен Он,
подобный Сыну Человека...
Когда Его я увидал,
пал с трепетом и в беспокойстве.
Десницу возложив: Не бойся —
Он мне, простертому, сказал, —

Я первый и последний есмь,
и мертв был, и се, жив во веки,
в моей руке — и ад, и смерть,
и ангелы, и человеки...
Итак, что видел — напиши,
и то, что есть, и то, что будет,
поведай, во спасенье судеб,
с великим трепетом души...

Узнай же тайну звёзд семи,
что видел ты в Моей деснице:
они — суть Ангелы мои,
которым повелел спуститься
с небес на землю, ко церквам, —
семи светильникам горящим —
чтоб через тернии и чащи
вести народы в светлый Храм.
11.08.09

*«... и будет пасти их жезлом железным;
как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я
получил власть от Отца Моего; и дам ему звезду
утреннюю»*

(Откровение святого Иоанна Богослова, II:27, 28)

ПАРАФРАЗ ГЛАВЫ 2

Эфесской церкви напиши:
Се говорит семь звёзд держащий
в своей деснице, и, в тиши,
среди светильников ходящий:
Известны Мне дела, и труд
твой, и терпенье, настоятель;
ты — предо Мною предстоятель,
презревший ложный блеск полуд;

ты испытал достойно тех,
которые себя назвали
Апостолами, но лишь смех,
все их потуги вызывали;
ты обнажил лицо лжеца...
Сносить не можешь ты развратных;
не изнемог в раденьях ратных,
трудясь для имени Отца...

Но Я тебя корю за то,
что первую любовь оставил,
что с милосердия высот
спустился вниз, что ты лукавил;
твори же прежние дела,
покаявшись Отцу и Сыну,
или приду к тебе и сдвину
светильник твой... Приобрела

гордыня власть над вами, но
Николаитов ненавижда,
ты поступаешь хорошо, —
Я рад, дела такие видя...
Дух твердо говорит церквам,
и пусть то слово всяк постигнет:
Вкушать от древа вечной жизни
Я побеждающему дам...

Пиши для Смирнской церкви так:
Се молвит Первый и Последний,
се молвит победивший мрак
любовью, верой и надеждой;
Я знаю скорбь, дела твои,
мне ведомо иных злословье —
не Иудейское сословье,
но — сбор исчадий сатаны...

Но, впрочем, помни: ты богат
своею христианской верой —
и брата не оставит брат,
и дьявол не удушит серой.
И ты не бойся ничего,
что претерпеть тебе придётся;
смиранный — в истине спасётся,
в чертогах Храма Моего...

Вот, дьявол, истинно, ввергать
из вас иных в темницу будет,
и беззаконьем искушать;
но скорбь ненадолго остудит
дыханьем хлада вашу жизнь:
будь Мне до самой смерти верен —
я искуплю твои потери
и дам венец тебе. Молись...

Церквам Дух Божий говорит:
Кто может слышать, да узнает —
вторая смерть не причинит
вреда тому, кто побеждает!
И, далее, пиши в Пергам:
Се Тот тебе провозглашает,
Кто дань свою мечом взымает;
меч — слово, посланное вам.

Я знаю все дела твои:
у сатанинского престола
ты длишь и длишь лихие дни
под тусклым солнцем произвола,
но славишь имя лишь Мое,
не покидая лоно веры
даже тогда, когда химерой
Антипа верный умерщвлен...

Но должен Я тебе сказать,
епископ, есть среди прихода
те, кто суть Валаама рать —
не видя истины восхода —
кладут пред идолом тельцов
и любодествуют без меры,
и те, Николаитской веры,
забывшие завет отцов.

Покайся же смиренно в том...
А коль не преклонишь колени, —
приду к тебе, сражусь мечом, —
то слово уст Моих... Веленье
то каждый должен услышать,
что ко церквам Дух обращает:
Я дам тому, кто побеждает,
манну священную вкушать;
и белый камень дам ему —
тот камень будет приговором:
благословлением, укором —
узнает каждый по Суду...

Пиши епископам моим —
посланье церкви Фиатира —
се говорит им Божий Сын,
чьи очи — огонь и пламень мира,
чьи ноги — царственная медь,
что рождена в печах Ливана,
и нет в словах Моих обмана,
и им дано сердца согреть...

Твои дела, твою любовь,
твои служение и веру,
твое терпенье вновь и вновь —
всё знаю Я... Своим примером
ты братьям указуешь путь,
ведешь их по дороге света —
и Мне приятно видеть это.
Но я обязан упрекнуть,

за то, что попускаешь ты
лихой жене — Иезавели,
что строит к идолам мосты,
зовет людей, чтоб жертву ели,

и любодействует, спеша
отдаться помыслам лукавым...
Я дал ей срок, чтоб, грех оставив,
её покаялась душа,

но не покаялась она...
Вот, я на одр её повергну,
и тех, кем правит сатана,
с ней вместе от Себя отвергну.
Вот, скорбь — её детей удел...
И церкви все уразумеют:
Я — Тот, Кто семена ответ
от шелухи и от плевел...

Я — испытующий сердца
и внутренности человеков;
и от Меня не скрыть лица,
ни дел, творящихся от века,
и Я воздам всем по делам...
А вам и прочим в Фиатире,
кто сатану не славит в мире,
не верит лживым словесам
так называемых глубин
из сатанинских поучений,
не присужу иных мучений,
как милостивый господин...

Храните свято Мой завет;
то, что имеете, держите,
пока приду... И будет свет,
и будет пища и обитель...
Кто побеждает и блюдет
дела Мои до самой смерти,
тому дам власть на этом свете —
пусть он язычников пасёт,

уберегает от греха,
железным жезлом сокрушая;
сосудов глиняных труха
покроет площадь, оседая...
Ему звезду с небес Я дам,
что в утреннем тумане светит ...
Да слышит всяк на этом свете,
что Дух глаголет ко церквам...

14.08.09 г.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Владимир КОЛЕСНИКОВ
В ИСТОРИЮ ДОРОГА — С ОТЧЕГО ПОРОГА**ОТЕЦ ВАСИЛИЙ**

От него исходит, излучается славянская духовная порядочность и христианская благочестивость. В нём сочетается природная аристократичность и душевная простота. Потомственный священослужитель Отец Василий добро несёт своё духовное жизненное призвание.

Зная чем я занимаюсь, у него при случайной встрече со мной всегда (и думаю вовсе не случайно!) всегда есть какая-нибудь краеведческая информация из старых «Курских епархиальных ведомостей». И он её, как правило, в разговоре дважды не навязчиво цитирует по памяти. Большой знаток церковной истории края. Жаль, что я не хожу слушать его проповеди. Могу только догадываться, как он мастерски использует местный исторический материал, тем самым подчёркивает исконный патриотизм Русской православной церкви..

Наиболее частой темой наших бесед, конечно же, являются Холковские пещеры, которые он категорически называет «Холковский монастырь», добавляя с легкой усмешкой: «Пещеры созданы Богом для разной твари живущей по паре, а не для человека. А это рукотворная обитель в земле созданная по воле Бога нашим человеком в далёкие лихие години». Не возможно с ним не согласится. Тем более, что и сами обитатели монастырей в лихую годину не были в стороне. Классический пример — битва Пересвета (чёрного монаха) с Челубеем перед началом Куликовской битвы.

Часто, очень часто говорил и о храмах Новоосколья, о их удручающем состоянии сегодня. А ведь это наша история. Построенный храм в сочетании с духовным наставником согревает души прихожан, озаряя их высокой духовностью, наделяя спокойствием в мирской жизни.

Православные соборы и храмы нашего края, их количество и масштабность говорит о численности

населения и его духовном стремлении. Объём собора всегда рассчитывался на приход. Приход — количественный показатель населенности местности. О предстоящем росте города Нового Оскола говорит начало строительства собора в начале XX века, там, где сейчас стоит, рядом с Вечным огнём, городская водонапорная башня. Строительство остановила Первая мировая война.

Власть, не имея морального влияния на церковь, несмотря на весь арсенал государственности, не упускает случая использовать любую возможность приглушить, хоть что-нибудь в хозяйственной или бытовой жизни церкви. Как-то в начале 1970-х годов при традиционно-краткой уличной встрече Отец Василий, не любивший вообще говорить о тяжести несения своей духовной миссии, поведал: «Епархия выделила нашему приходу, а он у нас вы знаете какой большой, машину «Волгу» — новую. Так при её регистрации меня предупредили: пока такая же не появится в райкоме — не выезжайте, а то останетесь вообще без машины. Так, что получается я слегка переехал дорогу власти».

Обладая глубоким тактом, он никогда не укоряет меня за мою религиозную нейтральность. Только сдержано, корректно, ровным, хорошо поставленным голосом при случае напоминает мне о приближающихся церковных событиях и датах, как правило — праздничных. Посоветовавшись с ним, совершили Таинство Крещения моей первой внучки. Я не был при его совершении. Была моя старшая сестра Лида.

Предполагаю, что, несмотря на холодную отчуждённость, многие представители власти, зная о Таинствах и обрядах, и испытывая духовную ущемлённость, обращались к нему за тем же духовным советом. И, конечно же (что практически общеизвестно), без публичной огласки совершали Таинство Крещения своих маленьких новооскольцев.

Отец Василий проводил в последний путь мою маму — Мавру Денисовну.

Трудно выполнять Отцу Василию свою духовную миссию в условиях полного вакуума поддержки со стороны официальных властей. Церковь отделена от государства. А ведь Церковь никогда и не претендовала на государственность. Наша история не знает примеров этой претензии со стороны Православной Церкви.

Могу с уверенностью отметить, не смотря на моё спокойное личное отношение к религии, среди верующих людей преобладает более глубокая нравственность. Нравственность первозданной чистоты. Хотим мы этого или

не хотим, а духовно озарённый человек прекрасен в своих поступках. Таким есть Отец Василий — настоятель новооскольского Успенского собора.

Новый Оскол - 1982 год.

РАНА ДУШИ

Это случилось летом. День жаркий. Знойный воздух замер. Замер словно в недобром предчувствии. Рушили здание православной церкви в селе Боровое. Контингент (другого слова применить нельзя) рабочей силы был подобран, как говорили в народе — «без креста за пазухой». Многие, очень многие, члены колхоза, получившие наряд на эту, с позволения сказать, работу, под разными предложениями богобоязненно отказывались, боясь погрешить перед совестью.

Церковь разрушалась на глазах всего села, скороспешно и с какой-то нервозностью. Осколки белой известковой штукатурки падали вниз слезами бессилия.

Рухнувшее внутрь здания, подрубленное снизу, многотонное кирпичное основание купола проломило деревянный дубовый пол. Истошный скрип истязаемых досок разнёсся далеко окрест. Тревожно слетевшие с деревьев птицы долго не могли найти себе места. Поднявшийся столб известковой пыли несколько часов стоял сизым саваном в бездыханном воздухе над руинами.

Стоявший рядом мой добрый приятель и сосед, израненный фронтовик Василий Порфирьевич Горелкин, работавший конюхом, сказал: «Володь смотри, когда-то староверы остались без церквей — теперь мы. И как они только выдюжили и вынесли веру в таких тяжких гонениях через столько лет».

Уважаемый в селе старожил, дед Каланика, пасший возле кладбища корову, бросил своё занятие и, несмотря на свой десятый десяток лет, тряся светлой бородой, стучал палкой по крыльцу клуба и беззубым ртом отпускал самые отборные проклятия. Сбежавшие вниз исполнители этого акта вандализма, пугливо озираясь, словно ожидая какой-то напасти, торопливо разошлись. У многих из них, в скором времени, дальнейшая судьба не сложилась.

Чуть позже директор школы Кузьма Васильевич Ковалев, хороший историк и честный человек, поделился со мной: «Я не могу по ночам спать рядом с этими развалинами». Квартира его была в помещении школы, а школа, еще

дореволюционной постройки, расположена была, по существовавшим канонам, в нескольких метрах от православного храма.

Односельчане долго тихо роптали. Старики, сидя на завалинах, кряхтя вспоминали, как ходили отводить душу в храм, как колокол Боровской церкви слышен был в селениях: Уточка, Зубовка и даже в Редкодубе.

Обезглавленное, поруганное тело храма, кое-как наспех накрытое кровлей, использовалось как склад. Что и как хранилось в нём не столь уж важно. На много существенней залечить раны. Раны души.

с. Боровое, 1958 г.

ФИЛОСОФИЯ ХОЛКОВСКИХ ПЕЩЕР

Мои объяснения истокам, вернее предпосылкам, сооружения и сохранности уникальных подземных Холковских пещер основаны не столько на исторических аналогах, сколько на историко-философских корнях нашего народа.

Наиболее древнее, а точнее самое древнее сооружение, дошедшее до наших дней. Сохранность пещер можно объяснить, во-первых, стечением исторических обстоятельств, не позволивших их разрушить, а, во-вторых, в конструкциях этих сооружений присутствует только один единственный материал — меловые отложения. Причём эти отложения остались в естественном состоянии, а не перерабатывались человеком в отличие от других материалов, используемых древними в иных сооружениях, что полностью исключило временной процесс разрушения, и, конечно же, восьмиметровая толща над сооружениями.

Истоки рождения этого уникального творения уходят к беспокойному времени, когда граница «Дикого поля» (а наша местность и была условной границей «Дикого поля» с Русским государством) постоянно давала суровые испытания нашим предкам.

Как свидетельствуют исторические источники, период, предшествующий основанию монастыря-пещеры, полностью совпадает с интенсивным усилием походов-набегов кочевых народов на земли нашего края. Начало XVII века было наиболее опустошительным из-за возобновившихся и возросших в количестве вторжений кочевников. Эти сведения мы находим, в частности, в трудах историков В.О. Ключевского и С.М. Соловьёва.

Пещеры — не что иное, как укрытие от набегов кочевников. А так как набеги были регулярными и непредсказуемыми, то сооружение должно было отвечать требованиям постоянной надёжности. Показательным является факт ориентации этих подземных сооружений. Основной вход расположен с северной стороны склона. Склона, который является тылом при обороне со стороны южных степей, откуда шла постоянная угроза набегов. Вся история нашего государства свидетельствует: философия русского военного искусства основана на оборонительной доктрине. Что хорошо и убедительно прослеживается в цели и истории возникновения поселений нашего края.

История утверждает, когда перед человеком стоит вопрос о выживании, то человеческая мысль находит реализацию решения не в сиюминутном, временном своём сохранении, а в том, чтобы максимально, навсегда отвести угрозу своему существованию. Цивилизация хорошо это иллюстрирует дошедшими историческими памятниками мировой культуры. А Холковские пещеры смело можно отнести к фрагментам мировой культуры, её неотъемлемой части.

Учитывая, что у нашего народа высокое духовное стремление к религии (корни этого стремления уходят к язычеству), то и объект сохранения, естественно, культовый — подземная церковь, подземный монастырь.

Подземные пещерные монастыри в нашей истории имеют устойчивое системное явление. И также имевших оборонный характер. Подземный монастырь Киево-Печерской лавры (от укр. печера — пещера) 1051 года расположен на крутом правом берегу Днепра. Святогорский монастырь в подземных меловых кручах правого берега Северского Донца, основанный в 1624 году монахами Киево-Печерской лавры — одно из укреплений Московского государства. Холковский монастырь Николая Чудотворца 1620 года на крутых меловых склонах, также правого берега Оскола, основанный монахом Геласеем. А располагавшийся невдалеке, в верховьях реки Холка, Холковский «сторож» указывает на оборонную суть сооружения.

Дата основания монастыря — ещё не время сооружения пещерного комплекса. Возник он несколько раньше. Ещё предстоит исследование, уточняющие период начала его сооружения.

Просуществовавший полтора века со дня основания монастырь, а вместе с ним и пещеры, были преданы забвению. В начале 20-х годов XX века, когда местность пришла в полное запустение, жители перестали использовать

склоны не только в духовном плане, но и для выпаса скота. Сохраняет мирскую духовность здесь только сельский погост.

Влияние таинственных объёмов пещер на человека, увидевшего их — живое дыхание истории в хорошо сохранившемся древнем сооружении. Дети-краеведы так же, как и во время многодневных походов вдоль «Турецкого вала», наполняются здесь ощущением серьезности и значимости своих действий в области исторического познания. Грандиозность этого исторического объекта нашего края (несмотря на пониженную температуру интерьера) оказывает сильное благопристойное психологическое воздействие на юные сердца и умы, формируя патриотическую философию их души, духовное обогащение, преемственность философии бытия. Русский отшельник Геласей, основавший здесь обитель — пример философии никем не познанной загадочной русской души.

Холковские пещеры. Оскол рядом. Склоны характерны для Среднерусской возвышенности. Сама природа позаботилась о создании исторического и природного заповедника степной зоны, щедро наделив эти земли разнотравьем, сохранив не только исторический объект, но и уникальные реликтовые виды меловой флоры.

СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО

Административно-территориальные границы менялись на протяжении последних трёх столетий в нашем крае несколько раз. Это, в определенной мере, находило отражение в хозяйственной деятельности новооскольцев. Но в историческом и природном аспекте административно-территориальное деление не имеет никакого значения. Природа и история развивается по своим законам. Природу и историю края административные преобразования не переписут, могут только оказать негативное влияние.

«Дикое поле» — местность, граничащая с южными рубежами древнерусского государства, практически не заселенная до начала XVII века, выполняла буферную функцию между северными племенами славян и южными тюркскими кочевыми народами — половцами, печенегами, татарами. По этой земле проходили пути взаимных военных походов славян и кочевников. Местность наша в «Слове о полку Игореве» описана как «поле незнаемое», «поле Половецкое».

Исторически сложившийся этнический состав нашего

края также не подвластен административному делению. Нам, новооскольцам, известны многие села района, где в местном диалекте прочно заложена украинская фонетика. Это селения Голубино, Старая Безгинка, Погромец, Серебрянка и другие. Села с украинским наречием равномерно расположены на территории района. Здесь мы встречаем красивые украинские фамилии, перенесённые предками богатой культурными наследиями Украины.

Такие чисто украинские слова как: дробына — лестница, горище — чердак, серники — спички, вечерить — ужинать, байдуже — безразлично, и другие, при явной языковой ассимиляции, навеки стали обиходными в наших сёлах. Язык сохранил до наших дней своеобразную певучесть слов южных славян. Взаимное обогащение общечеловеческой культуры здесь — неоспоримый факт.

Истоки этого явления в нашем крае можно отнести к 1639 году, когда Украина перешла в Московское государство или, как звучит в древних источниках, в Московию. Вновь принятый в Российское государство народ наделяли землёй, и семьи украинцев появились на территории нашего района. Это характерно для Белгородской, Воронежской, Курской областей.

Освоение свободной территории «Дикого поля» происходило относительно равномерно: русскими — с севера, украинцами — с юго-запада. История этого заселения начата несколько ранее возникновения Нового Оскола — с тридцатых годов XVII века. Русский рабочий люд направлялся на строительство южных оборонительных сооружений и несения сторожевой службы. Украинцы или как их в то время называли — «Черкасы» переселялись добровольно. Это был своеобразный протест против гнёта панской Польши.

В период добровольного заселения (переселения) украинцев они пользовались такими же правами, как и служилые люди, по так называемому «прибору», то есть получали жалование за службу государству и наделялись землей, сенокосами, лесными и речными угодьями. О какой-либо дискриминации, как свидетельствуют исторические источники, не было даже понятия. Украинцы использовались правительством в одном ряду с русскими для обороны рубежей Русского государства. Нужно объективно отметить, что это заселение и наделение природными ресурсами преследовало конкретную государственную цель — укрепить южные рубежи административно и экономически.

К концу XVII века оборонительная линия существенно отодвинулась на юг. Напряжение ожидания набегов кочевников спало. И спокойная жизнь не замедлила в начале XVIII столетия ускорить процесс заселения нашего края украинцами с юго-запада, а русскими с севера.

Князь М.М. Голицын, главнокомандующий на Украине, присвоил себе большие земли в нашем крае, в том числе по реке Оскол и переселил сюда тысячи украинцев. Это было в XVIII веке – веке помещичьей колонизации нашей местности.

Количественный состав населения нашего края, активно заселявшегося в XVII и XVIII веках, учитывался государственной службой переписи. В XVIII веке было пять, так называемых, «ревизий»: в 1719, 1742, 1761, 1783, 1794 годах. Эти ревизии являются достоверным источником состава населения, тем более, что к их организации и проведению относились со всей строгостью того времени. По Всероссийской переписи 1897 года в Курской губернии проживало 21% малороссов – читай украинцев. В Новооскольском уезде больше половины населения было представлено украинцами. Хотя статистика – это точный учет неточных данных, тем не менее, статистика дает хороший, уверенный ориентир в том или ином явлении.

Этнический состав нашего края более близкого периода иллюстрирует карта расселения украинцев, приложенная к краткой географии Украины, изданной во Львове в 1910 году. Карта, составленная Владимиром Гериновичем, озаглавлена «Географическая карта земель, где живут украинцы». На этой карте хорошо прослеживается устойчивая тенденция расселения вверх по устью реки Оскол. Границы меж государствами для географии имеют весьма условное значение. Этнографическая граница является составной частью географии и никакого отношения к границе государственной и границе административной не имеет.

Украинские школы – не редкость в довоенное время в нашем крае. Михаил Иванович Соловьёв, директор средней школы № 1, с которым я связан юношеской дружбой ещё в годы совместной учебы в Новооскольском педучилище, рассказывал мне о своей учёбе в сельской украинской школе в селе Серебрянка.

История бережно сохранила до наших дней это уникальное этническое явление. Некоторые названия сёл края так же дают характеристику этнического состава. Кацаповка (ныне Колодезное), Червонный (от укр. червонный – красный) – Новооскольского; Хохлово –

Белгородского и Валуйского, Шлях (от укр. шлях — дорога) — Корочанского; Чумаки (от укр. чумак — извозчик, погонщик волов) — Старооскольского районов нашей области.

Славянская этническая общность украинцев и русских, подтверждённая многовековой историей нашего края, убедительный исторический пример единого славянского корня наших народов. Пример, который воспринимается как математическая аксиома, где очевидность не требует утруждающих доказательств.

Рядом с моим родным Оскольским — два села: Голубино и Погромец — олицетворение векового нерушимого славянского единства.

г. Новый Оскол. 1965 г.

ОБ АВТОРЕ

Село Оскольское расположено в живописной пойме реки в семи километрах от Холковского подземного монастыря Николая Чудотворца, основанного в XVII веке. Здесь в Новооскольском уезде Курской губернии в крестьянской семье 27 июля 1918 года родился Владимир Илларионович Колесников.

Родители — Илларион Емельянович и Мавра Денисовна неграмотные крестьяне. Многодетная семья, девять детей, в Гражданскую войну лишилась единственного своего достояния, нажитого трудом на земле — сивого мерина. Мерина увели лихие казаки, «красные» или «белые» — это так и осталось для семьи загадкой. Но землю пришлось обрабатывать вручную вплоть до коллективизации.

Коллективизация не принесла большого урона для большой семьи, как отметил в одном из своих рассказов учитель, если не считать угнанной коровы и шерстяных носков, снятых с Мавры Денисовны полупьяной компанией местных сельских активистов, проводивших рейд по раскулачиванию.

В сельской школе, по воспоминаниям одноклассников, Володя особенно преуспел в математике. Списать решение задачи можно было только у него. Позже, памятуя эпопею в коллективизацию с шерстяными носками, его не приняли в комсомол, что конечно, принесло ему первые переживания.

После окончания семилетней школы в родном селе неграмотная мама настояла на продолжении учёбы в Ноовоскольском педучилище. Начав там учёбу, он, голодный, оттуда сбежал пасти овец. Мать хворостиной

погнала его назад, приговаривая: учёба, сынок, за плечами не носится.

После успешного окончания в 1938 году педучилища был направлен учителем математики в село Тростенец своего района. Здесь началось профессиональное становление педагога Колесникова.

Под новый 1939 год был призван в ряды Красной Армии. Служил на западной границе в Белорусском Особом военном округе.

Война для рядового красноармейца Колесникова началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Уже 3 июля, находясь в окружении, раненый боец оказался в фашистской неволе. Пять концлагерей Литвы, Польши, Восточной Пруссии на четыре года стали для двадцатилетнего узника под номером 3144 познанием ада. Каторжные работы на строительстве доменных печей в Брауншвейге и в угольных шахтах Гельсенкирхен — филиалах зловещего Бухенвальда.

После освобождения союзниками из неволи в первых числах апреля 1945 года был призван полевым военкоматом в действующую армию.

В декабре 1945 года демобилизован как работник просвещения и с января 1946 года назначен завучем Солонец-Полянской школы Великомихайловского района. Уже здесь, как вспоминают его бывшие ученики, он начал организовывать экскурсии к Холковским пещерам, по живописным окрестностям Приосколья.

Репрессии начала 50-х годов лишили учителя Колесникова работы. И только благодаря Курскому обкому профсоюзов его чудом восстановили.

Без отрыва от педагогической деятельности окончил два факультета Старооскольского государственного учительского института: исторический в 1949 году и естественно-географический в 1956 году.

В 1959 году, работая в Ливенской семилетней школе Нового Оскола, организовал в Доме пионеров первый кружок по изучению истории края — краеведческий. Здесь в течение двадцати лет учитель Колесников реализовывал себя как педагог, как патриот своей малой родины. Природа и история Приосколья познавались многочисленными походами и экскурсиями. Дети с неподдельной искренней любознательностью впитывали в себя наше богатейшее культурное и историческое наследие. Учитель раскрывал им единство гармонии природы и человеческих эмоций.

Природные и геологические особенности Приосколья, ярко выраженные в меловых холмистых отложениях, в

уникальной флоре третичного периода, было наглядным пособием учителя при формировании детского представления об окружающем мире. История Белгородчины, дошедшая курганами, оборонительными фортификационными сооружениями, подземельями Холковского монастыря, давала реальное представление о культуре и силе духа русской истории.

Недавняя наша история XX века во время краеведческих походов познавалась детьми через общение с живыми ещё тогда участниками и очевидцами этой истории.

Собранный во время походов краеведческий материал накапливался и обобщался в районном Доме пионеров. По мере расширения поисков и сборов исторических фактов, предметов быта, культуры краеведческое наследие передавалось в школы района. В них организовывались краеведческие уголки, ставшие также конкретными наглядными пособиями по формированию патриотизма молодого поколения.

Первая публикация о краеведческой деятельности учителя Колесникова появилась в 1960 году в Новооскольской районной газете «Красное знамя». Лично работал в архивах Белгорода, Воронежа, Курска, имел с ними переписку. Эта краеведческая работа стала истоком создания в 1967 году местного краеведческого музея, носившего тогда названия историко-революционного. Первую экспозицию в нём составлял и систематизировал учитель.

За два десятилетия подвижнической работы педагога в Новоскольском районе сформировалась система, сочетавшая в себе поиск и выявление исторических событий, изучение и распространение знаний об истории через краеведческие экспозиции, встречи и беседы, публикации в районной газете. Краевед организовывал экскурсии школьников в Брест, Керчь, Киев, Минск, Севастополь и другие исторические места.

Своеобразным итогом поисковой работы стали организованные им ежегодные районные слёты краеведов-туристов. Сохранившиеся публикации и фотографии походов и слётов 60-70-х годов прошлого века есть часть истории краеведения Белгородчины. Новоосколье заняло достойное место в краеведении Белгородской области.

Свои личные чувства и эмоции о проводимой работе по изучению истории родного края учитель Колесников оставил в очерках и рассказах. В них ярко и непритязательно представлена природа. Эпитеты и метафоры, свободно и просто передают её красоту и красоту крестьянского быта.

Спокойный и ненавязчивый патриотизм читатель воспринимает как должное, как само собой разумеющееся. Литературно-художественные обороты рассказов Колесникова есть свидетельство нашей культуры XX века. Язык рассказов и очерков впитал местный фольклорный колорит. Архаизмы так естественно внесены в текст, что, несмотря на свою необычность, воспринимаются тепло и уютно.

Весьма привлекательны в его рассказах местный неповторимый этнический колорит и небольшие по своему общественному звучанию явления, из которых соткано полотно нашей истории. Такие как помол зерна, приём пищи или питьевая вода в колодце и во всём том, что он рассказал, – неподдельная любовь и гордость за край своих земляков. Что может быть как пример более патриотичнее, я затрудняюсь ответить.

Сегодняшние события со временем становятся явлением истории, но явлением они становятся тогда, когда чем-то зафиксированы материально в виде строений или предметов быта, духовно – легенда, фольклор, письменность. В данном случае мы имеем ярко выраженный пример духовности в фиксации явлений истории для потомков.

В каждом рассказе сюжет лаконичен, как импульс быстрого взгляда, давшего ёмкую и весьма точную оценку сюжета. Рассказы несут отпечаток чистой романтической любви к родной природе. Отпечаток вполне искренний на фоне биографической фабулы автора. В рассказах просматривается не только литературный профессионализм, сколько образованность и интеллект автора. В тексте чувствуется большая внутренняя культура русского человека непростой судьбы.

Всесторонняя одарённость учителя воплощена не только в его педагогическом и литературном наследии, но и представлена сохранившимися небольшими живописными этюдами и рисунками, хранящимися в Белгородском государственном музее и Новооскольском краеведческом музее. В Новооскольском педучилище в довоенные годы рисунок преподавали хорошие учителя и на серьёзном уровне. Педагоги там готовились и не только по специальности, но и как всесторонне развитые личности. Мотивы родной природы мягко, спокойно и красиво передают настроение окружающей среды. Уместно здесь сказать, что учитель был всесторонне развит.

Историко-краеведческое значение жизненного и творческого пути учителя Колесникова очевидно и весьма

показательно не только для изучения истории, но и как явление, весьма характерное для русского менталитета.

С неподдельной искренностью и теплом отзываются о нём те, кто его знал, и в первую очередь его ученики. Те послевоенные детишки, обделённые материальными благами разрушенной войной страны, но согретые духовно благородным сердцем учителя.

Все явления состоят из составляющих. И история края и его изучение в данном случае не исключение. Вклад учителя в изучение истории края — это не только частица его души, это, образно говоря, маленький, но вполне крепкий кирпичик в строении краеведения Белгородчины.

В рассказах отражена непреходящая гражданская созвучность эпохи, что придаёт им явную историческую значимость. Рассказы и очерки учителя Колесникова — конкретное культурное достояние Белгородского края, которое будет изучаться и приумножаться потомками.

13 сентября 1999 года завершился земной путь учителя. Похоронен на сельском погосте в родном селе. Свою библиотеку, состоящую из тысячи книг, он завещал — землякам новооскольцам.

В Белгородском государственном историко-краеведческом музее и Новооскольском краеведческом музее представлены небольшие экспозиции, посвящённые 90 — летию учителя-краеведа. Он выполнил свой гражданский долг. Его рассказы — литературный памятник. А автору будет добротный памятник от благодарных потомков, для которых учитель сохранил частицу истории края.

*В. Шаповалов, член Союза писателей России,
гл. ред. журнала «Звонница» (Белгород)*

ПОЭЗИЯ

Александр РОМАНОВСКИЙ
ОТКУДА НЕЛЬЗЯ УЙТИ?**ХРАМ БОЖИЙ**

Где ещё можно найти
Синтез подобный искусств?
Откуда нельзя уйти
Без взбудораженных чувств?

Где под покровом шатра –
Зодчества сотворенья,
С вечера до утра
Слышно небесное пенье?

Где ещё можно узнать
Тембр задушевного слова,
Вязь его звуков принять
На музыкальной основе?

Там сквозь витражный узор
Светится живопись свода,
И восхищённый взор
Вновь обретает свободу.

ХРАМ ДОБРОТЫ И СПАСЕНИЯ

В церковь прихожу я постоянно,
Пропуская через сердце дни.
Здесь я сразу становлюсь гуманным,
Дарят доброту церковные огни!

Куполов нерукотворный изыск
Восхищает и притягивает взор,
Здесь для нас золотоносный прииск,
Красоты неписаной узор!

Сколько здесь я не молился с Верой,
Бог всегда выслушивал меня,
Отворяя в мир святые двери,
Милостью и благостью маня.

И ко мне спасенье приходило
И с утра, и на закате дня,
Исчезало напрочь всё, что породило
Зло, и вся его всеильная родня!

* * *

Спешу жить на Земле, хотя и верю в Бога
И размышляю о неведомых мирах,
И я всегда ищу свою дорогу,
Её пройдя, отдам я тело в прах!
И дел тяжёлый воз люблю я в этой жизни,
И в списки поминания не тороплюсь попасть,
Пусть неудача от растерянности взвизгнет,
Господь, не дай мне раньше времени упасть!
Не тороплюсь уйти, спешу и жить, и верить
Увидев горизонт, так хочется успеть,
Мне громким голосом в суетной круговерти
Молитву задушевную пропеть!

НОЧНОЕ ПРОЗРЕНИЕ

После успеха почему-то печаль
Песней небесной на сердце ложится.
Значит, на струнах души я опять забренчал,
Мне с тишиною ночной невозможно ужиться.
Рифма к утру принесёт и тепло, и покой
И озарит изнутри просветлённые гордые лица,
Чтобы и нам на заре разминуться с тоской,
Чтобы сердечным биением с вечностью слиться.
И ощущение заката в рассвет перейдут,
И разбредутся по телу знакомой истомой.
Не одолеть неприятностям счастье редут
И заспешат все ненастья дорогой знакомой!
До невозможности тяжкое всё отлегло,
До упоённости пьём оживления влагу,
Всё исчезает, что к небу взлететь не смогло,
Только летящим за нами мы дарим отвагу!

О, Господи, за всё меня прости:
Я много мог, но мало получилось.
И этот грех мне сразу отпусти,
Чтоб горе на меня не ополчилось!
О, Господи, создай Себя во мне
И проведи в духовное избранье,
И в жизни – этом жарком сне –
От смерти сбереги меня заранее.
Мне Истина есть свет Твоих идей,
Их воплощать мне велено скорее,
К всеобщей радости Божественных затей
Становимся мы лучше и добрее!

МОЛИТВА

Молитва наша – возвышение ума,
Всем сердцем устремленье к Богу.
Всё, что не в храме – кутерьма,
Недопущение к порогу,

Где царство света и добра,
Где воплощенье воспитанья,
Где звуки льются серебра,
Переплавляя все страданья!

Там чтут и немощь нищеты
И предвещаются блаженства.
Небесный дождь до чистоты
Там моет души совершенством!

Молитва наша и в словах,
И в преклонении буквальном,
И в утверждении в правах,
В желаньи Миру стать зеркальным!

ОТДАЙТЕ СЕРДЦЕ СВОЁ БОГУ!

Отдайте сердце своё Богу,
Он знает, как его хранить.
Своим напутствием в дорогу
Судьбы Он свяжет вашей нить!

Крестом прикройте ваше тело,
И вас коснуться Небеса,
Молитвой освятите дело,
Победа даст вам адреса!

Там ваша Вера проживает,
Надежда будущим грядёт,
Любовь объятья раскрывает,
Туда же Истина идёт!

Укройте все волнения ваши
В защитной храма темноте
И вам иконы станут краше
И сны отстанут в дремоте.

И мысли сразу разберутся,
От спора глупого уйдут,
А сплетни те, что рядом трутся,
Вас никому не продадут!

Спасенье ваше - в подсознании!
Вас больше не утопят злом!
В прудах зацветшего изгнания
Гребём Божественным веслом!

ПРИЗНАНИЕ ГОСПОДУ

Я люблю тебя, Господи,
И не просто любовью,
А дрожанием мира,
Вошедшим в меня.
Всё своё естество
Я кладу в изголовье,
В изгибании тела
Идущего дня!
Только в нашей любви –
Я совсем непорочен.
Из жестокости дел
Я плету доброту,
Без тебя в нашей жизни
Мир вовсе непрочен,
Надо в ночь нам уйти,
Чтоб вернуться к утру.
Все желанья свои
Я с Тобой ощущаю,
Чтоб добраться скорее
К любви и другой.
Всё, что можно простить –
Я с Тобою прощаю
Наш Великий и Славный,
Бессмертный Изгой!

Леонид ПИЛИПЕНКО
ЗДЕСЬ ВОЗДУХ ГОРОДСКОЙ – ХРУСТАЛЬНЫЙ

ЧУДО

А душа томится. Просит
свято верить в чудеса.
Что за блажь — дела забросить,
И вперёд — в луга, в леса.

Чудо, чудо... Ну, конечно, —
и вокзал, и стук колёс,
и вдоль рельсов бесконечных
марафон лесополос.

Чудо — полустанок древний.
А теперь — пешком, пешком...
Наша цель — вон та деревня.
После — к лесу напрямиком.

А не чудо ли вот эта
тропка. Чудо — василёк.
Чудо, что в разгаре лето,
и что путь ещё далёк,

пруд, что требует ухода...
А выносливый, как вол,
верный друг, душа похода,
наш ловец радиоволн

голос города родного,
словно дар, преподнесёт.
...Вон мосток! Ещё немного —
и в плену лесных красот

мы окажемся с тобою!
Солнцепёк? О чём жалеть!
Испытание любое
нам ли не преодолеть.

Мы в пути держались стойко.
Наконец-то лес! А там
весь эфир был отдан сойкам,
дятлам, пеночкам, дроздам...

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Теперь её — приземистый подъезд
с железной дверью... Мужества хватило
на невесёлый в общем переезд
на склоне жизни в меньшую квартиру.

Смириться с неизбежностью смогла
(чему переселенье равносильно?).
На новоселье память позвала
в небытие ушедших мужа, сына.

Незванными гостями — тени крон
в её квартире. Но не в тягость тени.
На радость новосёлки крепкий клён
окна почти касается. Растеньям

уютно здесь — на письменном столе,
и на окне: цветы она голубит.
Но клёны... чудо-клёны с детских лет
она, как существа живые, любит.

О, сколько света! Это пожелтел
покров кленовый. Осень разгулялась.
Счастливое знамение? Влетел
кленовый лист в окно, когда вселялась.

Соперничает с тучей вороньё.
К осадкам. Предсказанье без обмана?
На видном месте в комнате её —
листок кленовый. Вроде талисмана.

Ну что, пора хорошая грядёт,
листок кленовый? Загрубевший, рваный.
И с гостем радость в дом её войдёт —
и даже, если этот гость незванный.

ОТШЕЛЬНИК ГОРОДСКОЙ

И дружит с этой скромною рекой,
теснимой яро порослью густою,
неброский мост (отшельник городской)
с оградой чугунною литою.

С моста речушка далеко видна.
На тёмных водах майский пух растений.
А на мосту меж дуг из чугуна —
паучье бесподобное плетенье.

И, как в окно волшебное, гляжу
в проём ограды с бледной паутиной.
У ивняка внезапно поднял шум
неугомонный выводок утиный.

О, волшебство трудяги-паучка,
сумевшего такие сети сладить.
И сквозь плетенье вижу облачка —
над речкой и на безмятежной глади.

ЗДЕСЬ ВОЗДУХ ГОРОДСКОЙ — ХРУСТАЛЬНЫЙ

Сугробы всё ещё упрямы.
Великий Пост. Весна в пути.
А на берёзе возле храма
кормушку для весёлых птиц
раскачивают, как качели,
задиристые воробьи,
и ветер — истинный кочевник —
помочь им в этом норовит.

Двор монастырский взят в осаду
привычной жизнью городской.
Снег с лавочки смахну — присяду
на край, взволнованный такой.

А всё-таки морозец знатный...
Ну что ж, мороз, давай позлись!
Гляжу на игрунов пернатых,
что не на шутку разошлись.

Приволье в кронах им воздушных.
Свист, дробь, любой пичуги звук
вот так, быть может, грели души
расстрелянных монахов двух...

Глумились ироды над ними,
а птицы пели, как всегда.
Смиранных иноков казнили
В те сумасшедшие года,
когда, «сметая мир насилья»
в последний и кровавый бой,
Кресты и купола сносили...

Здесь, под алтарною стеной,
где воздух городской — хрустальный,
где личная печаль мала,
покоились в могиле тайной
монахов этих двух тела.

...В тот год работы земляные
под храмовой стеной вели.
И землекопы разбитные
останки бранные нашли.

С ремонтом справились ударно.
И — храм переживёт века.
Влечёт меня к стене алтарной
мемориальная доска.

Свистят синицы-недотроги,
вот дятел дробь свою разлил.
А в строчках на доске той строгих
боль мастера, что их отлил,
скорбя об иноках убитых,
чьи души грела птиц игра...
Берёзы стройной птичья свита
Давай-ка важничать с утра!

И нет у буйства птиц границы,
Их дерзкой выдумки — с лихвой:
на ветке тоненькой синица
висит себе вниз головой.

Александр КОНОПЛЯ
БРОНЯ НЕЗАТЕЙЛИВЫХ СЛОВ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Лашусь к веточкам берёзы,
Прячусь к елям в немоту,
Вызревают в небе грозы,
Спят скамейки на посту.

И немое пламя пляшет,
Прорастая сквозь гранит.
Наполняют слёзы фляжку
Струйкой тоненькой, как нить.

Треплет ветер гимнастёрки,
Не ржавеют ордена.
Пусть давно уж лица стёрты,
Но не кончилась война!

Пусть сегодня день в морщинах
И звонят колокола –
Спят уставшие мужчины,
Греет памяти зола.

* * *

*Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 года
началась Великая Отечественная война.
Она длилась 1418 дней...*

Льётся солнце в земные ладони,
Подпевают синицам поля,
И не верится мне, что бедою
Днём воскресным шумят тополя.

На пруду веселятся рыбёшки,
Чуть заметно плывут облака,
И не верю, что хриплой гармошки
Не услышу под звон вечерка.

Положи мне, бабуля, иконку –
Трудно страх в одиночку бороться!
Будут сниться колхозные кони
И укрытый ботвой огород.

Обниму постаревшую маму,
Сладкий воздух на память вдохну,
И пойду меж родными домами
На проклятую эту войну!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Разукрашено ветками небо,
Блеют тучи тихонько вдали,
И охапки цветущего снега
С тёплым ветром в обнимку пришли.

Я лежу на скамеечке старой
В старой майке и в старых штанах,
Пахнет родина сладким нектаром
И мой ангел парит в небесах.

Лишь в соседской огромной берлоге
Подпеваает попсе сатана,
Души-бабочки ловко он ловит,
И не кончилась в мае война...

* * *

Вышла зелень из всех берегов,
Путь не близок до отчего дома,
И закат краснощёкий без слов
Из небесного льётся проёма.

Прячет поле ромашковый взгляд,
Вдалеке, словно волны, овраги,
Напиталась дождями земля,
Расстилаясь цветными коврами.

Созревают алмазы веков,
И петляет мой путь незнакомо.
Вышла зелень из всех берегов...
И шагаю с молитвою к дому!

В ОЖИДАНИИ ЭЛЕКТРИЧКИ

Тихая канава.
Вскопан огород.
Камыши, как знамя,
Держит тонкий лёд.

Прочищают птицы
Утром голоса.
Солнце
 рыжей
 львицей
Лижет небеса.

Два столба-пьянчуги
Ищут провода.
Полотно в кольчуге
Мчит на города...

Зазвонит шлагбаум,
Заскрипит состав.
Городская заумь
Просится с холста.

Мне помашут плавно
Сквозь туман окна:
Тихая канава,
Робкая весна.

МОНОЛОГ

Бурки да калоши –
Тёплая зима.
Снег травой взъерошен,
В полусне дома.

Распластался вечер,
Дышится легко.
Фонари – как свечи
У святых икон.

Постоим, покурим,
Поразмыслим вслух:
Не несутся куры,
Не поёт петух.

Пьёт земляка солнце,
Дождик погостил,
Пот крестьянский солон
От шершавых вил.

Масленица скоро –
Хороши блины,
Заползли за ворот
Радужные сны...

Постоим, покурим –
С тенью на двоих.
Спят давно уж куры,
Лай собачий стих.

Присолю водою
Свежий помидор,
Волны солнце доят,
Горы хмурят взор.

Лягу на подстилку.
Тучи – как стада.
Наколю на вилку
Прошлые года.

Пусть сочится память
И шкварчит, как жир.
Вместо яблонь – пальмы.
Вместо слив – инжир.

Пусть вино под вечер
Мне прибавит сил –
И меня излечит
Выцветшая синь.

Двор уютный на Горе.
Мальши в колясках.
Дремлет время на коре
В гусеничной маске.

Засмотрелись этажи
На хмельные споры.
Тихо ветер прибежит,
Ляжет под забором.

Сквозь окошко луч течёт,
Капают фотоны.
Дед склонился на плечо
Жизни многотонной.

Задрожит мой телефон –
Растворятся краски...
Толкотня со всех сторон
И дороги пляска.

На воде лежит луна,
Наклонились вербы.
Сохранил тебе, волна,
И деревне верность.

Пруд ласкается, как пёс,
Прыгают рыбёшки.
С моря Чёрного привёз
Синевы немножко.

Гор морщинистых магнит
Мне тревожил душу,
И о чём прибой молчит
Я ходил послушать.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия КОПЫЧКО

ЭТА СТРАННАЯ ИГРА В СЛОВА...

Стихи чаще всего начинаются с одной пришедшей на ум строчки. Размышления на тему – с конкретной ситуации. В данном случае это был очередной стихотворный сборник, недавно вышедший из печати и подаренный мне автором – и в очередной раз испытанное замешательство.

Когда ты держишь в руках новую, еще незнакомую книгу, предвкушая встречу, ожидая открытий – в тебе просыпается ребенок, ожидающий праздника. И как жаль, если эти ожидания не оправдываются... Листаешь страницы, нетерпеливо пробегаешь глазами по строчкам – а в мыслях постепенно вырисовывается вот такая картинка. Старинная крепость. Все, как положено: стена, ров, мост. По мосту на взмыленной лошади скачет гонец, спрыгивает, колотит в ворота. Его впускают, сбегается народ: «Что такое, что случилось?!»

Гонец: Да что это... Маню нашу ухажер ейный бросил.

Народ: Тю! А случилось-то чего?

Гонец (слегка растерянно): Ну... Еще у нас свинья опоросилась... А наш сосед покрасил свой забор...

Народ: Тьфу ты! А коня-то зачем гнал?

Гонец (сердито): Зачем, зачем... За углом! Гонец я потому что!

(завес).

К чему это я? Это была попытка образно передать то чувство тягостного недоумения, которое возникает после прочтения некоторых стихов. Откуда берется это чувство? Ты видишь стихотворные строчки, ищешь, что в них... Есть форма. Но чего-то не хватает. Чего же именно? Попытаемся разобраться.

Можно сказать так: есть любительский уровень, и есть – профессиональный (хотя порой они сближаются настолько, что трудно различить). Что стоит за этими словами? Разный подход, разные критерии. Для стихов, называемых «любительскими», возможно, вполне достаточно только искренних чувств автора, вложенных в его строчки. Неискушенный читатель не замечает слабостей, но четко

ощущает эту искренность, и она воспринимается очень хорошо, и все довольны и счастливы. В этой ситуации очень легко впасть в соблазн и захотеть шагнуть на следующую ступеньку — стать членом профессионального союза.

И здесь нас поджидает ловушка. Проблема в том, что писательское удостоверение воспринимается, как некий почетный знак отличия, награда за труды. Но отдаем ли мы себе отчет, что «корочка» физически не способна ни на йоту изменить действительный уровень наших стихов? Мне кажется, что удостоверение писателя сродни водительскому удостоверению разных категорий. То есть человек (если хочет, конечно) должен вначале научиться делать свое дело на профессиональном уровне, и только после этого у него появляется право получить своему умению письменное подтверждение.

С некоторой долей шутки можно сказать и так: профессионал в данном случае отличается от любителя тем, что не только пишет стихи, но потом еще и читает их. И видит, что написал. А любитель — он хороший, душевный человек, он искренне любит писать, и пишет.

И как жаль, что он при этом то ли действительно не замечает слабостей своих текстов (что является позицией, весьма далекой от профессионализма), то ли считает, что и так сойдет (что является еще более далекой позицией).

Путь от любителя до профессионала проходит через все так называемые уровни компетенции:

— неосознанная некомпетентность (Ты умеешь играть на скрипке? — Не знаю, не пробовал);

— осознанная некомпетентность (Сократово «я знаю, что я ничего не знаю»);

— осознанная компетентность (умею, если все время себя контролирую);

— неосознанная компетентность (Как я это делаю? Ну, просто беру и делаю, и все...).

И дело не только в технических огрехах. Это — полбеда. Они иногда бывают у всех, пусть в разной пропорции. Даже если их много — терпеливый редактор, побольше потраченного времени и труда — и результат будет обязательно.

А вот если есть «внутренняя пустота» стихотворения — это, увы, не лечится. Ничем и никак. Что же это такое, откуда она берется, эта пустота? Мне представляется, что это — следствие либо нечетко выраженной в стихе главной мысли, «стержня» стиха, либо полного отсутствия какой-либо новизны, т.е. низкой информативности стиха.

Но разве автор стихов непременно обязан соблюдать какие-то правила? Ведь «стихи не пишутся — случаются»? И поэт, как и любой человек, имеет право на свободное самовыражение!

Безусловно, это так. Но все же многое зависит от того, какой именно смысл мы вкладываем в понятие «самовыражение». В этой связи не могу не вспомнить один эпизод, который когда-то произвел на меня поистине неизгладимое впечатление. Было это в нашем художественном музее, где экспонировались работы современных художников.

Представьте себе огромное полотно, примерно два на полтора метра, в сплошных разводах буквально серо-буромалинового цвета. Поверх этого местами были приклеены обрывки мужской рубашки, густо испачканные чем-то темным... На соседней картине, выполненной в том же духе, в нижней части виднелись выпуклые комочки рыжекоричневой краски, старательно, с высокой степенью узнаваемости, уложенные в форме известного «вторичного продукта»... Мы, трое взрослых, стояли, на время утратив дар речи. И тут, точнехонько по сюжету сказки про голого короля, мой малолетний сын (как истинный харьковчанин) изумленно спросил: «Мама, ШО это?!» — и мы грохнули от смеха... Хотя, честно говоря, было неловко — как-то не принято во весь голос ржать в художественном музее! — но удержаться было невозможно...

С точки зрения психологии, в данном случае смех — это отрицание, защита, барьер, не пускающий вовнутрь «отходы» чужой души, пытающиеся выдать себя за искусство.

Если кто-либо вываливает из окна свой мусор на головы прохожих — это считается хулиганством и влечет за собой наказание. А — душевный мусор?

Искусство — это далеко не всегда что-то красивое. Но это всегда что-то, что делает мир чуточку лучше — или чище. Иногда это подчеркивание чего-то негативного, уродливого — но в этом случае должно ощущаться отношение автора к этому негативному, внутреннее отрицание его.

Здесь напрашивается возражение: поэт — это человек, как правило, глубоко чувствующий. А стихи обычно пишутся тогда, когда мы «выбиты из колеи», чем-то взволнованы, глубоко затронуты. И получается: «я написал это, потому что мне было больно, тяжело» и т.д. Но это — ответ на вопрос «почему»? Этих ответов — уйма: потому что мне было плохо, хорошо, скучно, назло, с бодуна, сам не знаю...

Вопрос «почему?» — это поиск обоснований и

оправданий, взгляд назад. Но иногда лучше задать себе другой вопрос: «зачем?» На этот вопрос мы часто не знаем ответа, и не ищем его, и даже не думаем, что его надо искать.

Вопрос «зачем я написал?» – (за – чем я) – подразумевает наличие чего-то, находящегося впереди «я», чего-то, обладающего приоритетом, чего-то более существенного, чем «я». Этот вопрос – поиск цели, взгляд вперед, помогающий увидеть и понять наши неосознаваемые до этого мотивы и ценности...

Понятие «цель» как-то очень слабо ассоциируется с лирической поэзией. Тем не менее, связь между ними довольно прочна. Нам стоит только вспомнить о том, что любое стихотворение представляет собой зашифрованное сообщение, независимо от того, осознают ли это автор и читатель.

Как правило, в тексте стиха нет прямого текста сообщения, рассчитанного на сознательное восприятие. И все же это самое «Юстас – Алексу» мы считываем, часто совсем не думая об этом – потому что расшифровкой занимается наше подсознание. Это происходит, пока речевое полушарие занято рифмами, метафорами, эпитетами и т.д. То есть «у парадного подъезда» разыгрывается целый спектакль, а одновременно с этим через «черный ход» в нас совершенно беспрепятственно проникает та самая «идея», «смысл» стихотворения.

И вот здесь на передний план выходит мысль о том, какая воистину огромная ответственность ложится на плечи автора – ответственность за эту «идею». Потому что человек, казалось бы «просто» читающий ваше стихотворение, идет за вами – след в след – проходя все состояния души, пережитые вами и (вольно или невольно) отраженные в подтексте стиха.

Если стихи слабые, этого не происходит, т.к. каждая неточность, «штамп», тяжелая инверсия и т.п. сразу же сбивает внимание, приводит к «потере картинки», выходу из состояния мысленной связи. Но, если уровень мастерства автора достаточно высок, его чувство ответственности должно быть на порядок выше – потому что у человека, читающего сильные стихи, возникает такое состояние сознания, в котором он не может отделить себя от воспринимаемого объекта. Вот что пишет об этом доктор философии Кларисса Эстес в своей известной книге «Бегущая с волками»: «У последователей Юнга это называется мистическим соучастием. ...Последователи Фрейда называют это явление проективной

идентификацией. Антропологи иногда называют его симпатической магией — колдовством, основанным на внушении.

Все эти термины обозначают способность сознания на время отделяться от ЭГО и сливаться с иной реальностью, т.е. с иным способом восприятия, с иным способом понимания».

Так что же, получается, не надо писать о негативном? Отнюдь. Просто есть, как говорится, «две большие разницы». Если вы невольно наполнили текст сумраком своей души и на этом остановились — это значит, что вы привели своего читателя в темный лабиринт и там оставили. Конечно же, этот лабиринт виртуален, и читатель не будет вечно сидеть над страницей. Он закроет книгу и пойдет заниматься какими-то своими делами. Но еще не скоро изменится то внутреннее состояние, в которое ввели его ваши стихи. Если читатель — человек зрелый, умеющий собой управлять — ему это не страшно, он справится. А если нет? Ведь большинство — не умеет! Большинство — гневается, обижается, падает духом и т.д. по полной амплитуде! И у них состояние, излитое вами в стихах, застаивается надолго!

На мой взгляд, очень четко это сформулировал в одной из своих книг С. Н. Лазарев: «Автор может просто констатировать свое патологическое состояние и рассеивать его в душах слушателей. А может дать опыт преодоления патологического состояния и соответственно не вредить душам, а помогать им».

Благодаря этому опыту поэт может быть истинным врачом душ — если, проведя читателя через свою боль, через свое царство тени, выводит его (вслед за собой) на поверхность. И для этого совершенно не нужны какие-то формально «позитивные» фразы. Речь совсем не об этом. Наше сознание — очень тонкий инструмент, очень чуткий. Ему достаточно мелькнувшего в тексте «светлого пятна», крошечной детали пейзажа, какого-нибудь листика на стекле... Или как у Лорки в стихотворении «MEMENTO»:

*Когда умру,
схороните меня с гитарой
в речном песке.*

*Когда умру...
в апельсиновой роще старой,
в любом цветке.*

*Когда умру,
буду флюгером я на крыше,
на ветру.*

*Тише...
когда умру!*

Не правда ли, какой великолепный вектор!

Тут же вспоминается где-то прочитанное: оказывается, есть обоюдная связь между взглядом, направленным вниз, и подавленным состоянием психики. А, значит, всем нам стоит почаще смотреть в небо — и в жизни, и в стихах!

Мы пока очень мало знаем об огромной силе влияния слов на человеческий разум, и еще меньше — об их влиянии на все аспекты бытия. Вот только один пример.

Один из известнейших в мире психологов, Милтон Эриксон, консультировал лечащих врачей и их пациентов, имеющих психологические проблемы различной степени. К нему привели подростка, систематически нападавшего на людей с ножом. Эриксон посмотрел на него и задал только один вопрос (!): «Скажи, насколько сильно ты удивишься, когда на следующей неделе твое поведение изменится?»

Мальчик подумал и ответил: «Я очень удивлюсь!», после чего Эриксон сказал врачу: «Уведите». Врач остался в полной уверенности, что Эриксон отказался работать с этим пациентом. И каково же было его изумление, когда поведение мальчика действительно изменилось! Врач признался, что он так и не понял, что же сделал Эриксон.

А сделал он вот что: команду изменить поведение вставил в вопрос, чтобы обойти сопротивление сознания, и при этом сконструировал этот вопрос таким образом, что мальчику, чтобы ответить, насколько сильно он удивится, пришлось *п р е д с т а в и т ь* себе, что его поведение изменилось, т.е. «впустить» в себя эту команду. Кроме того, Эриксон употребил слово «когда» (а не «если»), и задал четкий срок (на следующей неделе). Это — все! Никакой мистики! Просто великолепное знание глубинных механизмов работы человеческого мозга.

Вот так действуют на нас слова обычной речи. Что же тогда говорить о словах поэтических! Ведь они обладают еще большей силой, и их влияние — намного мощнее! Почему это так?

Представьте себе кадр из фильма, где вы видите, допустим, человека, стоящего на улице. У вас возникает какое-то впечатление. А теперь представьте «наезд» камеры,

показывающей лицо этого человека крупным планом. В этом случае ваше впечатление о нем будет отличаться от первоначального, потому что оно зависит не только от содержания кадра, но и от соотношения частей, т.е. от контекста, «фона». И если рассмотреть отношения «слово как часть языка» и «слово как часть стихотворения», становится понятно, что в сравнительно небольшом объеме стихотворения каждое слово как бы «весомее», значительнее того же самого слова, употребляемого в повседневной речи. Здесь мы касаемся уже не столько литературных и психологических аспектов, сколько структуральных закономерностей.

Есть великолепная книга Юрия Лотмана, которая называется, если мне не изменяет память, «Структурный анализ поэтического текста». Позвольте поделиться с вами выпиской из этой книги: «В основе структуры художественного текста лежит стремление к максимальной насыщенности. Для того, чтобы быть пригодной для хранения и передачи информации, всякая система должна обладать следующими признаками:

1. Она должна быть системой, т.е. состоять не из случайных элементов. Каждый из элементов системы связан с остальными, т.е. в определенной мере предсказывает их.

2. Связь элементов не должна быть полностью автоматизированной. Если каждый элемент однозначно предсказывает последующий, то передать какую-либо информацию при помощи такой системы невозможно.

(Именно это явление наблюдается в словосочетаниях, традиционно называемых «литературными штампами» – авт.)

Для того, чтобы система несла информацию, надо, чтобы каждый ее элемент предсказывал некоторое количество последующих возможностей, из которых реализуется одна, т.е. чтобы одновременно работали два механизма: автоматизирующий и деавтоматизирующий».

Другими словами, создание поэтического текста в упрощенно-схематичном виде представляет собой повторяющийся процесс: задается примерное, «веерное» направление мысли, смысловое поле, а затем выбирается конкретный объект, один из нескольких возможных. От этого объекта опять задается направление и т.д.

Таким образом, при помощи этого «двухтактного» процесса поддерживается постоянное движение мысли, ведение к цели. И это движение, как лыжня, в идеале не должно прерываться. Это – стержень стиха, «арматура»,

необходимое условие его цельности, а, значит, непрерывности и цельности читательского восприятия.

И столь желанная пресловутая свобода самовыражения вот здесь и проявляется: в свободном выборе вышеназванного конкретного объекта. А заданное направление является как бы «коридором», разумно сводящим теоретически бесконечное количество возможных вариантов к приемлемому числу, что не позволяет процессу творчества превратиться в хаос. Это еще один из множества парадоксов нашего мира: свободу от хаоса отличает именно наличие границ! И, если деятели искусства неосознанно путают эти понятия, на свет появляются иногда весьма странные произведения... Но при желании этого совсем нетрудно избежать – достаточно только вспомнить великолепное высказывание Н. В. Гоголя: «Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства».

Прошу простить мою склонность к цитированию, но, все же, я не удержусь от этого еще раз, просто потому, что это помогает лучше узнавать и ценить мир, в котором мы живем. Есть восточное высказывание: никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе – учитель. Если помнить об этом постоянно, то все события в жизни воспринимаются совершенно иначе. Нам всегда есть чему поучиться и друг у друга, и тем более у классиков. Итак, Фредерико Гарсиа Лорка: «Пусть установится между людьми любовное общение, пусть свяжет их чудесная цепь духовного единения, ведь это к нему стремятся слово, кисть, резец и все искусства».

Ирина ЧУПИС

СТРАНА БЕЗ СПАСА НА ЛЮБВИ

* * *

Неидеальность — вот исток
Всего, что нам для жизни надо.
Ведь даже солнечный поток —
Итог идущего распада
Внутри светила. Мы живем
Благодаря потоку света.
Его живительным лучом
С рожденья наша жизнь согрета.
И у любви, как у луча,
Неидеальности эгида:
Один настроен получать,
В другом — энергии избыток.
Лучит любовью Купидон
Из глаз того, кто в возбужденье,
Тому, кто хочет быть спасен, —
И жизнь находит продолженье.
А в европейской стороне
Преобладает вымиранье:
Самодостаточность в цене,
Идет борьба за выживание.
Любви порывов лишены
Самодостаточные лица,
И не настроены они
Добром и чувствами делиться.
Теперь и мы увлечены
Той европейскою моделью.
Для многих жителей страны
Товар и деньги стали целью.
Спасем же ценности свои, —
К чему слепое подражанье?
Обречена на умиранье
Страна без Спаса на Любви.

* * *

Опомнитесь, наследники Советов,
Предавшие анафеме отцов,
Высокие идеи и заветы
Октябрьской революции борцов!

Наследники, не плюйте на могилы
Родителей, и грешных, и святых!
Вам дали жизнь солдаты светлой силы, —
Так добрым словом помяните их!

Опомнитесь, иначе в судный час
Родные дети проклянут и вас!

* * *

Итак, страна идет на Запад, —
В верхах об этом говорят.
Нам европейский вектор задан
Поспешно двадцать лет назад!
А наше мнение спросили
Те, кто дорвался до руля?
Бегом от матушки России
Пустились, прошлое хуля.
Какое гнусное коварство!
Какой расчетливый цинизм:
Забывать, что наше государство
Создал «проклятый» коммунизм!
Он земли дал, дал индустрию,
Державный статус, наконец!
И если матушка — Россия,
То он — заботливый отец.
Мы помним это. Нас немало —
Не позабывших о родстве.
Мы голоса свои отдали
За тех, кто нынче в большинстве
Верховной Рады. Так дерзните
Свершить обещанное нам!
Страну к России поверните,
К родным направьте берегам!

* * *

Дали взглядом обнимаю,
Вздых — и душу отпускаю
Из распахнутой груди
На просторы впереди
Улететь свободной птицей,
Над лесами покружиться
И, почувствовав с восторгом
Восходящие потоки,
Обрести приют спокойный
На вершинах колоколен,
На макушках золотых
Всех обитателей святых.

* * *

Где в горе найду утешенье?
— В тиши, мое сердце, в тиши,
От суетных мест в отдаленье,
В лесной и озерной глуши.

Чье слово грехи мне отпустит,
Кто нужные скажет слова?
— Надейся на Оптину Пустынь,
Там совесть людская жива.

В толпе, в обстановке нервной,
Присущей любым городам,
Мы — жертвы страстей всевозможных,
Терзающих душу. А там,
В Скиту, куда взгляд свой ни кинешь, —
Лесные пространства в тиши,
Пустыни — души берегини,
Целители нашей души.

2

У меня над изголовьем
Семь иконок с Пресвятой,
От которых добротой
Навевает
 и любовью!
Всякий раз я,
 засыпая,
Окунаюсь в волны сна...
Губы шепнут:
 «Пресвятая!»
И склоняется она
Пусть не явно,
 а виденьем,
Пусть все это —
 лишь мираж!
Охватившее волнение
На словах не передашь.
Вечереет
 иль светает,
День в разгаре
 или ночь,
Всем готова Пресвятая,
К ней взывающим,
 помочь —
То ль чудесным исцеленьем
От страдания-недуга.
То ль счастливым «прибавленьем»
Для супруги
 и супруга.
К ней порыв не остывает,
С нею в жизни крах —
 не крах!
Вот такая Пресвятая
В наших душах
 и сердцах.

3

Если тяжесть,
 словно гиря,
Давит,
 на сердце ложится,

Значит,
 время помолиться
Богоматери Марии,
Сокровенным поделиться
С Нею тем,
 что очень гложет.
И Небесная Царица
Успокоит
 и поможет.
Станет искренним
 и чистым
Все, что было,
 как в тумане.
Взгляд Владычицы лучистый
Обнадежит,
 не обманет.
И совсем уже несложно
Будет вникнуть мне в основу,
Как молитвенному слову
Тяжко в ауре безбожной!
Выжить с ним и я пытаюсь,
Как бы беды не морили...
Шепчут губы:
«Пресвятая!
 Благодатная Мария!»
И уходят восвояси
Распри,
 ненависти, страсти...
Лик Марии чист
 и ясен,
Полон к страждущим участия.

4

В снегу ль земля
 или в росе,
Темно
 иль солнце светит,
У Богородицы мы все
Без исключенья — дети!
Нам всем об этом надо знать,
С рождения
 до смерти,

Что есть одна на всех нас Мать,
Одна –
на белом свете!
Когда нам с каждым днем больней
И вдребезги успехи,
Мы исповедуемся ей
За наши все огрехи.
Нам надобны прощенья,
Седеющим,
уставшим,
За наши прегрешенья
И все стыдоты наши.
За словом слово молвится
Спокойно так,
не горестно.
И мне пред Богородицей
До слез бывает совестно.
И тяжесть моя крошится,
Легчая,
рассыпается,
И что-то из хорошего
В груди моей рождается.

5

Меня безбожники корили,
Словами хлестким пытали
За то,
что к Матери Марии
Порывы светлые питал я.
И хоть в былом то было,
в прошлом,
Во времена бездушных хамов,
Но и сейчас шикует пошлость
При возвышающихся храмах,
При переливах колокольных
То с передыхами,
то бойко...
Топорных лбов
и толоконных
Не поубавилось нисколько.
И нынче тьма душою нищих,
Сосредоточены их лица:

7

У тех,
кто мам лишились рано,
Любовь к Владычице сильней.
Они идут, волнуясь, к Ней,
Чтоб залечить сиротства раны.
Прекрасный пол и чистотой,
И долей женской,
этим истой,
Молясь,
взывает к Пресвятой
О главном в жизни —
материнстве,
Чтоб бесконечности начало
Конца не знало на земле...
Недавно счастье и ко мне
Рожденным внуком постучало.
Куда девались боли сердца
И приземленности души!
Не из глубоких бездн —
с вершин
Ко мне спланировало детство.
И пусть я где-то повторяюсь
Строкой возвышенно-возвратной,
Но я признательно склоняюсь
Перед Марией Благодатной
За луч-линёк на перекате,
Где убегали тени прочь,
За то,
что мне всегда помочь
Была готова Богоматерь.

8

Пришла пора остановиться
На этой строчке
или той,
Со мной идущих к Пресвятой,
К Небесной Матери Царице,
Не вкривь и вкось идут,
а прямо,
У строк моих одна дорога,
У них мечта —
под сводом Храма

Воздать своей молитвой Богу
И Богородице с Младенцем,
От свечки свечки зажигая
И к ликам Божьим припадая
Душою грешною
 и сердцем.
Но это в Храме,
 это в Храме,
А дома,
 возле изголовья,
Глаза Марии,
 как у мамы,
Взирают на меня с любовью,
Не упрекая,
 не ругая,
И я предать Ее не смею,
Шепча молитву: «Пресвятая...»
Крестясь при этом,
 как умею.
Остаток жизни —
 не недостаток
Упругих мышц,
 защитных слов...
«Спаси, Мария, от нападок
Друзей,
 коварнее врагов!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как в кинофильмах,
 где за кадром
Немало чуда остается,
Так в песнях этих,
 чуть не в каждой,
Как бы на доньшко колодца,
Слова в душе моей залягут,
Чтоб выйти после на свет Божий
И стать глотком воды из фляги,
Ориентиром в бездорожье,
Щитом надежным в поле битвы,
В грозу нещадную —
 укрытьем

И дополнением к молитвам,
И пониманием событий.
Они играют роль не груза,
А что-то вроде оперенья,
Чтоб проходила жизнь со вкусом,
Чтоб Богу было поклоненье.
Слова такие и подруга
К седлу для моего Пегаса,
И плечи истинного друга,
Предотвращавшие опасность.
Они –
 исток незамутненный
Дли новых творческих течений,
Где я,
 красивым и влюбленным,
И молодым,
 светясь волнением,
Иду по жизни с Богом в сердце
И с Благодатною Марией,
Где дали чистые,
 как детство,
На все сторонushки четыре.
2010

ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЕ БОГОРОДИЦЕ

Даже не знаю, сколько раз приступал в течение года к признанию в любви и обожании Богородице и все безуспешно: то казалось мне отпущенных грехов не хватает, то молитвенного коленопреклонения, то везения на вдохновение, похожего на печать-разрешение на сказ-изложение. Окидываю сейчас жизнь свою памятью со скользющим взглядом по иконам Богородицы в безбожное время и с просящими глазами у нее целительных сил – сегодня.

Еще в 2004 году у меня появился рассказ «Слава Тебе, Господи!» и «Дорога до Бога» в 2005. Чуть позже были написаны «Отче наш», «Зерна духовности» и «Воскресные колокола», а повествование о Богородице все откладывалось и откладывалось до лучших времен. Так мы всегда о самом близком человеке говорим или пишем хорошее в самую

последнюю очередь, мол, он не обидится и еще успеется. В моей комнате больше всех икон с Богородицей, и молитвы утренние и вечерние я начинаю с обращения к Пресвятой и Покровительнице всех больных и сирых. Помнятся строки, написанные мной лет пять назад: «От судьбы своей, прочего кроме, // Я хотел бы ни много, ни мало, // Чтоб со мною всегда были в доме // Матерь Божья, любави и мама».

Сейчас — ни мамы рядом, ни любавы нет, зачем я ей больной? Одна лишь Богородица в беде при мне находится. Она лишь одна провожала меня на первую, вторую и третью операции, и рядом была, когда я из трех бед выходил. И нынче, молясь ей, Её ощущаю и, страхом ночных не боясь, засыпаю: «Обращаюсь ежедневно // К Пресвятой я, безутешный, // А она глядит негневно, // Свет неся во мрак кромешный. // У нее прошу защиты // От жестокости и злобы, // Чтобы не было хворобы, // С глаза с глаз полужакрытых».

Не могу сейчас простить себе, как долго на краю обрыва жил без духовного порыва, во лжи бесстыдно-обнаженной, где вдрызг забыт был день прощенный.

После умершей матушки делюсь с Пресвятой болью своей и всем сокровенным. Я еще на берегу времени жизни, но не в прыжке, а в полушаге от берега смертной вечности. Вчера только что увидел и услышал по телевизору от серьезно больной Валентины Толкуновой откровения о том, что настала пора приучать себя не только к уходу со сцены, но и из жизни. Прошу тебя, Богородица, продлить дни жизни на земле этой лучисто-улыбчивой женщине. Мне так хочется, встав перед Тобою на колени, прошептать слова молитвы, как бы оправдываясь за свое долгое, дремучее безбожие, за свой равнодушный взгляд, десятилетиями скользивший по иконному изображению Владычицы с маленьким Иисусом, за все свои боли, нанесенные родным, друзьям и братьям нашим меньшим, защиты не имевшим, за что произвольно сейчас мне очень больно. За все, в чем нынче каюсь, с молитвой обращаюсь: «Богородица, шепчу, Пресвятая! // И как будто бы лечу, улетаю // И душа от чистых слов молодеет. // Богородица! Теплом, миром веет. // Вечер звездную парчу вновь верстает... // Богородица, шепчу, Пресвятая!»

Сколько же надо было пройти мне дорог с крутыми изворотами, сколько дней потерянных и надежд развеянных непогодой ветреной с жизнью полускладной, очень неуверенной — день прошел и ладно! Стыдно и досадно! Заливать глаза мы умели, обижать слабых и милых,

ласкавшихся к нам усатых зверюшек нас научила бездушная жизнь, а вот прийти на помощь к зверьку с отмороженными лапками нам, свидетель Бог, слабо! Смотрю по телевизору, на канале, к сожалению, не нашенском, как общество спасения животных беспокоится о них, и слезы накатываются при виде спасения каждого четвероногого бедолаги. Только что получил письмо от своего собрата по перу, светлого душой украинского поэта и прозаика Мыколы Мачкивского, сообщавшего мне, что его одиночество сейчас разделяет с ним травмированный голубь, которого друг мой подобрал на улице. Голубь настолько привык к хозяину, что часами дремлет у него на коленях, а, проснувшись, вспрыгивает ему на плечо, норовя щипнуть своего спасителя за нос и за ухо. Я сам сейчас зимне-заснеженным днем прямо оттаиваю душой, кормя каждое утро большущую сучку, пристроившую семерых кутят под плитой нашего подъезда. А из подвального отверстия, расположенного по другую сторону этого же подъезда, ежесуточно выходят ко мне и к общему «столу» шесть-семь кошек, обмануть которых своей неявкой я просто уже не могу на протяжении многих лет. Может быть, этому спасению меня сама Богородица и научила. На днях, кормя своих питомцев, услышал слова еще нестарого прохожего, спешащего на вокзал по пешеходной дорожке: «Дай Бог тебе здоровья, мил-человек!» От этих слов по всему телу пробежало тепло, как будто холодно-мерзкий ветер вмиг переменился на дуновение весны.

Не скрою, что пишу об этом с чувством душевного облегчения, поскольку часто слышал совершенно противоположное с издевкой высмеивания: «Грехи подачками не смоешь, друж-бан семейств кошачьих!» Мне раньше хватало сил для достойного ответа этим злопыхателям, но нынче, так уж случилось, со мной одна лишь старость да эти бедолаги, моих болезней стяги.

Все бы ничего, но оскудение запасов сил моих сказывается на общем настроении с потерей чувственных порывов, как ориентиров, с крушеньем-обрушеньем возвышенных целей, с неверием в собственное мнение, где одни сомнения, где, что было свойственно, стало вдруг не родственно. Если б не духовные силы, вошедшие в меня с приходом моим к Богу, дела б мои были совсем никудышными. Помогли мои молитвы, обращенные к Нему, мое покаяние и мое участие в добрых деяниях, где у меня есть достойный пример совершенствоваться в своих добрых поступках — это Пресвятая Богородица, которая хранит меня, особенно в дороге, полной тревоги, чтоб я не ощущал ни страха, ни

сглаза, и ни любой заразы.

Спасительные чуда Божьей Матери привели к тому, что я чаще стал обращаться к Ней, чем к Самому Господу Богу. Объяснение этому нахожу в том, что мы, начиная с детства, со своими болями и обидами обращались больше к своим жалостливым мамам, нежели к строгим, пусть даже только на вид, своим отцам. Мы все, как один, являемся детьми нашей матери Божьей. Вот почему я спешу к Ней за помощью неотложной, стараясь этим не очень злоупотреблять. Я даже на днях по этому случаю стих сложил: «На этом белом свете // Мы у Нее все дети. // Не судит, не карает, // Быть гневной не может, // Поскольку Пресвятая // Она и Матерь Божья. // Спешу пред Ней склониться, // Молитвы повторяя. // Небесная Царица, // Владычица земная. // Она в беду попавшим, // Не мешкая, поможет, // Спасительница наша // И наша Матерь Божья».

То, что Она – Спасительница, убедился, когда лежал один в интенсивной послеоперационной палате, уставясь глазами со слезами от радости, что жив, поверх угла, куда я воображаемо поместил икону Владимирской Божьей Матери, прося у нее помощи всей моей немощью. Может быть, именно поэтому я быстро пошел на поправку, радуясь насыщенному желтому, «бабьелетнему» лучу, прошмыгнувшему ко мне в форточку окна, задев на ней тесемку-паутинку. Богородицы, повторюсь, не было в углу палаты, но я чувствовал ее присутствие в образе сестры милосердия, склоненной надо мной, возможно, я бредил, но бред этот, схожий с явью, был конкретно-усерден и тоже ко мне милосерден.

В который раз задаюсь вопросом, как можно было, вереща, вещать о гуманизме в социализме по «телеку» и радио без Бога в душе, с совестью не ладя. Мне многое нравилось и нравится в былом, что когда-то было, но и были быдла, атеистов своры, на расправу скоры. Был и я подлючим в той безбожной куче, споря, лез из кожи с бесовскою рожей. Не во мне лишь бес сидел в бездуховный беспредел. Мне грехов своих не вымолить, мне б молитв побольше вымолвить пред Тобою, Матерь Божья, ночью в темь и днем погожим. Конечно же, мне вовек теперь не забыть такие молитвы, как «Отче наш...» или «Во имя Отца, Сына и Святага Духа. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». О них и как я шел к ним, мне уже доводилось рассказывать. Сегодня же рассказ мой о Владычице Пресвятой. Вполне сознаю свою ответственность и заранее прошу прощения за волнение свое у Царицы Небесной, за то, что взял на себя смелость написать

о Ней повествование, вложив в него старание, все печали-горести, все успехи-гордости, все до кучи радости, все молитвы-святости, что в народе нашем — Ей, за всех скорбящей!

Потом разговаривал с менеджером городского отдела по туризму и путешествиям Валентиной Галкиной, прося ее об организации автобусной экскурсии до Свято-Успенской Почаев-ской Лавры, вселяя в нее уверенность, что мое желание увидеть эти святые места совпадет с желанием многих моих земляков-чугуевцев. Валентина пообещала заняться этим вопросом, как только потеплеет. «Запиши меня первым, Валентина, на удачу и для почина!» — сказал я, уходя и обещая ей обо всем этом напомнить перед летом. Мне довелось до этого посетить три Лавры — Александро-Невскую, Киево-Печерскую и Свято-Успенскую Святогорскую. Так что увидеть Почаево-Успенскую Лавру мне сам Господь велел:

Почаевскую Лавру,
Владычицы обитель,
Я должен, Боже правый,
Кровь из носу, увидеть.

Сколько же раз я собирался посетить эти чудные места, да все откладывал, ссылаясь на нехватку времени! А речи, как песни, лились из уст паломников, побывавших в тех краях, освещенных солнцем и освященных Самим Господом Богом. Мне же, без того грешному, в отличие от иногородних, не надобно было накапливать дополнительных грехов, чтоб поехать в те святые места с покаянием своим. Добираться было всего ничего — около трех часов на автобусе. И все же что-то удерживало. А прибывшие оттуда вновь и вновь рассказывали с такой страстью о Святогорской лавре и ее очистительных свойства, что, казалось, эта лавра и есть одно из непосредственных земных владений Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа.

Не зря мне часто представлялось, что ступать в лавру надо с чистыми помыслами, светлой душой и легким сердцем, чтоб ощутить вдруг крылья вместо рук, волю вволю и веру до конца в Бога, нашего Творца. Я медлил, откладывая поездку, не боясь чего-то, а скорее в чем-то не решаясь и сомневаясь в своей подготовленности в духовном аспекте. В памяти всплывала Киево-Печерская лавра, виденная мной в атеистском мареве, без проникновения в душу значимого и личностного.

А поехал я в Святогорск как-то случайно, особенно не готовясь, и ни о чем не задумываясь. В жизни так бывает. В

дороге думал о том, что в Киево-Печерскую лавру лет тридцать назад я ехал как на любознательную экскурсию - пришел, увидел и... забыл. Сейчас же (в какой-то мере) приближался к новоявленной лавре на правах паломника, чтоб увидеть, помолиться и покаяться в грехах своих. Уже издали Святые горы и сказочное пространственное окружение их представляли близкое сходство с раем. В долине живописно протекал Донец, над которым возвышались купола храмов, меловые горы, покрытые прямо-таки редкостной растительностью, плыли причудливой формы облака.

Я, Божьей милостью поэт, мирянин и христианин, очень далек от политики, от ее разнозарядных полюсов и арканных поясов. Но даже меня, от природы покладистого и неконфликтного, бросила в растерянность программа буклета, приглашающая на пешеходные экскурсии, где первым пунктом предлагалось взойти на горы Артема (Святые горы) с посещением лавры и т.д. Сразу же захотелось восстановить справедливость, рассказать всем, что Святые горы обязаны своей святостью не большевику Артему, а древнейшей летописи, упоминаемой еще Нестором, пещерному монастырю, действовавшему уже, по некоторым версиям, с XI столетия. И совсем некстати посещение лавры идет вторым пунктом, поскольку дорога верующих прокладывается молитвами к лавре, а не к горе Артема.

«Что ты имеешь вообще и в частности против Артема?», — недобро спросит меня пожилой человек с коммунистическим сознанием. Да абсолютно ничего. «Артему» здесь комфортно стоялось, когда не санаторий был при монастыре, а монастырь при санатории для шахтеров, набиравших сил. Тогда молитвы подменялись славословиями вождям, один из которых большевистским исполином стоит до сих пор на Святой горе.

Уже нет ни страны, за которую боролся Артем, нет рухнувшего социализма, и Святогорский мужской монастырь стал лаврой - местом поклонения верующих, а «Артем» стоит, правда, уже не так вольготно. Рано или поздно его снесут, но лучше было бы его сейчас перенести, как историческую личность, не в Артемовск, где уже стоит подобный памятник, а в Донецк, допустим, или Луганск. Лавра тогда бы вдвойне несла верующим Господне благословение на исцеление.

После такого пространственного отступления при описании своего впечатления о посещении Святогорской лавры мне бы хотелось действительно возвышенно сказать

о Святых горах, об очищении души в лабиринтах пещерных ходов с духовным дуновением, идущим по подземным каналам от самого, наверное, Царства Небесного. Не потому ли при выходе из пещер ощущается какая-то легкость внутри, близкая к невесомости. Батюшка объяснил эту легкость многолетней намоленностью пещер божьими людьми, скрывавшимися от внешней враждебной среды, которую несли кочевые воинственные племена. Святые горы, пещерные затворнические места, первозданные уголки земли сделали Святогорскую лавру как бы природным иконостасом для многочисленных верующих, прибывающих к ней.

Всем известно, что в Украине три лавры: Киево-Печерская (с 1598 г.), Почаево-Успенская (с 1833 г.) и Свято-Успенская Святогорская (с 2004 г.). Как-то всеукраинским опросом предлагалось назвать семь чудес Украины - семь памятных мест. Я был удивлен, а заодно и огорчен тем, что национальный Святогорский природный парк «Святые горы» вместе с только что ставшей Свято-Успенской Святогорской лаврой не вошли даже в список претендентов! Думаю, причина кроется, скорее всего, в громаде-памятнике Артему, поглощающей вольно или невольно природный фон и духовную ауру окружающей среды. Все стало бы на свое место, если б отдали Богу Богово. В этом суть разрешения назревшей необходимости по справедливости.

Лавре противопоказано не только насилие, но и упоминание о нем, да и раздвоение двух пешеходных дорог - к Богу и «Артему» претит праведному смыслу. Двух мнений быть не может в том, что на месте «Артема» должно стоять воплощение Самого Творца или кого-то из возведенных в лик святых. Сама святогорская земля со всеми на ней живыми существами ратует за это, и само над нею небо с его громами, лучами и ветрами взывает к этому.

Вот с такими думами покидал я Святогорскую лавру, давая себе обет бывать здесь чаще, чтоб испытывать, как в этот раз, одухотворенность, полет мыслей чистых, просветленность глаз и ощущение силы рук и крепости ног. Очень захотелось увидеть Почаево-Успенскую лавру, хотя бы потому, что вот уже шестой год меня хранит от сковывающего страха по ночам образок Почаевской Богоматери, которую ношу у себя на груди. Помню, в молодости, в разгар свадебного путешествия, будучи в Ленинграде, мы с женой посетили Александро-Невскую лавру, но я был молод и настолько безбожен, что до меня десятилетиями не доходил смысл слова «лавра». Атеистская пелена застилала глаза, духовные

волны бились, как в бетонную дамбу, в «моральный кодекс строителя коммунизма», теряя силу молитвенного воздействия. «В доме ни иконы, // Ни лампадки даже. // Души миллионов // Были, будто в саже». Даже до меня, весьма аполитичного, со временем дошло, что если бы компартия не боролась с особой жесткостью с духовенством, то моральный кодекс строителя коммунизма был бы постулатом-братом десяти Божьим заповедям. Но, увы, случилось то, что должно было случиться: ни страны, ни кодекса, ни светлой жизни в коммунизме. Одна надежда лишь на Бога, к нему мой путь, моя дорога!

Петр ПРУДНИКОВ
ТРЕВОГА И РАДОСТЬ ДУШИ

* * *

Я сам свою выбрал дорогу...
Поклоны отвесил судьбе...
И с помощью Господа Бога
Спешу на свиданье к тебе...
И в этом святейшем
порыве
Душа о тебе лишь болит.
Спешу на потрёпанных
крыльях,
Латая свой рыцарский вид...
Признанием можно согреться,
Как ярким рассветом
большим...
В моей откровенности
сердца
Тревога и радость души...

* * *

Всё таится во мраке кромешном,
Взять хотя бы одну из примет:
Почему мы с тобой стали грешны,
Прежде чем появится на свет?..

И за всех нам придётся молиться,
Отгоняя навеянный страх
В горе, в радости будет кружиться
И смеяться, и плакать в грехах...

Окрестит озаренье с порога
С ритмом сердца ударов глухих...
Нам молитва – тропинка до Бога
За свои и чужие грехи...

СУДЬБА ТАКАЯ...

Сколько можно через силу?
Сколько можно через край?
Не пойдёт душа в могилу,
Улетит в небесный рай.

Там в дали, в просторе звёздном,
Место сыщется для ней,
Будет жарко и морозно
До особых лучших дней.

А потом найдёт дорогу
К сердцу нового раба.
И за то спасибо Богу,
Что такая ест судьба.

* * *

«Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек».

С. Есенин

Разливается звон колокольный.
Много лет он звучит на Руси.
В нём и радость замешана с болью,
И приливы надежды и сил...

Отходя от всего понемногу,
От обычных сует и нужды,
Мы с мольбой обращаемся к Богу,
Чтоб заметил он наши труды.

Покрестившись на образ с лампадкой,
Мы поставим ушедшим свечу,
Кто своё отмечал, хоть украдкой:
«Может, тоже я в рай улечу...»

Разливается звон колокольный,
Полнит радость и боль через край...
И подумаешь, как-то невольно,
Слишком много желающих в рай.

ОСНОВЯНСКИЙ СОБОР

Ко всему мы привыкаем,
Что судьба подкинет нам?..
Позолотою сверкает
Основянский Божий храм...

С благовещенским собором
Основянский не сравнить,
Но гордится церковь хором
И звонарь мастак звонит.

В алтаре убранство Божье,
Озаренье от лампад,
Путь Святых по бездорожью
В преподобный Божий сад.

Иисусово распятие
Из души слезу добудет...
Говорят все люди братья.
Но от куда же Иуды?..

Мне на сердце станет легче,
Если храм не обминуть;
Я пришёл поставить свечку –
Мать родную помянуть...

Светлана СМОЛЕНСКАЯ
«ВСПОМНЯТСЯ НЕ ЛИЦА — ЛИКИ...»

Снег падал невпопад,
мечтательно,
не к месту.

Витая в эмпиреях облаков
среди крошечных звезд
во времени разверстом,
запаздывал на тысячу веков.

Минуло столько зим,
сменились поколения,
но сохранил он чистоты обет,
чтобы однажды вновь,
как в первый день творенья,
божественным был явлен белый свет.

Снег ли сыплет, или тишина
тает на лице и на ладони?
Мы живём в такие времена:
если вдруг в заботах не утонем,
повезёт не захлебнуться ложью,
пошлости не одолеет смрад,
выгребем на свет белейший Божий
в этот милосердный снегопад,
что ко всем на равных расположен.

Снег ли сыплет, или благодать
падает на голову и плечи?
Если оправдаться будут нечем,
незачем бездушные скрывать,
может быть, увидим, наконец,
разглядим сквозь пелену метели,
как же бесподобен, в самом деле,
мир, который выдумал Творец!

Театральная завеса —
ни отдёрнуть, ни сорвать.
Жизни плохонькая пьеса.
Нам в ней выпало играть.

Все подложно: люди, лица,
сны, события, имена.
Вот какие небылицы.
Вот какие времена.

Вспомнятся не лица — лики,
миг, что смысла не лишён.
Вспомнится Потоп великий.
Но и он уже прошёл.

Господи, ты ведал, что творил
в день, когда судьбу на нас обрушил:
наши неприкаянные души
где-то в небесах соединил...

Может быть, одним на целый свет
вынул и подал благословенье,
простакам, неверам в провиденье,
верующим в то, что Бога нет.

Господи, ты знал, как укорить
удостоенных нежданной чести.
Маемся не розно и не вместе,
убоявшиеся полюбить.

Отворите мне день поутру!
Дятел тоже стучит о кору,
и ему отворяется лес
от корней до вершин, до небес.
Вот и я всё долблю и долблю,
чтобы жизнь не равнялась нулю.
То ли тяжко над словом тружусь,
то ли дом обиходить берусь,

хлеб насущный в поту добываю.
Всё не попусту срок добываю
свой нелёгкий, короткий земной.
Кто-то пустится следом за мной
докопаться и выудить суть.
Было б дело — отыщется путь.
И не столько в расчете на счастье —
до других бы сердец достучаться!

И отказа в открытиях нет:
каждый день проливается свет,
всякий раз воздаётся сторицей.

Исполняя Господен совет,
постучите!
И вам отворится.

В.Б.

Не верю, мой друг, не верю,
что выдох последний выжат,
что вновь тебя не увижу.
Никем наш предел не мерян.
Когда тот предел преступим?
Но каждый из нас преступен
и каждый из нас безбожен,
затем, что так мало можем
заботиться друг о друге.
Неведомый адский уголь
покуда не жжет нам ступни,
хоть каждый из нас отступник,
затем, что, идя на убыль,
так мало друг друга любим.
Но надо не падать духом
и жить.

И земля нам пухом!

Велик ли грех: друг друга взять займы?
Не надолго, но тайно, запрещённо
на час-другой, покуда оба мы,
пропащие, прощённое прощёных.

Велик ли грех — скрипучая кровать?
Ты снова назовёшь её певучей.
Но, всякий раз, я, прежде чем обнять, —
прощенье... про себя... на всякий случай...

Чтоб не в ответе — ни женой, ни мужем,
а так...

Вдвоём легко ли налегке?
Зрачок пространства до предела сужен:
до родинки, до ямки на щеке.

Любовь ли жжет, или тоска по ней,
страстей ли неизбежность нами движет?
Но в этот час нет никого родней,
и никого? душой и телом ближе.

Грех или нет — не стоит усложнять,
выпытывать судьбу, покуда вместе.
...Но, всякий раз, ты, прежде чем обнять,
натальный второпях снимаешь крестик.

Ильюшке

Головёнка твоя золотая,
солнцем полные волоса.
День мой мерк, убывал, угасал,
а теперь словно снова светает.

Сколько тщетных трудов и усердий,
горя вдосталь, удачи в обрез!
Знать, Всевышний ко мне милосерден,
если ангел спустился с небес.

В этой жизни, казалось, никчёмной,
что-то кроется наверняка.
То ли крылышко, то ли ручонка
на прощание машет:

Пока!

ПОЕЗІЯ

В'ячеслав РОМАНОВСЬКИЙ

НЕ ВІЧНІ МИ — ТА ВІЧНЕ СЛОВО!

Провесінь...
Усе в обнові —
І природа, і серця.
Торжествує дух Любові,
Торжествує дух Творця.

Підбадьорює сопілка —
На побачення іду!
І душа, неначе бджілка,
У розквітлому саду.

Люди, не ховайте доброту,
Наче птаху в клітку золоту.

Хай промінчик мудрого Творця
Затепліє в студжених серцях.

І душа зчерствіла оживе —
Щось у грудях вродиться нове.

І ми будем іншими тоді:
Більш чутливі, щедрі, молоді...

Люди, не ховайте доброту,
Наче птаху в клітку золоту.

Ти між рядків живеш, між строф —
І там, як музика звучиш.
Дарує зустріч Саваоф,
Щебече весело нам чиж.

Глаголять радістю вуста.
Погідь в природі і серцях —
То спільна доля пророста,
Освячена перстом Творця.

Чужа мораль чужих світів
Для нас прийнятною не буде!
Ми — інші, зовсім інші люди,
Яким Бог сонце засвітив.

А істина — вона одна —
У серці, розумі, довкола.
Космічним нерозривним колом
Під стягом мудрості єдна.

НА ВЕЛИКДЕНЬ

Де крейдяні звелися гори
Над бором й Сіверським Дінцем,
Де голубішають простори
Й церковка виситься вінцем —

Ось там, отам у Святогах,
Душа злітає до небес.
І знають там і друг. І ворг:
Христос воістину воскрес!

Дороги праведні і грішні,
Думки і ниці, і горішні
Бентежать нас і нас ведуть
До смітника чи цвіту вишні.
Та длань свою простяг Всевишній
Надією крізь каламуть.

У цьому метушливім світі
Ми вочевидь усі, мов діти,
Не розуміємо добра.
Лукавий закидає сіті,
Щоб полишили думи світлі,
Забули матір і сябра.

Та є Великоднева милість:
У ній прозріли, оновились,
У ній блаженствує душа!
У ній одній одважні крила,
Із Божим Духом Божа сила,
Що береже нас і втіша...

ДО СЛОВА

Диптих

1.

Єднає слово з Богом і землею,
Що йде від серця щирого, святе...
У нім нема ні крапельки елею,
Бо правдою несхибною цвіте!

Бо чуле, бо глибоке, бо хоробре —
У нім увесь у трепет переливсь.
І лише ним увись злітав, за обрій,
І світлим ним молився і молив...

2.

Глибінь могутню має слово
І недосяжну висоту,
Якщо і зміст його й основу
Не звів марно на полову,
У зерні вгледів красоту.

І хижо страчене — воно
Не завжди втрачене. Бо генне.
У невимовнім сокровенне
Таїть, як знане й незбагненне,
Як джерело і як вино...
Не вічні ми — та вічне слово!

Аж зуби заломить одразу кринична вода,
А п'ю — не нап'юсь, бо смакує дитинством далеким.
Ще згадує хата, люстерками шиб вигляда,
Гостинно клекоче з гнізда верхового лелека.

Я — вдома, я — вдома! Радіє євшанно земля.
Вона не зник ома, А спогади трепетні, світлі...

З городу хустинка матусі майне іздала,
Гвонуся назустріч, а неньки нема на цім світі.

Залишилась яблуня, вже напіввсохла, стара.
Вона пам'ятала бабусю і нас — малюками.
А час, хоч безжальний, у серці не все витира,
Що панькало, гріло і що запеклося роками.

На хресній дорозі, що нас од порогу веде
Всевишнього ласку і нові дива відкривати
І отча любов, і завзяття душі молоде..
Хіба ж ми посміємо, брате, оце забувати?

Пам'яті Валерія Замесова

Хоч сонечко все те ж над пругом,
А багатьох колег нема.
Коли не стало мого друга,
У душу глянула зима.

І зашпори ввігнала гострі,
Скувала кригою слова.
Була безжальна, наче постріл,
Аж тліла болем голова.

А небеса не відцвітали,
І морок був лише вночі.
І наче з пісні відлітали
Із ним до вирію ключі...

Роман ЛЕВИН
ДАННОСТЬ

ДАННОСТЬ

Проблемы, разногласия, конфликты
Меж странами, народами, людьми
В истории всё это не реликты,
А данность, как её не назови.

Вот только бы поменьше слёз и крови,
Провидения побольше и ума
Для всех религий и для всех сословий,
Друг к другу неприязненных весьма.

Молясь Христу, Аллаху или Будде,
Пусть осознает каждая душа,
Что все мы с вами люди и не люди.
Тут и проходит главная межа.

Меж нами всеми, мною и тобою,
Меж правдой и неправдой, злом-добром.
Но кто есть кто, так велено судьбою,
Мы узнаем, когда лишь грянет гром.

* * *

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышит почва и судьба.

Бор. Пастернак

Без декораций и без грима нет театра.
В поэзии же гриму места нет.
Так было в прошлом и так будет завтра –
Лишь искренность - и в этом весь поэт.

Не важно, классик, иль авангардист он.
Крут образ, или трогательно прост.
Но он не должен выглядеть артистом.
Его раздумья - личны и всерьез.

А вовсе не сценично показушны.
Его судьба тот самый режиссёр,
Что правдой жизни наполняет душу
И чувственно выводит на простор.

Житейской сцены искренние строки.
Вот только б попытаться как-то вновь
В мир бездуховный, что погряз в пороке,
Вернуть Надежду, Веру и Любовь.

ГОРЕСТНАЯ ПОТЕРЯ

Не важно, старше мы или моложе:
Любовь, мечта, восторг и благодать -
Нет ничего печальнее и горше,
Чем это все однажды потерять.

И чувства несравненного лишиться,
Которым был когда-то опьянен,
С которым и вставал ты и ложился,
Что было для тебя, как явь и сон.

И вот теперь та сладостность терзаний:
Придет единственная иль не придёт,
Всего лишь цепь былых воспоминаний,
Чего никто вовеки не вернет.

Я созерцаю милых женщин лица,
Любуюсь ими с ног до головы.
Но чтобы в них, как некогда влюбиться,
Что тут поделать, не дано, увы.

Угасло что-то, иль перегорело
В глубинах донжуановской души.
Рукой подать нам от влечения тела
До некой аскетической межи.

Ты не аскет, хотя и не гуляка.
Ах, если бы хоть раз на склоне лет
Однажды средь бесчувственного мрака
Возник любви неугасимый свет...

СЕРДЦЕ ПЕСНИ

Всё случается на свете не случайно.
Всё логично от начала до конца.
Ну, а песня – удивительная тайна,
Не понятно чем берет она сердца.

И слова не лишены в ней дарования,
И мелодия способна тронуть всех.
Тем не менее, не стали бы заранее
Этой песне мы предсказывать успех,

Вроде, песенка бывает неказиста,
Но какая-то в ней всё же глубина,
Как и безголосые артисты,
Что звучней иного певуна.

И сумеют ли ответить на вопросы
Знаменитые басы и тенора
Почему они забыты, а Утёсов
И сегодня нас волнует, как вчера?

Даже вкусов и времён переоценка
Наших душ не переделала всерьёз.
В чем-то старомодная Шульженко
Нас поныне трогает до слез.

Все из своего, конечно, века:
Песенные ритмы и слова.
Ведь у песни, как у человека
Тоже свой характер и судьба.

И её крылатое паренье,
И тепло манящих губ и глаз,
Каждое волшебное мгновенье
В сердце песни, как в душе у нас.

* * *

Мы учимся себя осознавать в полёте.
В пространстве растворясь, полусмежив глаза,
Певучей нитью нот и молнией мелодий
Пытаемся к земле приблизить небеса.

Над вечной новизной земной клавиатуры
Склонил седой парик великий органист.
Там ангелы парят и мельтешат амуры
Подобно той любви, что вызвана на бис.

Что окрыляет нас и наполняет душу,
Которой дарим мы восторженно цветы.
Вот только б никогда не разучились слушать
Мелодию, что к нам нисходит с высоты.

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО
СОКРОВЕННОЕ

Об этом в двух словах не расскажешь.

Война. Сибирь. Нам с братом чуть больше десяти. Спали мы с ним на одной койке, солдатской, «валетом». Одежда нам не хватало, и брат вечно тянул его на себя, а я — на себя. И мать укладываясь спать, всегда подходила к нам и поправляла одеяло.

Однажды увидел ее за странным, как мне тогда казалось, занятием. Погасив свет, она подошла к окну, оглянулась на нас, задернула плотнее занавески, еще раз оглянулась и опустилась на колени лицом к углу комнаты. Глядя куда-то вверх, она быстро-быстро что-то шептала. Я не мог разобрать, что именно она шептала, но было ясно — она молится. Затаив дыхание, я изумленно смотрел на мать.

Я не раз видел в кино, как молятся люди, но никогда не видел, чтоб молилась моя мама — в то время никто из наших знакомых не верил в Бога, советская власть воспитала нас яркими атеистами. Не верили в Бога, я знал, ни отец мой, ни мать. И вот...

Помню, поднявшись с колен, она подошла к нам, поправила одеяло. Я уже хотел протянуть к ней руки и сказать что-то, но вдруг заметил сквозь прищуренные ресницы — она крестит меня... Потом наклонилась над братом и его перекрестила, медленно, как-то очень осторожно и бережно. И вздохнув, на цыпочках пошла к своей кровати.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Лежал с закрытыми глазами и думал: если мама крестится, значит, она верит... в Бога... Выходит, Бог есть!? Но почему все говорят, что Бога нет?

Я не осмеливался расспросить об этом у матери. Чувствовал, что дело это очень деликатное и даже интимное. И долгое время ни с кем не говорил о вере в Бога.

И сегодня думаю: двадцать лет назад, когда мы были еще советскими, я и предположить не мог, что наступит время и я свободно смогу излагать свои мысли на эту тему на бумаге

и даже напечатать в прессе, делясь с другими людьми, подобными мне.

Теперь я открыто могу признаться, что Бог во мне жил всегда, с самого раннего детства. И, наверное, каждый из нас носит в сердце самый памятный случай, связанный с Высшим разумом, случай, который тебе помог поверить, что мы не одни в этом мире, что Бог есть. Он видит тебя, смотрит за тобой.

Был и со мной такой памятный случай. Однажды я чуть не застрелил себя и своего лучшего друга. Произошло это со мной сразу после войны, когда я был мальчишкой. Был у нас, пацанов, наган, который мы нашли однажды в полуразбитом товарном вагоне, стоявшем в тупике. Нашли в мусорном хламе.

Отец мой был военным и потому, наверное, оружие доверили мне. Я изучил его досконально. И хотел это продемонстрировать перед другом, который в тот день пришел ко мне. В нагане было четыре патрона. Три пазка в барабане оставались пустыми. Как мне показалось, я хорошо все рассчитал: три пустых пазка барабанчика – значит, я могу трижды щелкнуть вхолостую. И пугая своего друга, я, дурак, направил дуло себе в сердце и, холодея, нажал на курок: щелк!

– Не надо так, – хрипло сказал мой друг.

Но я уже вошел во вкус, в азарт: чем страшнее ему, тем интереснее мне! Направил и на него револьвер. И снова нажал, болван, на курок. И снова холостой щелчок. На этот раз мой друг промолчал – кому хочется быть трусом...

О том, что мы затеяли очень опасную игру, мы тогда не думали.

Перед третьим «выстрелом» я кое-как украдкой глянул в барабанчик и убедился, что ствол совпадает с пустым пазом. Отважно, лихо так навел наган на себя, потом на друга. Он смотрел округлившимися глазами в ствол, замерев на миг и не мигая. Он доверял мне, а я – револьверу.

Что-то – быть может, инстинкт противления насильственной смерти, заставило меня все-таки чуть отвести ствол от головы друга и не приставить к своей. Я сидел на койке, мой друг рядом на высоком сундуке, наши плечи касались, рука с наганом была меж нашими головами. Черный круглешок смерти чьим-то усилием в этот раз был направлен в потолок. Я не хотел нажимать на курок. И вдруг – выстрел! Он оглушил нас и я, перепуганный до смерти, взглянул на друга – не убил ли его? Я ведь только что направлял на него пистолет. Мой друг Вовка был белый как

снег. Ни стопа, ни крови. Значит, живой...

Как хорошо, что в последний момент я отвел ствол револьвера в сторону. Или, может, это не я отвел?!

Теперь могу признаться: все мы тогда, мальчишки и взрослые, тайно верили в Бога, но не признавались друг другу в этом. После того, как я впервые увидел, что моя мама молится, я часто тайком тоже молился. Чтобы скорей закончилась проклятая война. Чтобы отец вернулся с фронта живой. И закончилась война... И отец живой вернулся!

Все в нашей жизни не так просто, как иной раз нам кажется.

Люблю одну притчу, которая проливает свет и на то, что случилось с нами тогда, точнее, на то, чего, к счастью, не случилось.

Приснилось человеку, что он умирает. Вот он отрывается от земли, пролетает сквозь темный коридор, еще мгновение — и глаза его ослепляет яркий свет уже другого мира. Последний прощальный взгляд на землю. Там, внизу, на грешной земле, он увидел себя, идущего вдоль берега реки жизни, а рядом с собой — Бога. Две пары следов виднелись далеко-далеко и уходили за горизонт. Значит, Бог все время шел рядом? Но в одном месте, там, где ему, покинувшему бранный мир, было всего труднее, виднелась лишь одна пара следов. И человек спросил:

— Господи, я думал, что ты всегда был со мной. Но в самую трудную минуту ты меня покинул?

Бог обнял человека и, улыбнувшись, сказал:

— Дорогой мой, я всегда был с тобой. А там, на берегу реки жизни, где видна лишь одна пара следов, когда тебе было труднее всего, я нес тебя на руках!

Наверное, Бог нес на руках нас и тогда, когда я, шалопай, играл в «русскую рулетку». Рука Господня отвела смерть от моего друга и меня, за что я безмерно благодарен Всевышнему.

Честно говоря, по-хорошему завидую тем, кто искренне верит в Бога, открыто крестится, молится, ходит в церковь. С Богом легче жить. И легче умирать. А оставшимся творить новую жизнь, более духовную, а стало быть и более счастливую.

ПОЭЗИЯ

Инна МЕЛЬНИЦКАЯ
РОДИНЕ — БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ**РОДИНЕ**

Родина! Ты разною была —
То взалёб, безудержно счастливой,
То жестокой и несправедливой,
То пылала грозно, то цвела.
Было всё: и тюрьмы, и Гулаг,
Был Артек, был БАМ и был Гагарин,
Едкий пот — и твёрдый, гордый шаг,
Аромат цветов — и запах гари,
Но как навалилась вражья сила —
Вой бомбёжек, виселицы, кровь, —
Я тебе всё черное простила,
И осталось лишь одно — любовь!
А когда Великое распалось
И границы шрамами легли,
Я как будто сиротой осталась
Посреди растерзанной земли:
Колокол гудит на горькой тризне,
Дождь слезами падает в траву...
Родина!
Мне без тебя нет жизни,
Потому, что я тобой живу!

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

«Любимый город может спать спокойно» —
Еще с экрана заверял Бернес,
А мессеры уже свой груз убойный
Роняли где-то с обезумевших небес.
Да, мы тогда почти спокойны были
Здесь, на своей «одной шестой земли»:
Подумать только — мы в кино ходили!
Мы попросту подумать не могли,

Что самый долгий летний день взорвется
И оглушит нас грохотом сердец,
Что кровью вдруг застава захлебнется
И кровью заалет Муховец,
И жизнь цедя последними глотками,
Последней самокруткой дымя,
Здесь кто-то нацарапает на камне
Навечно: УМИРАЕМ НЕ СРАМЯ!
Нам с вами «УМИРАЕМ НЕ СРАМЯ».

«БОЛЬШОЙ ВАЛЬС»

(кинотеатр «Ударник», год 41-й)

Тревога, свет, отчаянный бедлам —
И я к тебе поспешно пробираюсь,
А на экране, в желтом свете ламп
Еще красиво плачет Шани Штраус
И мирно плещет голубой Дунай,
Тревогой отодвинут и уменьшен,
А музыку глушит зениток лай,
И грохот бомб, и плач, и крики женщин...
Я помню развороченный подвал,
Бесстыдно, как белье, открытый взглядом —
И чей-то мир, убитый наповал
Горячими осколками снарядов...
И под ногами, где была трава,
Хрустит стекло и каменная крошка.
Ты еще жив.

И я еще жива —
Ведь это только первая бомбежка.

ПОПРАВКА НА МАГНИТНОЕ СКЛОНЕНИЕ*

(из путеводителя)

Она была немыслимо трудна —
Дорога в жаркий август сорок третьего:
В ней что ни день, то горькая отметина —
А впереди ещё была война.
Пути наши солдатские — не мерены;

* Магнитное склонение — угол, образуемый плоскостями магнитного и географического меридианов данного места земного шара.

Нас гордый ветер славы просквозил:
Мы возводили жизнь на пепелище!
В том мёрзлом неуюте, в той грязи
Мы были бескорыстнее и чище.
Всеобщей породнённые бедой,
Голодные — мы так легко делились
Куском последним, скудной едой —
И как тогда сердца согласно бились!
Мы принимали славу и вину —
Всеми причастны и за всё в ответе —
Мы добивали гадину-войну,
Чтобы войны не знали наши дети.
И Город, возрождённый, восставал,
Как птица Феникс, расправляя крылья, —
И мы такие гордые слова
Вдруг для себя по-новому открыли:
Мой Город, Родина, мой Дом, моя Страна —
Такие дорогие имена!
И Город мой поныне не забыл,
Каким он гордым и счастливым был.

«Куплю золото, бриллианты, ордена»
(рекламное объявление)

Помилуйте, да что случилось с нами?
Что стоят нынче Родина, Любовь?
За ордена мы проливали кровь,
А нынче мы торгуем орденами.

МОЙ ГОРОД

Расторопные люди меняют названия улиц,
Словно строки истории силятся переписать —
И насупились крыши,
и плечи кварталов согнулись:
Ведь у города в памяти
вечно живут голоса.
Он всё помнит, мой Город:
и злое, и светлое время —
И косметикой вывесок
раны его не прикрыть.

Он не с вами, безликие!
Город — он всё ещё с теми,
Чьи слова и поступки,
как гвозди распятий, остры.
Он не станет провинцией,
вялой, бездумной и сонной:
Под землёй его дремлют
могучие корни родства.
Он вздохнёт полной грудью,
колючим и терпким озоном,
От которого дерзостно,
кругом идёт голова.
Он достоинством болен,
он праведной гордостью светел,
Хоть молчит до поры
наш суровый Великий Немой,
Но прорежется голос,
проснётся и вскинется ветер:
Он не ваш, этот Город, менялы!
Вы слышите — мой!

ХАРЬКОВ. УЛИЦА ЧУБАРЯ, 7/9

К реке стекают улицы по склонам,
Ясны по-детски улиц имена —
Как будто в платье розово-зелёном
Сбегаёт босиком сама весна.
Вот особняк на улице Садовой*
Над кипенью садов парит в ночи,
И над землёй, над целым миром снова
Могучий голос Гения звучит...

...Прошло столетье. Нравы опростились:
Не те названья, отцвели сады —
И всё же мы сегодня причастились
Сиянья отдалившейся звезды.
И вновь ожог прекрасного внезапен:
Глаза горят и речи горячи,
Как будто вновь поёт для нас Шаляпин

* На улице, ранее называвшейся Садовой, в доме известного отоларинголога Сурукчи наездами подолгу останавливался Фёдор Иванович Шаляпин. Здесь он лечил своё горло, здесь пел для хозяина и его гостей.

Здесь, на Садовой, в доме Сурукчи!
Дом обветшал. Осыпалась лепнина,
Забита дверь парадного крыльца,
Но он нас окликает всё едино
Бессмертным, властным голосом певца:
Остановись, прохожий! Помолчи!
Послушай стены дома Сурукчи!

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

Пустынною улицей пара лошадок
Бредет, нарушая привычный порядок
Их пара девчонок ведет в поводу —
Я следом за ними неспешно иду.
Над улицей небо висит невысокое,
Лошадки плетутся, подковками цокая,
Кивают усталыми головами,
Как будто обмениваются словами.
Ненужно болтаются их стремяна,
А в небе над ними тоскует луна
И цедит сквозь тучи рассеянный свет.
Других фонарей здесь поблизости нет,
И кажется мне, что лошадкам на плечи
Ложится невидимо грусть человечья.

ГРАНИЦЫ

*В Казачьей Лопани остановки не было.
(из путевого дневника)*

Свет Родины, как лик на плащанице,
В сознание навсегда запечатлев,
Ты ощутил, что пересек границу, —
А значит едешь по чужой земле...
Нет, карты врут! Обманны рубежи!
Ты чуял под колёсами родное,
И по тому, как больно сердце ноет,
Ты понимал, что порознь нам не жить.
А поезд хмуро громыхал по стыкам,
И грохот отлетал под облака,
А ты молчал и думал о Великом,
Которому нет имени пока.

РЕЦЕНЗИЯ

Александр ГОЛУБЕВ
О СОКРОВЕННОМ ВСЛУХ

Книга Валерия Ганичева «Итак, о русском»* прикасается к болевому чувству титульной нации России в осознании собственной историко-культурной, духовной и этнической самодостаточности. Как мне думается, такая творческая задача автора была обусловлена тем, что с недавних пор в родном Отечестве не только пророков, но и просто людей русской национальности вроде бы и не должно быть. Называть себя великороссом стало как-то неприлично. Мы теперь все «россияне» — понимаешь. А уж если, невзначай, назовёшь себя русским, то угодишь, брат, в националисты, с шовинистическим окрасом, или ещё в какую-нибудь ксенофобию.

Потому, наверно, и возмущает любого нормального «русака» непонятно откуда пришедший недобрый слушок о своем соотечественнике, как «душители свободы» и «угнетатели нацменьшинств». В том числе и тех народов, предки которых еще «во время оно» добровольно вошли в состав Российской империи. Полагаю, что данное обстоятельство и подталкивает воинствующих националистов, подогретых слоганом «чемодан, вокзал, Россия», с улюлюканьем изгонять русских в их родные пенаты. Хотя, не везде неприязненное отношение к нашим соотечественникам является безусловным, но в сухом остатке большинство граждан союзных республик спокойно восприняло дискриминацию уроженцев метрополии.

В самой России сорвавшийся с катушек агрессивный национализм бывших сограждан по СССР вызвал во многих умах чувство недовольства и возмущения. Мы ведь искренне были уверены в том, что добро, с которым русские люди в течение многих столетий щедро делились с

иноплеменниками: соседями и друзьями, надолго оставит в их сердцах благодарный отклик. Но не тут-то было. И возникает вполне резонный вопрос: кто же на этом перестроечно-развальном перепутье порадеет русскому человеку? Есть ли в пределах ушедшего в небытие бывшего Союза и современной Федерации такая сила?

Оказывается, есть. В. Ганичев справедливо утверждает, что ведущее место в борьбе за сохранение достоинства русского человека принадлежит Всемирному Русскому Народному Собору, доблестные пастыри которого, Светлейшие патриархи Алексей II и Кирилл, услышав мольбы чад своих, откликнулись и создали фронт Согласия народного духа. Размышляя об этом, проявляя недюжинную эрудицию и многолетний опыт идеологического работника, автор книги «Итак, о русском» глубоко и точно определяет стратегическое направление в развитии самосознания славянства, особо отмечая цементирующую роль православия, тонко чувствует опасность влияния негативных факторов извне, пытающихся разрушить стержневые устои русского духа, такие, как патриотизм, веру в единство, согласие и дружбу людей, без чего нет самого понятия «народ».

И ещё. Без сохранения культурных, исторических традиций, в том числе недавнего советского прошлого, нет будущего. «Ныне ещё многие помнят, — пишет в своей книге В. Ганичев, — выдающиеся фильмы о Пирогове, Мичурине, об Ушакове, Нахимове, Александре Невском, Богдане Хмельницком, вышедшие накануне и после войны, где слово «русский» не подвергалось остракизму, не маскировалось в «россиянин», оно было высоким знаком России. В этих фильмах был запечатлен высокий подвиг во имя народа, бескорыстное служение России, глубокая вера в будущее Отечества».

Отмечает автор и такое обстоятельство. «Конечно, во времена СССР было трудно показать один из решающих факторов, укрепляющих русский народ и возвышающих духовную сущность наших соотечественников, а именно деятельность отцов православия. Но высокий художественный талант мастеров литературы и искусства, показывал православие как главное начало тысячелетней

России». Вместе с тем, следует также заметить, что для многих современных политфункционеров, кстати, не только зарубежных, роль православия не столь очевидна в становлении нации, а некоторые из них считают вообще мифическим преувеличением влияние православия, русской патриотической и духовной мысли в образовании российской державы. Кто-то воспринимает это с раздражением, пытаясь сослаться на факт погрома церквей и уничтожения колоколов после революции, совершенные якобы народом. Конечно, эти измышления идут от лукавого. Нашим современникам хорошо известно, что «комиссары в пыльных шлемах, эмиссары, приехавшие из-за границы, ставили перед собой не только низвержение самодержавия и свержение русской буржуазии, а в не меньшей, если не в большей степени, разгром православия, разрушение храмов и церквей».

Попутно заметим, что подобные моменты в истории нашего государства повторялись много раз. Кто только ни приходил на Русь с оружием? Но сплоченный разноплеменный народ давал достойный отпор супостатам. Графа «национальность» в данном случае не играла существенной роли. Потому что появились в народном сознании общие духовные скрепы, объединявшие граждан высоким понятием сопричастности к единому созидательному делу: созданию на огромных просторах страны – империи человеческого братства. Именно русские люди в воплощении этой идеи были застрельщиками.

Как подчеркивает В.Ганичев, успех благого дела случался тогда, когда сонм разных племен России объединялся вокруг народа русского, когда национальное самосознание приобретало характер соборности, духовного единения. А разница конфессиональных убеждений не была разрушительной, потому что на протяжении многих столетий народы жили в одном территориальном измерении, уважали обычаи друг друга, общее историческое прошлое и национальную культуру, считали Россию своей Родиной. Однако, в связи с распадом СССР в печати все чаще и чаще стали появляться самостийные взгляды, нередко весьма радикальные для славянского единства. Например, на то, что Киевская Русь перестала быть колыбелью трёх

братских народов. Как истинный патриот Отечества, В.Ганичев с озабоченностью рассуждает об этом, и, будучи авторитетным деятелем культуры, прилагает немало усилий для того, чтобы действенная сила мастеров слова служила гуманизму, отражала духовные запросы братских народов. Важным подспорьем в этом, по мнению писателя, ученого, руководителя ведущего творческого Союза России, у сторонников славянского братства является русская литература. Многонациональная по содержанию и гуманистическая по сути, она по-прежнему соединяет читательские сердца любовью к ближнему, чистотой помыслов и верой в промысел Божий, как высшей меры бытия.

И, конечно, одним из важнейших условий сохранения дружественных отношений между народами, теперь уже независимых стран, является русский язык. Но именно это обстоятельство больше всего пугает националистов. Как показывают последние события в Латвии, «великий и могучий» становится полем сражения за сохранение интересов не только коренного населения, но и жителей других национальностей республики. Ведь хорошо известно, что культурные, научно-просветительские и духовные связи, накопленные в прежние столетия и в годы советской власти, стали наиболее прочным звеном в реальном сотрудничестве.

Книга «Итак, о русском» проникнута нарастающей озабоченностью об утрате созвучия народных душ, без чего невозможно человеческое братство, что, по мнению автора, является главным условием развития славянской цивилизации. Собирательная роль православия общеизвестна, но именно этот фактор после 90-х годов стал предметом особого внимания ненавистников России. Пытаясь заигрывать с либеральной публикой трёх славянских государств, западные политики ставят при этом главную цель: не мытьём, так катаньем привести в действие разрушительные силы, поочерёдно внедряя на пространстве СНГ разноцветные революции, направленные на отчуждение и создание рецидивов вражды между дружественными в недавнем прошлом республиками.

И здесь стоит особо подчеркнуть стойкость духа граждан этих государств, тонко чувствующих смертельную опасность

для православия и всей славянской цивилизации. Вот почему, несмотря на малый формат, скромный объём и тираж, книга «Итак, о русском», несёт мощный энергетический заряд в обретении национальных ориентиров самосознания славянского мира, обновляет и дополняет концепцию сплочения народов России, Украины, Белоруссии и, безусловно, войдёт в фонд деятельного наследия православной мысли, завещанных летописцами «дней минувших» и отечественными учёными-историками, публицистами, писателями: Н. Карамзиным, С. Соловьёвым, В. Ключевским, А. Герценом, украинцами – Н. Костомаровым, И. Срезневским, белорусом М. Кояловичем, выдающимися современными славистами: П. Толочко, Д. Лихачёвым, Б. Рыбаковым, О. Платоновым и др.

«Мы русские, с нами Бог», – сказал когда-то великий полководец Александр Суворов. И как бы в подтверждение этих слов, автор вышеназванной книги приводит молитву святителя Николая Сербского о русском народе: «Всемудрый Боже... вземли и услыши молитву нашу за Твой русский православный народ!»... И молитва эта дошла до Господа Бога. Вместе с духовным наставником православного мира, Святейшим патриархом Московским и Всея Руси Кириллом, Россия обретает облик государства сильного, независимого, становится главным оплотом и хранителем славянского братства.

Книга Валерия Ганичева об этом.

Римма КАТАЕВА

У КАЖДОГО - СВОЙ ХРАМ**МОЕ ПОКОЛЕНИЕ**

(из поэмы)

III

Как мы ждали ее! Как хотелось разведать,
У родных, у земли поточнее узнать,
По народным приметам верный выискать знак:
Ну, когда же, когда же, когда же победа?!

Но еще впереди встанет столько окопов,
Столько разных боев, столько ран впереди!
Чтобы светлую стать, ей придется пройти
Через долгую кровь, через долгую копоть.

Донесется ее нарастающий голос
Гулом дальних, свободных уже городов.
Имена их в эфир зашпешат чередой
И когда среди них — тот, единственный город!..

На свободной земле детвора оживала.
Дали голосом детским кричали: домой!
Возвращаясь, мы с новой встречались бедой:
Дома — дома родного и не доставало...

Отошли далеко орудийные громы.
Но гуляет разруха во всей наготе.
Бродим мы между стен, спим почти в пустоте,
Но зато это счастье великое — дома!

Возвращенье... Из доброго прочного тыла.
Возвращенье под свой, пусть разодранный кров.

И к Победе — из разных ликующих слов —
Ближе всех в эти дни «возвращение» было.

Мы не все до Победы вернуться сумели.
Да и после нее мы вернулись не все...
Не забыть, кто упал в перевернутый свет,
Выйдя в бой, не успев дорасти до шинели!..

А тогда, в тот стремительный год сорок пятый,
Мы, подросшие в разных широтах страны,
Волновались: — Так сколько ж осталось войны?
Кто последним окажется
Павшим солдатом?

О последнем никто никогда не узнает.
Но куда-то по мирной уже синеве
Полетят похоронные на сыновей
С беспощадной пометкой: «Девятое мая».

День Победы! Сокровище нашего детства...
Он пробился ростком в страхе первого дня,
Когда небо упало лавиной огня,
Когда всем нам казалось, что некуда деться.

А теперь он поднялся такую громадой,
Что на миг ослепил и на миг оглушил.
Не видать ни одной равнодушной души —
В нас Победа вошла
Долговечным
Зарядом!

IV

Мы выжили в этой проклятой войне.
Мы вышли из голода, холода, дыма.
Моим поколением свято хранима
Правдивая память
О страшной цене
Тому, что сегодня ромашки цветут,
Что солнце — как солнце и небо — как небо,
Что в доме тепло и достаточно хлеба

И дети, как водится,
в школу идут.
К нам в души – унылый – не вгрызся скулёж.
Наш гнев против фальши открыто неистов.
И твердой походкою максималистов
Нередко смущаем
Свою молодежь.
В нас все еще жив комсомольский задор,
Зовущий вперед, презирающий косность,
И первым рванулся в неведомый космос
Мальчишка отважных военных годов.

Внимательно слушаем старых бойцов.
Своя у них память, свои у них раны.
Все чаще уходят от нас ветераны,
Все меньше у нас
остается отцов...
Чего не доскажут – рассказывать нам.
Петь песни, что ими надолго напеты.
Их чувствовать в наших спокойных рассветах,
Во всем, что убить не сумела война.

Нам много доверено. Много дано.
Посты. И бесчисленный перечень званий.
Но выше любых самых важных заданий
Священным заветом
живет в нас одно:
Чтоб мертвой не сталоь кругом тишины,
Чтоб легче живому дышалось на свете,
Встает, перед Родиной вечно в ответе,
Мое поколение – дети войны.

Со мною приключилось что-то —
Впервые радуюсь весне.
Не постучав в мои ворота,
Так, просто так, пришла ко мне, —
Сметливою и озорною,
Уже в воде, еще в снегах.

Своею звонкою кобзою
Опять зовет стихи слагать.
Откликнулись мои ступени:
Перо в перо — пытаюсь вновь.
.....
В каких-то там кустах сирени
Таится вешняя любовь.

Нет тюльпанов. Не пришли.
Вдруг явились гиацинты.
Белый свет их так неистов —
Высадились
из души.

И в соцветьях шесть по шесть —
Лепестки струятся к выси.
Длинные, крутые листья
Щедро
Отдают мне честь.

Негой собранный росток
Проникает в мое сердце.
Гиацинты гонят серость...
... Кто принес их?

Кто же?

Кто?!

8 марта 2012

Спасибо тебе за свободу
Моих незаплаканных лет,
За эти нежданные всходы,
За то, что останется след
От жизни, когда-то незрячей —
Прозревшей на бегу,
За то, что сегодня удачу
С тобой разделить
не могу!..

Ты пропал. И я пропала.
Ни единого звонка.
Серым почерком опала
Точит гордая тоска.

И в немой, усталой сшибке
Горько прячется ничья:
То ли ты во мне ошибся,
То ль в тебе ошиблась я.

У каждого — свой храм.
Святая всех святых.
Хранитель чистоты
И врачеватель ран.
Разглядит всякий шрам,
Укроет от огня...

... Мой храм вошел в меня.
Войду ли я в свой храм?..

Татьяна ДАШКЕВИЧ
ТОЛЬКО БОГ МЕНЯ И УБЕРЕГ

* * *

Я устала. Может, я пропала.
Только Бог меня и уберег.
А скажите, разве это мало,
Если рядом – вездесущий Бог?

Если рядом с грешницей такую
Кто-то тихо вымолвит без слов:
«Дай, дитя, тебя платком покрою», –
И тихонько развернет Покров.

ТРИ МОНАХИНИ

Как по дольней по дороге,
По заезженной пыли
По людские по тревоги
Три монахини пошли.

Они шли, не отдыхая –
Ночь ни ночь им, день ни день...
Цель была у них святая:
Останавливать людей.

Вот и я остановилась
С тяжкой ношею в груди,
На коленки повалились:
Нету света впереди!

Были люди и вокзалы,
Были рюмки и дома,
И глаза перед глазами,
И больница, и тюрьма...

Все дороженьки крутые,
Все дороженьки в пыли,
Все они меня, родные,
Да на мостик привели!

Вы монахини-сестрицы, это — я?
Или не я?
Шаг последний, и водица
Понесет в ины края...

Три монахини святые
Помолились мне в ответ,
Их фигуры золотые
Уходили в Божий свет.

Я стояла на дороге,
Ой, коленями в пыли...
От тревоги до тревоги
Три монахини пошли.

СЕСТРА

Светила луна,
Ходила кошка чужая,
Труба коптила дымом чужим,
Нищенка шла от края до края,
Легкая, словно дым.
Она богаче меня душою,
Не говорите мне ничего...
И я не скажу, ничего не открою,
Ничего не скажу чужим.
О чужая, ты ль мне чужая,
Посторонняя мне сестра?

Я иду за тобою от края до края,
А идти мне по краю пора.
Стужа выстудит лживую душу,
Очищая ее канву.
Я твой мир, сестра, не разрушу.
Можно, я в нем хоть миг поживу?
Только страшно, что в этом мире
Ты одинока: лишь небо и ты,
Запоздалые гости в чужой квартире,
И упавшие сверху живые цветы.

* * *

Я расскажу тебе чего попроще,
Такое есть повсюду и везде.
Вот на пароме дремлет перевозчик —
Соломинки застряли в бороде.
Он в кулаке раскуривает «астру»,
Пыряет грозно в отмели шестом,
Когда к нему его приходит паства
И заполняет дряхленький паром.
Плывет паром, плывет река, как время,
По кругу омывая шар земной.
Несет паром свое живое бремя
В космический предел берестяной.
Здесь в каждом одиноком пассажире
Есть небо, океаны и земля,
Особое понятие о мире,
И личное понятие рубля.
Они минуют городской поселок,
Поля картошки, рощу, выпаса,
Поет вослед разбуженный подтелок,
Коровы голоса «на голоса».
Вот поворот — шестом по илу росчерк,
Вот купол проезжают, люд притих.
Перекрестился молча перевозчик,
Ответственный за каждого из них.
Он тощ и хром, как остов колокольни,
Его житье клонится в забытье,

Его жилье — развалины да колья,
Да светлого Георгия копые.
Быть может, есть на свете избы плоше,
Ведутся почуднее мужички,
Ко всем приветлив глупый дядя Гоша:
Улыбка — на гостинцы и тычки.
Пльви, паром, трудись, душа святая,
Любя дурного, доброго любя,
Шестом медовым волны коротая,
Шестом-копьем, точенным для тебя.

ПАСТУХ

Сергею Котькало

Переведи круторунное стадо овец
Через мостки голубых неботканых озер.
Плавает в озере черная рыба слепец,
Водится также ползучая рыба позор.

Там этих рыб и не счесть, чуть вода не кипит...
Рыба-беда, и разлука, обида, и боль.
Этими чудами озеро наше кишит.
Овцы идут, как привязанные, за тобой.

Ты не неволь, не гони их, не то упадут,
Долго их чистить и мыть доведется тогда.
Прячь в голенище подальше ореховый прут,
Да поспешай, чтобы вдруг не вздурилась вода.

Это бывает — тогда ничего не сберечь,
Чудища-юдища прямо ползут по земле,
Страшно послушать их потустороннюю речь,
Страшно увидеть их водные рыла во мгле.

Нынче чуть ветрено, знойно, и солнце слепит,
Словно овечки, по берегу — стадо раки,
Только плеснет в отдалении рыбушка кит,
Чистая рыба, — и в тайный воротится скит.

ПЁТР И ПАВЕЛ

У Петра и Павла мальвы розовы.
Грозвые облака плывут.
Завтра они сложат головы.
Ужаснется даже голливуд.

Воют жёны на окраине —
Препоясали и увели.
В этот день в садах Украины
Мальвы розовые расцвели.

По селу прошли угодники,
Только дети их заметили.
Всё пололи огородники,
Не смотрел никто за детьми.

Вынес диакон образ к Празднику,
Убрала Марыся мальвами:
Пусть угоднички порадуются,
Пусть подышат цветом-травами.

Шла гроза, как угорелая.
Этот год болеет грозами.
У Марыси хатка белая,
У Марыси мальвы с розами.

СЛОВА ДУХОВНИКА

О.Андрею (Речицкому)

«Среди толпы, и тишины среди,
Случится что-то, или не случится,
Ты, как корабль, с молитвою иди,
Везде и всюду научись молиться».

Да, я хожу с молитвой на устах,
И день, и ночь молитва в сердце длится...

Но духовник мне отвечает так:
«Учись, моя хорошая, молиться».

Когда приходят старые грехи,
И глаз я не смыкаю, как совица,
В слезах молюсь, а не пишу стихи...
А он твердит: «Учись. Учись молиться».

Постом решусь, унылая, спросить,
Как удалось отцу так научиться
О нас о всех Создателя молить,
Он мне ответит: «Я учусь молиться».

РАЗГОВОР

– Прости, мой друг. Теряю силу.
Мне больше нечего сказать.
И только «Господи, помилуй»
Мне остаётся повторять.

– Но если «Господи, помилуй»
Не забываешь повторять,
То у тебя не просто сила –
С тобою ангельская рать.

– Но нет молитвы детски кроткой,
Пустые помыслы придут,
И кипарисовые чётки
На пол холодный упадут...

Ругаю я себя и плачу,
И прочь мечтательность гоню.
На что, на что я время трачу,
Какие пустоши храню...

– Что ж, на земле в наш век короткий
Немало горестных минут.
Тем и утешись, что чётки
По Божией воле упадут.

МАМЕ

Повяжи ты мне платок
Синий, матовый, шелковый,
Из водицы родниковой
Повяжи ты мне платок.

Отведи меня во храм
Благовещенья на горке,
Расскажи мне, как мне, горькой,
Как молиться по утрам.

Вдоль распаханых полей
Не закончится дорога.
Дай мне, мама, хоть немного
Детской ясности моей.
Жизнь проста, но не легка:
То пшеница, то осока,
Но ведет меня до срока
Мамы тёплая рука.

Можно к ней щекой прильнуть
В час неясный непогоды.
Как дожди, проходят годы.
Ты побудь со мной, побудь.

БОГОМОЛИЦА

Выбились на свет седые прядки,
Красная в руке горит свеча.
В жизни не меняла без оглядки
Кровь Христа на ленту кумача.

Кровь Его опять её согрела,
И стоит, как свечечка, чиста,
И поёт, как в молодости пела,
Гимн о Воскресении Христа.

Не разжать сухого троеперстья,
Во перстах — не соль и не игла.
В такт знамению отвечает сердце,

Вот и снова руку подняла,
И, себя щепотью омывая,
Белу свету, кланяясь челом,
Как молитва кроткая, живая,
Теплится у Церкви под крылом.

ПЕВЧАЯ

Кате

Котята, куклы, брат, молитвослов —
Вся жизнь дитяти связана с игрою,
Хранит её спасительный Покров
За Тучной и усыренной Горою.

Ей судий нет — ей Бог один судья,
И не за что судить её, малютку.
Всегда она с усердьем соловья
Поёт с большими, из часу минутку.

Лишь «Господи, помилуй» и «Аминь» —
Вот вся её короткая молитва.
На клиросе сияет глазок синь,
Она слепит, как благостная бритва.

Как полоснёт глазами по душе,
От чуждого святое очищая...
А девочка поёт свое «клише»,
Поёт и ничего не замечает.

Её учили, вроде, не кричать,
Не нажимать на звонкий голос силой,
Но трудно ей всю службу промолчать
И не взмолиться: «Господи, помилуй».

МОЛИТВЕННИК

Уж ночь близка. Окно темно.
Стоит дитя пред образами.
А на душе давно одно:
Молитва о болящей маме.

«Помилуй, Боженька, её,
Прости меня. Я лучше стану.
Пусть снова мамочка поёт,
Я баловаться перестану».

Наутро мама поднялась,
Была здорова, даже пела.
Вот так молитва вознеслась
И чудо сотворить успела.

Молись, дитя, всегда молись!
Крести свой лобик троекратно.
Твоя молитва к Богу — жизнь!
Она и жизнь вернёт обратно.

Авторы журнала

Биографические справки

БЯЗРОВ Тазрет Александрович родился 1.07.1924 г. в с. Новый Урух Северной Осетии-Алании. Окончил Дагестанский государственный медицинский институт, аспирантуру. Врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук. Участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Славы, орденов Отечественной войны, награждён многими медалями. Член Союза писателей России.

Живёт в г. Харькове.

ГЛЕБОВА Ирина Николаевна (Ирина Полякова) родилась в Харькове. По образованию – журналист. Член Союза писателей СССР. Член Национального союза писателей Украины, член Союза писателей России. Первые книги стихов издавались под псевдонимом Ирина Полякова. Первая книга прозы «Никогда в этом мире» (1996) увидела свет под именем Ирины Глебовой. С этого времени известна как прозаик. Автор серии ретро-детективов «Сыщик Петрусенко». Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в г. Харькове.

ГОЛУБЕВ Александр Александрович родился в 1943 г. на Дону в хуторе Краснояровском Вёшенского района Ростовской области. Поэт и эссеист. Окончил Воронежский педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького. С 1980 г. — сотрудник журнала «Подъём». Работал в должности главного редактора, директора-главного редактора. В настоящее время — заместитель главного редактора. Автор шестнадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени М.А. Шолохова. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Живет в г. Воронеже.

ДАШКЕВИЧ Татьяна Николаевна родилась в пос. Озерище Минской обл. в семье врача и инженера. Окончила Литинститут (1992; семинар Л. И. Ошанина). Работала в журналах: «Лепта» (1994-96), «Московский журнал» (1997-99). Преподает в Московском ун-те культуры (с 1999). Староста прихода Свято-Никольского храма дер. Валерьяново Минского р-на, Печатается с 1987. Автор трех поэтических книг, многочисленных культурологических статей, песен. Автор двух сольных диск-альбомов. Член СП России (1993). Лауреат международных премий «Умное сердце» им. А. Платонова (1997), «Имперская культура» (2004), телеконкурса «Золотой граммофон» (2000).

Живет в Москве и в Минске.

КАРТАШОВА Нина Васильевна родилась на Урале, в поселке спецпереселенцев. Мать поэтессы умерла, когда девочке было 6 лет, воспитывала ее бабушка-монахиня. На Урале Карташева закончила

общеобразовательную и музыкальную школы, а затем музыкально-педагогическое училище в Ленинграде. В 18 лет вышла замуж и переехала в Подмоскowie, в посёлок Менделеево. Работала преподавателем в детской музыкальной школе и Московском камерном оркестре. Первые стихи записаны в дневнике в возрасте 6–7 лет, но печататься начала в конце 1990-х («Наш современник»). С 1992 ведет в Международном Славянском культурном центре литературно-музыкальные вечера «Слово во славу», где выступает с авторским чтением и чтением русской классической поэзии. Член Союза писателей России. Лауреат премий Александра Невского, Ивана Ильина. Живет в г. Москве.

КАТАЕВА Римма Александровна родилась в Харькове. Окончила Харьковский мединститут. Работала в Полтаве участковым врачом, затем районным эндокринологом (1961-1975). По возвращении в Харьков стала членом литературного объединения им. Павла Тычины, затем его руководителем (1980). С 1976 года печатается в разных коллективных сборниках и литературных журналах. Автор 10 поэтических книг. Переводит стихи украинских поэтов. Стихи переведены на украинский и мордовский языки. Член СП СССР, член НСПУ (1992). Лауреат литературной премии НСПУ им. Николая Ушакова. Живёт в г. Харькове.

КОЛЕСНИКОВ Владимир Илларионович (27.07.1918-13.09.1999) родился в Новооскольском уезде Курской губернии. Окончил Новооскольское педучилище. С 1939 г. в рядах Красной Армии. 3 июля 1941 г., находясь в окружении, раненый боец оказался в плену. Прошел пять концлагерей Литвы, Польши, Восточной Пруссии. В апреле 1945 г. был освобожден из плена и сразу призван полевым военкоматом в действующую армию. В декабре 1945 г. демобилизован, как работник просвещения. Окончил Старооскольский государственный учительский институт. Создал в 1967 г. Новооскольский краеведческий музей (историко-революционный). Организовывал ежегодные районные слёты краеведов-туристов. Сохранившиеся публикации и фотографии походов и слётов 60-70-х годов прошлого века стали частью истории краеведения Белгородчины.

КОНОПЛЯ Александр Викторович родился в поселке Буды (Харьковская область). Работает в ОАО «Турбоатом» инженером. Стихи пишет на русском и украинском языках. Автор двух сборников: «Спрятанный рассвет» (2008) и «Богородица» (2010). Живет в пгт. Буды.

КОПЫЧКО Владимир Петрович родился 10 марта 1956 г. в Новосибирске. Окончил Харьковский авиационный институт, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Соавтор двух сборников стихов: «Харьковский вальс» (1998) и «Костры молчания» (2000). Написал около 150 песен на свои стихи, 20 песен – на стихи других поэтов. География концертов: г. Харьков, г. Дубна (Россия). Член Союза писателей России. Живёт в г. Харькове.

КОПЫЧКО Юлия Геннадиевна родилась в городе Черкассы. Окончила Харьковский институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф» (1979). Член творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина». Автор нескольких сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Харькове.

КОРЖ Иван Иванович родился 22.03.1934 г. в г. Харькове в семье рабочего. Служил в ракетных войсках стратегического назначения. Работал на заводах «Турбоатом» и ХЭМЗ. Посещал литературную студию при ДК ХЭМЗ, Центральную студию им. П.Г. Тычины при Харьковском отделении Союза писателей. Публиковался в периодической печати. Автор нескольких сборников. Живет в г. Харькове.

МЕЛЬНИЦКАЯ Инна Владимировна (Гаврильченко, урождённая Оскнер) родилась в Харькове в семье педагогов. Окончила Харьковский институт иностранных языков (1949) и аспирантуру при нём (1952). Преподавала в Харьковском культпросветтехникуме (1949-50), в Харьковском институте иностранных языков (1959-60), в Харьковском университете (1960-82). Переводы её печатались в журналах «Прапор» (Харьков), «Радуга» (Киев), «Крокодил» (Москва), выходили отдельными изданиями в «Огоньке» (Москва), ЭКСМО (Москва) и др. Проза её переводилась на украинский, белорусский, молдавский, мордовский и итальянский языки. Первая книга вышла в 1988 г. Награждена итальянской юбилейной медалью Ass.Naz.Alpini (1943-1993). Лауреат международной премии им. Долгорукова, премии им. Б.Слуцкого, юбилейной премии журнала «Радуга». Член Национального союза писателей Украины (1997), Союза писателей России (2007). Живёт в г. Харькове.

ОМЕЛЬЧЕНКО Василий Михайлович родился в Украине в 1931 году. Детство, юность и молодость прошли в России, в Сибири. Служил в частях «Осназ». Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России. Автор более трех десятков книг: романов, повестей, рассказов и очерков. Лауреат Международного литературного конкурса «Вечная память», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Лауреат республиканской премии имени В.Г.Короленко. Живет в г. Харькове.

ПЕНЧУКОВ Владимир Андреевич. Родился 9.09.1948 г. в Курской области. Служил на Дальнем Востоке. Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России. Автор нескольких книг. Живёт в г. Харькове.

ПИЛИПЕНКО Леонид Иванович родился в Харькове (1946). Окончил геолого-географический факультет Харьковского государственного университета. Член Национального Союза журналистов Украины. Работал в агентствах ТАСС, Укринформ. Публиковался в местной периодической печати. Живёт в г. Харькове.

ПРУДНИКОВ Пётр Михайлович родился 25.03.1940 г. в с. Плехово Курской области. Служил на Тихоокеанском флоте. Закончил Харабаровский железнодорожный институт, работал на Забайкальской железной дороге. Автор 10 поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет в г. Харькове.

РОДИОНОВ Владимир Александрович родился в 1940 г. в г. Сталинграде. Учился в Харьковском авиационном училище летчиков, закончил Харьковский авиационный институт. Автор около 40 сборников поэзии, прозы, песен. Член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России. Лауреат литературной премии Украины им. Н.Ушакова (1997) литературной премии Украины им. В.Г.Короленко (2006) и других. Почетный гражданин г. Чугуева (Харьковская область). Живет в г. Чугуеве.

РОМАНОВСКИЙ Александр Георгиевич родился 26.01.1953 г. в с. Занадворовка в Приморском крае на Дальнем Востоке в семье офицера. Почетный член Харьковской областной организации Национального союза писателей Украины (2002), член Союза писателей России (2003). Председатель Харьковского отделения СП России (с 2006). Секретарь Союза писателей России (с 2009). Награжден орденом «Почётный Крест Украинской Православной Церкви» (2003). Лауреат международной премии «Имперская культура» (2009), литературной премии «Слобожанщина» (2006). Автор 11 поэтических сборников, изданных в Украине, России и Польше. Живёт в г. Харькове.

РОМАНОВСКИЙ Вячеслав Евгеньевич родился 5.09.1947 г. на Донеччине. Окончил филологический факультет Харковского университета. Более трех десятилетий работает в журналистике. Автор 10 поэтических сборников. Член Национального союза писателей и Национального союза журналистов Украины. Лауреат муниципальной премии им. Александра Леся и литературной премии им. Василя Мысыка. Живет в г. Харькове.

СКОРОБОГАТЫЙ Игорь Семёнович родился 24.04.1940 г. в городе Харькове в семье служащего. Окончил Харьковский механико-технологический техникум и Харьковский инженерно-строительный институт. Работал в различных сферах народного хозяйства. Детский писатель-сказочник, автор семи книг. Живет в г. Харькове.

СМОЛЕНСКАЯ Светлана Алексеевна родилась в г. Харькове в семье служащих. Окончила архитектурный ф-т Харьковского инженерно-строительного института (1977). Кандидат архитектуры (1993), доцент. Печатается как поэт с 1972. Переводит укр. поэзию. Член НСЖУ (1999), член СП России (2012). Живет в г. Харькове.

ЧУПИС Ирина Евгеньевна родилась в Москве в семье служащего. Окончила физ.-мат. ф-т Харьковского ун-та (1959) и аспирантуру при нем (1962). Доктор физ.-мат. наук, доцент. Работала в «почтовом ящике» в Сухуми (1962-64), преподавала в Ужгородском (1964-66) и Дальневосточном (1966-95) ун-тах. Ведущий науч. сотрудник Физ.-техн. института низких температур НАН Украины (с 1975). Дебютировала как переводчик англоязычной поэзии в 1995. Автор кн. переводов: «Любви себя открой...» (1995), пьесы «Идеалисты. Харьков» (1997), нескольких сб. стихов.

Живет в г. Харькове.

ШЕЛЕХОВ Михаил Михайлович родился в 1954 г. в д. Плотница Столинского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, драматург, переводчик, сценарист.

Живёт в г. Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Нина КАРТАШОВА. Люби своих — и обессилит враг!	3
Михаил ШЕЛЕХОВ. Церковные стихи	23
Иван КОРЖ. Шли эшелоны на Берлин	78
Александр РОМАНОВСКИЙ. Откуда нельзя уйти?	118
Леонид ПИЛИПЕНКО. Здесь воздух городской — хрустальный	123
Александр КОНОПЛЯ. Броня незатейливых слов	127
Ирина ЧУПИС. Страна без спаса на любви	141
Владимир РОДИОНОВ. Посвященья песен царице небесной	144
Петр ПРУДНИКОВ. Тревога и радость души	159
Светлана СМОЛЕНСКАЯ. «Вспомнятся не лица — лики...»	162
Вячеслав РОМАНОВСКИЙ. «Не вічні ми — та вічне слово!»	166
Роман ЛЕВИН. Данность	170
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. Родине — большой и малой	177
Рима КАТАЕВА. У каждого — свой храм	188
Татьяна ДАШКЕВИЧ. Только Бог меня и уберег	193

ПРОЗА

Тазрет БЯЗРОВ. Альберт Озиев.....	15
Ирина ГЛЕБОВА. Лучезарное завтра	29
Игорь СКОРОБОГАТЫЙ. Сынок	81
Владимир КОПЫЧКО. Апокалипсис	97

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Владимир КОЛЕСНИКОВ. В историю дорога — с отчего порога	105
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия КОПЫЧКО. Эта странная игра в слова.....	133
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Сокровенное	174
---------------------------------------	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Александр ГОЛУБЕВ. О сокровенном вслух	183
--	-----

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

Биографические справки	202
------------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№10-11

Гл. редактор Л.И. Мачулин

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 120.04.2012. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура *PragmaticaCondCTT*. Усл. печ. л. 27,30. Уч.-изд. л.
27,70. Изд. №1. Зак. №____. Тир. 500 экз.

Учредитель: 000 «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
Тел./факс (057) 705-27-56
e-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331